

Алексей
Лухминский

Мой Ванька

Том
второй

Алексей Григорьевич Лухминский

Мой Ванька. Том второй

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8687272

Мой Ванька : Роман. Том 2 / Лухминский А.: «Геликон Плюс»; Санкт-Петербург; 2013

ISBN 978-5-93682-896-6, 978-5-93682-895-9

Аннотация

Оказывается, что в жизни ни наличие серьезного достатка, ни наличие высокого мастерства в профессии не может дать человеку подлинного счастья, если ко всему этому не добавляется теплота взаимоотношений с окружающими людьми, ощущение рядом с собой надёжного плеча и понимающих глаз. Как же порой нам всем не хватает именно теплоты, надёжности и понимания! Поэтому автору захотелось написать добрую книгу о хороших и поначалу не очень счастливых людях, которым все же удалось не только встретиться, но и по-настоящему найти друг друга.

В общем, давайте вместе помечтаем о такой жизни, в которой всё сходится и все счастливы.

Содержание

Часть 4. Адъютант его превосходительства	4
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Алексей Лухминский

Мой Ванька

Том второй

Часть 4. Адъютант его превосходительства

Самолет идёт на снижение.

Беру на руки Антошку, которого мы выпустили из его сумки на время полёта, чтобы он мог обследовать брюхо Ил-76-го.

– Ну, Антон... Прибываем. Давай-ка – в свою сумку!

До чего умный кот! Так спокойно лезет туда...

– Знаешь, Сашенька, – тихо говорит Кирилл Сергеевич, – я так волнуюсь... Там у меня в сумке корвалол... Накапай мне.

Быстро капаю и подаю ему пластмассовую стопку.

– Спасибо...

– Граждане пассажиры! – кричит бортинженер Женька. – Наш борт совершает посадку не в аэропорту Пулково! Ремни можно не пристёгивать из-за их отсутствия, распивание спиртных напитков прошу прекратить, а то при посадке не в то горло попадёт!

– Отдельные инструкции для кота будут? – в тон ему спрашиваю я.

– Ты лучше после посадки кучу, которую он тут наклал, ликвидируй, – подкалывает меня он.

– Извини, я не смог ему доступно объяснить, чтобы он потерпел до земли. Не волнуйся, уберу.

– Ладно, фигня! У вас сейчас других проблем будет навалом, а это я и сам сделаю. За своим дома убираю, так что опыт есть.

– Ну как вы, Кирилл Сергеевич?

– Лучше... Сашенька, а как мы с вещами будем?

– Ванька сказал, что с машиной разобрался.

Выходим из самолёта.

Столбенею... Ну и встреча! Всего мог ожидать, но не такого. Сергей Петрович, Юрий Степанович, Ванька с Ритой и даже Сергей Александрович с Юрой! Обалдеть... Хорошо, что это не аэропорт Все идут прямо к самолёту.

– Ну у вас и бригада встречающих, – говорит мне на ухо Серёга, второй пилот.

– Ага... Два профессора и крупный бизнесмен.

– Правда?

– Угу. Вон тот, который слева, в Медицинской академии с Васькой бегал и его на операцию устраивал. Заведует отделением там.

– Да...

Ну всё! Мы с Кириллом Сергеевичем пошли по рукам.

Естественно, сначала Кирилла Сергеевича обнимают старые друзья, потом он обнимает Ваньку, и вот, теперь очередь дошла до меня...

– Здравствуй, Саша! – Сергей Александрович тискает меня и похлопывает по плечу. – Очень рад твоему возвращению. Машина для вещей уже ждёт. Сейчас погрузим.

Теперь он подходит к Кириллу Сергеевичу и протягивает руку.

– Здравствуйте! Меня зовут Сергей Александрович. Я друг и данник Саши. Он вон Юрку моего на ноги поставил, – кивает в сторону сына.

Приятно видеть тёплое рукопожатие...

– Здравствуйте! Здравствуй, Юра!

Вот и Ванькины объятия...

– Сашка... Ты вернулся! Я счастлив, – с каким-то облегчением произносит Ванька и сразу продолжает: – Даша с Серёжей в квартире. Даша готовит праздничный обед.

– Да ты что?

– Ага! Я их утром привёз туда. А Сергей Александрович вот помог с машиной для вещей.

– Ладно, товарищи дорогие! – Сергей Александрович берёт на себя бразды правления. – Давайте погрузимся и поедем. Дома договорим! Кириллу Сергеевичу отдохнуть надо.

В квартиру поднимаюсь первым. Звоню.

– Сашенька! – Даша вешается мне на грудь и целует. – Наконец-то... Слава богу!

– Устала сегодня крутиться? – сочувственно спрашиваю я, затаскивая чемоданы в прихожую.

– Ой, ради таких случаев всегда бы крутилась! Серёжа! Серёжа! Иди с папой поздоровайся. Папа приехал!

Серёжка выходит из комнаты с машинкой в ручонке.

– Привет, сынок! – я поднимаю его и прижимаю к себе.

– Папа... – выговаривает он и, не отпуская машинку, обнимает меня за шею.

С Серёжкой на руках прохожу по квартире. Обалдеть... Ванька тут и ремонт какой-то сделал, и хлам убрал. Даже новая мебель в бывшей комнате его бабушки появилась! Исчезло кресло в его комнате, сидя в котором он слушал музыку. Что-то мне подсказывает, что его он выкинуть не мог, а значит, в нашей квартире станет теснее.

– Ладно, я за вещами. Сейчас всё перенесем и будем праздновать! – распоряжаюсь я и отдаю Даше Серёжку.

В прихожей раздаются шаги.

– Ну вот я и взобрался... – улыбаясь, входит Кирилл Сергеевич. – Здравствуйте, Дашенька! Здравствуй, Серёженька!

– Здравствуйте, Кирилл Сергеевич! – Даша очень долгим взглядом смотрит на него, потом подходит, обнимает и чмокает в щёку. – Как хорошо, что вы теперь с нами со всеми... И называйте меня на «ты», как Сашу.

Честно говоря, лучше сказать было невозможно.

– Дядя...

Серёжка уже сидит на руках Кирилла Сергеевича и заинтересованно трёт пальчиком значок на лацкане его пиджака...

– Тогда уже, наверное, деда, – растроганно бормочет Кирилл Сергеевич.

Ну всё. Вещи перенесены в квартиру. Антошка, выпущенный из своей сумки, деловито обходит новые владения.

– Киса... – говорит Серёжка и с вытянутым пальчиком идет к коту.

Что-то сейчас будет...

– Антон! Смотри у меня! – строго предупреждает Кирилл Сергеевич и грозит пальцем.

«Не учи учёного!» – одним выражением морды отвечает ему кот и спокойно подходит к Серёжке.

Серёжка осторожно трогает его, потом ещё... и обнимает за шею!

Кот терпит.

«А вы боялись...» – говорит его морда.

В квартире шумно и весело.

Пока мы с Сергеем Александровичем и Юрой растаскиваем по углам внесённые вещи, Кирилл Сергеевич о чём-то говорит со старыми друзьями. Не хочу мешать. Они столько не виделись, что им наверняка есть что сказать друг другу. Ведь по телефону всего не скажешь!

Серёжка сидит на руках у Ваньки, а Рита с ним заигрывает, то пряча, то показывая машинку. Он весело хохочет и тянется к ней ручонками.

– Товарищи дорогие! – призывает к вниманию Даша. – Прошу вас всех за стол!

– Да! Конечно – за стол! – поддерживает её Сергей Александрович.

Рассаживаемся, кто где получится. Антошка, походив между гостями, прыгает на колени к Кириллу Сергеевичу.

– Простите, уважаемый тёзка – Сергей Петрович встает. – Разрешите, я возьму председательский молоток.

– Конечно-конечно! – весело соглашается тот, – Я уже накомандовался.

– Спасибо. Дорогие друзья! – начинает ректор. – Это действительно так! Сегодня за нашим столом только друзья и, если хотите, команда. Мы все сделали одно большое дело. Кирилл, мы тебя вернули. Уверен, все этому рады. И ещё, я уверен, нашей команде теперь всё по плечу. Я имею в виду твою, Кирилл, будущую деятельность. В Облздраве тебя уже ждут. Я в очередной раз был там только позавчера. А теперь, поскольку мы все сегодня за разными рулями, давайте нальём себе в рюмки сока!

Наливаем. Ванька, кивая на графинчик, подмигивает. Ясно. Точно – это мой любимый вишнёвый сок! Прогнулся братишка!

– Ну, Кирилл! За тебя! За твоё возвращение! За твоё здоровье! За твои грядущие успехи!

С явным удовольствием выпиваем безалкогольно.

– Кушайте-кушайте! – угощает Даша, – Поверьте, я очень старалась.

Разговоры прекращаются. Их на некоторое время заменяет стук вилок о тарелки.

– Я прошу собравшихся снова налить в рюмки этот отличный сок, – Кирилл Сергеевич, аккуратно ссадив с колен Антошку, встает и, дождавшись, когда будет налито, продолжает: – Вы знаете... Мне иногда было даже страшно ехать сюда. Но вы все меня так встретили...

Замечаю, что глаза у него влажнеют.

– Вы меня так встретили, что не знаю, как вас всех благодарить. Я – немолодой человек... У меня действительно существовали некоторые опасения относительно переезда, и хотя Саша ещё в Булуне помог мне с ними расстаться... Сегодняшняя встреча очень тронула меня. Ладно! Что-то я всё не то говорю. Короче, я хочу выпить за всех вас. Выпить и сказать вам огромное спасибо.

Я вижу, как он растроган, и понимаю, что даже такие радостные эмоции могут ему быть, увы, вредными. Беспokoюсь! Судя по всему, не я один. Оба друга тоже достаточно внимательно смотрят на Кирилла Сергеевича.

– Даша, Ванюха, можно вас на минутку? – зову я самых близких.

На кухне обнимаю их сразу вместе и недолго так держу.

– Родные вы мои... Оба... – и оправдывающимся тоном говорю: – Слушайте, я не могу его оставить сейчас одного...

– Я как раз тебе об этом хотела сказать. Лучше тебе остаться здесь ночевать, – озабоченно подхватывает Даша. – Столько эмоций...

– Сашка. Ты не волнуйся, я Дашу с Серёжей домой отвезу. А ты оставайся здесь. Ты говорил, что он сдал, но я вижу, он сильно сдал.

В голосе Ваньки тоже звучат тёплая грусть и забота.

– Да, Ванюха, ты мне номер телефона здешнего всё-таки дай!

– Телефона... Ой! Слушай, я совсем забыл!

– Чего ты забыл? Дай сначала телефон, – прерываю я его. – А то я потом забуду.

– Да дам я тебе телефон! погоди. Идёмте в комнату, – Ванька тянет меня и Дашу в комнату.

Послушно идём за ним.

– Так! Товарищи! Есть ещё одна, я надеюсь, приятная процедура. Прошу внимания всех!

Ванька так солидно выступает, что я с трудом подавляю улыбку. Не могу себе этого позволить в такой торжественный момент. А что момент торжественный, я догадываюсь без труда. Все затихают и смотрят на него.

– Минуту внимания! – провозглашает он и, сделав театральную паузу, командует. – Ритка, давай, неси!

Рита выходит и вносит две одинаковых коробки.

– Кирилл Сергеевич, по случаю вашего возвращения мы хотим сделать вам подарок, – Ванька открывает одну из коробок и достаёт... мобильный телефон! – Это вам, чтобы вы всегда были с нами на связи. Номера присутствующих там записаны. Сашка, тебе мы дарим такой же и с такой же начинкой, остальное добавишь. Теперь твои пациенты будут тебя доставать везде, где бы ты ни был. Вообще-то мобильник в современной жизни называется «поводок».

За столом оживление. Имеющие мобильники достают их. Начинается обмен недостающими номерами. Телефоны попеременно издают разные мелодии. Ванька инструктирует Кирилла Сергеевича. Я постигаю эту науку с Дашей, у которой Ванькиными стараниями этот аппарат тоже есть. Честно говоря, давно мечтал иметь такое чудо техники. Я купаюсь в атмосфере, царящей в нашем сообществе. Такие все милые, простые, а главное – добрые!

Тут же, за столом, начинаем обсуждать ближайшие планы. Уже ясно, что завтра мы втроём, то есть Кирилл Сергеевич, Ванька и я, занимаемся пропиской, или, как сейчас говорят, регистрацией. Потом на очереди – Пенсионный фонд и прочая бюрократия.

– Ребята, готовьтесь – это хождение по мукам, – предупреждает Юрий Степанович. – У меня одна медсестра недавно пенсию переоформляла. Понарассказывала всякого.

– Ничего, преодолеем! – смело говорит Ванька. – Надо скорее со всем этим разобратся.

– А может, всем им денег дать? Для ускорения процесса, – тихонько предлагает Сергей Александрович. – Я бы мог посодействовать...

– Там не прокатит, – Ванька вздыхает с видом знатока.

– Ты прав, Ваня, – поддерживает его Сергей Петрович. – Если бы можно было заплатить, чтобы не мотаться по инстанциям, конечно, это был бы самый короткий вариант. Тем более, Кирилл, VIP-палата в нашей кардиологии за тобой уже практически зарезервирована.

– Ну ты скажешь! – Кирилл Сергеевич машет рукой. – Я и в обычной устроюсь. В вашей этой... как её?

– VIP-палата, – подсказывает Сергей Александрович.

– Вот-вот... Там, небось, платить надо. А я пока... сами понимаете...

– Этот вопрос мы решим, – обещает ректор. – Там можно договориться. Мне вряд ли откажут.

– Кирилл Сергеевич! Уважаемый! Позвольте, я оплачу ваш комфорт на всё время вашего лечения, да и само лечение, если потребуется. Поверьте, это нас с Юрой не обременит. Верно, Юра?

– Конечно, папа. Давай заплатим!

– Вот видите! – с воодушевлением подхватывает отец. – Пожалуйста, дайте нам возможность поучаствовать.

Последнее звучит даже просительно, и поэтому я решаю вступить.

– Сергей Александрович, дорогой вы наш, спасибо! Мы с удовольствием принимаем вашу помощь. Я хоть ещё и не дипломированный медик, но предполагаю, что будет показано Кириллу Сергеевичу. А значит, ему нужен будет именно комфорт.

– Начитался ты, Сашенька... Хотя я почти уверен, что ты прав.

– Что, шунтирование? – с беспокойством спрашивает Сергей Александрович.

– Вряд ли... Однако всё покажет детальное обследование, – вступает Сергей Петрович. – Это первое, что тебе надо будет сделать, Кирилл.

– Знаешь, Сергей, ты со мной разговариваешь, как со студентом первого курса, – Кирилл Сергеевич несколько насмешливо улыбается. – Я хоть и не столичный, но всё-таки врач.

– Ты, конечно, врач, но тебя заставить хоть как-то лечиться – труд непосильный, – шутливо отмахивается ректор. – Ну признайся, сколько раз тебе предлагали приехать в Питер и современными методами обследоваться. Было?

– Ну было... Только ты, Серёжа, плохо себе представляешь, как из нашего медвежьего угла выбираться и сколько это сейчас стоит. Это один только Саша может всех охмурить своим обаянием и летать туда-сюда, как ни в чём не бывало. А мы, простые смертные, через Якутск, Москву... Я вон один раз за пять лет в отпуск слетал на юг, и то там себе во всем отказывал, чтобы денег на обратную дорогу хватило. Да что говорить!..

Курим на кухне междусобойчиком. Междусобойчик – это Сергей Петрович, Ванька и я.

– Так, Ваня... Я как самый главный начальник, – ректор улыбается, – предписываю тебе не выходить на работу, пока Кирилл не будет везде оформлен. То есть – прописка, пенсия...

– Извините, Сергей Петрович, но полностью выполнить вашего указания не смогу, – жестковато, в моём стиле возражает Ванька. – Там у нас небольшая авария случилась с сетью, и её надо срочно ликвидировать. Я завтра, конечно, везде схожу, тем более что я уже всё выяснил, все бумаги, зависящие от меня, подпишу и – на работу. Сашка, ты меня извини, но, понимаешь – надо!

Ванькины слова звучат для меня музыкой. И куда девался тот потерянный мальчик, который был на его месте пять лет назад? Это – мой братишка!

– Сергей Петрович, вы не волнуйтесь, мы разберёмся и постараемся учесть все интересы и обстоятельства, – прихожу я ему на помощь.

– Ну хорошо, хорошо... Но твоего начальника, Ваня, я всё равно предупрежу, – с довольной ухмылкой соглашается Сергей Петрович и переключается на меня: – Как думаете, Саша, на Кирилла такой поток эмоций...

– Я уже предупредил своих, что остаюсь с ним. Не оставлю одного.

– Да-да... Спасибо...

Время к вечеру, да ещё из-за смены часовых поясов начинает клонить в сон.

– Так, дорогие гости, не надоели ли мы всем скопом хозяину? – громко вопрошает Сергей Петрович. – Ему перед завтрашним днем ещё и отдохнуть надо.

– Ничего, отдохну, – по обыкновению ворчливо отзывается Кирилл Сергеевич.

– Нет, серьёзно... Давайте сворачиваться.

Народ с пониманием начинает собираться.

– Кирилл Сергеевич, я останусь у вас? Если не выгоните, конечно, – спрашиваю я.

– Выгоню, – достаточно сурово заявляет он. – Иди вон лучше Дашу с Серёженькой домой проводи. А я тут уж как-нибудь сам.

– Кирилл Сергеевич, нас Ваня на машине до дома доведёт, – вступается Даша. – А Саша пусть у вас сегодня переночует. Нам всем спокойнее будет.

– Кирилл, ребята всё правильно делают, – Юрий Степанович подходит к нам. – Не сопротивляйся.

– А-а, ладно... – он машет рукой. – Пожалуй, Саше тоже надо с дороги отдохнуть.
– Сашка, ложись на мою старую кровать, и пусть тебе снятся хорошие сны, – шепчет мне на ухо Ванька.

После ухода гостей мы занимаемся подготовкой к ночлегу. Это тоже отнимает какое-то время. Хорошо, что гости за собой всю посуду сами убрали, а Даша с Ритой даже успели её перемыть!

– Сашенька! Иди сюда, – зовёт меня Кирилл Сергеевич на кухню.

Захожу. Ого! На столе стоит недопитая ещё в Булуне бутылка армянского коньяка и две рюмки. На одной табуретке сидит сам Кирилл Сергеевич, на другой – Антошка.

– Давай за наше с тобой водворение на питерскую землю! – предлагает он.

– Конечно! Давайте! – и наливаю коньяк. – Антошка, третьим будешь?

Кот, любопытно потянувшийся носом в сторону рюмки, брезгливо отворачивается.

– Ну как хочешь...

Кошачья морда мне говорит, что он совсем не хочет.

– Спасибо тебе, сынок, – Кирилл Сергеевич поднимает свою рюмку, чокается со мной. – Я сегодня как в семью попал. Как это было хорошо...

– Теперь всегда так будет. Правильно сказал Сергей Петрович, мы – команда.

– Пожалуй, что так... Ну давай...

Пьём.

– Хороший напиток, – оцениваю я. – Настоящий!

– Да... Знаешь, мне понравился Сергей Александрович. Мне кажется, он хороший человек.

– Да, это так... Хороший, богатый, но не очень счастливый. Мы с Ванькой за это время стали ему как бы семьей. И он, и Юра в Ваньке души не чают.

– Это неудивительно. Ваня – большой молодец. И всё же, Сашенька, зачем ты согласился на его финансовую помощь? Мне очень неудобно...

– Понимаете... По-другому я сделать не мог. Может, ему это даже больше нужно, чем нам. Он, видно, чувствует себя не совсем своим в нашей компании и хочет доступными ему средствами приблизиться к нам. Ему это необходимо. Он очень одинок.

– Знаешь, я это понял. Ну ладно... Давай ещё по одной – и спать. Антон, я смотрю, ты здесь уже совсем освоился. Вот так... Значит, это – дом...

Последнюю фразу он явно говорит самому себе, при этом глядя в тёмное окно кухни.

* * *

С ума сойти! На прописку и оформление пенсии ушло почти две недели. Очередь здесь, очередь там... Оставьте здесь... Зайдите тогда... Подождите... Отойдите... Не мешайте... О...балдеваю от всего этого. Если бы мы вас так же лечили... Хотя... Чего греха таить, часто и в наших медучреждениях так же. Помню, как с Ванькиными документами бегал!

Правда, кроме дел по прописке и пенсии были ещё и другие.

В один из дней мы поехали одевать Кирилла Сергеевича. То есть надо было придать ему респектабельный питерский вид. То, что он носил в Булуне, конечно, давно устарело.

Сергей Александрович заставил нас поехать с ним в один из его магазинов, и поскольку выбор и примерка происходили в его присутствии, персонал просто рассыпался. Слава богу, общими усилиями нам удалось достичь консенсуса между очень скромными пожеланиями Кирилла Сергеевича и веяниями современной моды.

Ещё в один из дней Сергей Петрович устроил другу экскурсию по академии, в которой он уже тридцать лет не бывал. Потом Юрий Степанович пригласил его в больницу, в своё отделение, посмотреть, как всё у него устроено. В академию я, конечно, поехал тоже. У

обоих друзей Кирилл Сергеевич побывал в гостях. Я при этом с удовольствием исполнял роль водителя и старался не мешать их общению. У меня сложилось впечатление, что они все трое после стольких лет разлуки не могут насытиться общением. И главное, что я заметил, – они очень интересны друг другу! Такой дружбе можно позавидовать!

А я несколько раз встречался с Дашей. Тоже не могли наговориться. Правда, всяких планов пока избегаем.

Только с Ванькой как-то всё не получается нормально встретиться. Хотя мы с ним и видимся, и созваниваемся, в том числе и по мобильному, который я быстро освоил, но всё-таки – это не то. Так бы хотелось сесть, посмотреть в его глаза и просто... помолчать. В общем, круговорот сплошной. Когда всё устанет? Вроде дома, а вроде и нет...

Обнаглев, звоню Сергею Петровичу на мобильный.

– Здравствуй, Саша! Ну как продвигаются наши дела?

Докладываю. Потом обсуждаем.

– Сергей Петрович, а можно личную просьбу?

– Что за китайские церемонии! Выкладывайте!

– Сергей Петрович! Раз я теперь в Питере, то мне бы хотелось пройти ещё и расширенный курс хирургии...

– Дозрели, наконец! – смеётся он.

– Жизнь заставила дозреть.

– Во-от... То-то и оно! – торжествуя констатирует он. – Короче. Завкафедрой хирургии о вас от меня наслышан. Я ему позвоню и попрошу вам помочь. Как у вас будет время, сразу идите к нему. Зовут его Михаил Михайлович. Как Жванецкого.

– Понял! Спасибо большое!

– Честно говоря, позавчера Кирилл уже мне говорил про ваше желание.

– Ну я же знаю, что нахожусь под колпаком! – отшучиваюсь я.

На кафедру хирургии иду на следующий день после разговора с ректором.

Михаил Михайлович Шахлатый, которому меня отрекомендовал Сергей Петрович, – личность колоритная. Исполинского роста мужик. Лысый, с кустистыми бровями и руками злодея. Пожав мне руку, он долго изучающе смотрит на меня. Мне даже под его взглядом становится неуютно.

– Что-нибудь не так? – осторожно интересуюсь я.

– Время покажет. Только я не пойму, зачем вам с вашими способностями, про которые мне уже все уши просвистели, ещё и резать. Может, объясните?

От такого приёма тушуюсь. Я понимаю, что меня серьёзно избаловали всякими дифирамбами. Я уже к этому привык. А тут...

– Понимаете... Я хочу это уметь. Я хочу быть готовым к любым ситуациям в своей деятельности, – объясняю ему достаточно сухо. – Меня север приучил быть готовым ко всему.

– Гм... Вы понимаете, что хирургия – такая область медицины, которая требует постоянной практики? От случая к случаю здесь не проходит. А вы, как мне рассказали, в основном стараетесь применять энергетические методы лечения. Впрочем, к чему все эти разговоры. Меня Сергей Петрович попросил вами заняться. При этом он рассказал, что вы за человек, и также сказал о вашей занятости. Я это уважаю, но и только. Заниматься с вами буду лично. Я понимаю, что для вашего диплома эта область вам не особенно нужна, но если вы действительно хотите чему-то научиться, вам придётся попотеть. Поблажек не ждите. Будет и теория, будете и рядом со мной в операционной стоять. Понятно?

– Понятно. Только не стоять, а участвовать... Я готов.

– Гм... Это я и имел в виду. Единственное послабление, которое я вам дам, учитывая вашу занятость с вашим учителем, – это время наших встреч и работы. Но это повлияет на длительность наших занятий.

– Я не спешу. Я должен это знать и уметь.

Вся беседа проходит в достаточно сухой форме. Но этот суровый человек уже сумел расположить меня к себе. Да и сам я понимаю, что мне нужна твёрдая рука.

Как школьники, целуемся с Дашей в парадной. Серёжка спит, и она вышла меня проводить. Её отец, Василий Семёнович, сегодня в вечер. До его прихода мне надо испариться.

– Слушай, Дашка... Эти тайны у нас когда-нибудь кончатся?

– По-моему, Елизов, с твоим образом жизни – никогда, – она тихо смеётся и опять меня целует. – Даже я уже начала привыкать к вашей с Ваней вечной гонке. И сама уже так живу. Вот сейчас тебя целую, а сама думаю, что мне ещё сегодня для Вани расчёты делать.

– А я думал, ты в этот момент про меня думаешь... – якобы обижаюсь я.

– Ой, ой, ой... Чтоб я поверила в твою обиду, научись сначала придуриваться.

– Ну так ты меня научи! Ты же умеешь!

– Сейчас! Ещё чего захотел! – она опять меня целует и долго смотрит мне в глаза. – Сашка... Я тебя люблю...

Вздыхает и прижимается ко мне.

– Дашка... Дашутка моя... Я тоже тебя очень люблю.

– Ну всё. Езжай... муженёк, – она слегка отталкивает меня. – Ты хоть звони, если не можешь приехать.

Вчера Кирилл Сергеевич наконец лёг в кардиологию. Был сегодня у него и взял список нужной ему современной медицинской литературы. Завтра возьму в библиотеке академии и принесу ему в палату. Палата – просто люкс какой-то. Даже с телевизором и холодильником! Спасибо Сергею Александровичу!

Антошка стоически выдержал ещё одно перемещение, на этот раз с Ванькой в его машине в нашу квартиру.

Героический кот! Спокойный!..

Сейчас я кручусь на кухне и жду Ваньку из университета, а кот сидит на табуретке и водит за мной своими жёлтыми глазами. От копчёной колбасы отказался, а сырого мяска всё-таки поел.

Готовлю стол к Ванькиному приходу. Сегодня мы с ним вдвоём будем праздновать моё возвращение. Правда, Ванька об этом ещё ничего не знает. Он даже не знает, что я вернулся в квартиру.

Щёлкает замок...

– Ну и где ты шляется? – подаю я грозный голос с кухни. – Всё уже давно готово, а ты болтаешься чёрт знает где!

– Сашка!

Ванька прямо в ботинках влетает на кухню. Стоим обнявшись.

– Можно подумать, что мы с тобой сегодня увиделись первый раз, – тихо говорю я ему в ухо.

– Для меня – первый. Всё то – не в счёт... – так же тихо отвечает он и отпускает меня. – Ты хочешь сказать, что мы с тобой наконец выпьем водки и просто поговорим?

– Даже скажу, что я сегодня перед сном наконец уткнулся носом в твою гриву.

– Сашка... – и он опять меня обнимает.

– Ладно! Иди, снимай ботинки, мой руки и давай к столу.

– Ага! Сейчас! Ой, Антошка! – он наконец замечает кота. – Здравствуй, мой хороший...

Получив порцию поглаживаний, кот что-то вежливое муркает, но дальнейшее общение, прыгнув с табуретки, прекращает.

– Хоть я его и вёз сюда, но для него ещё не стал своим, – Ванька вздыхает и идёт в прихожую.

– Он не любит, когда его трогают без его желания, – объясняю я. – Когда ему захочется, он сам башку подставит.

– Значит, буду ждать, когда ему захочется.

Такая милая атмосфера. Как я этого ждал!

Мы с Ванькой, как обычно, сидим друг против друга на кухне.

– Ты что на меня так смотришь? – спрашивает он.

– Жутко соскучился... Я млею...

– Это ты от водки млеешь.

Молча отрицательно качаю головой.

– Что там, с одной рюмки! Понимаешь... Мне тебя всегда не хватает... – признаюсь я.

– Могу понять, потому что ты тоже всегда как бы со мной... Что бы я ни делал, всегда думаю, что бы ты сказал или сделал в той или иной ситуации. И вообще... Слушай, а мы с тобой не близнецы случайно?

– Ты хочешь сказать, что только у близнецов существует постоянная взаимосвязь?

– Ну да! Может, у нас все зеркала неправильные? – шутейно озадачивается Ванька.

– Ладно! Давай за неправильные зеркала, – и наливаю.

Антошка, восседающий тут же на третьей табуретке, при этом опять брезгливо отворачивается. Не кот, а какое-то четвероногое общество борьбы с пьянством!

Осушаем рюмки.

– Ладно, Ванюха, давай рассказывай всё, что тут было, – и в свою очередь слегка его подкалываю: – Прежде всего, как тут твоя клиника?

– Могу доложить, – с подчёркнуто невинным видом приступает к рассказу Ванька, – регистратура клиники функционирует успешно. Всем бабушкам я уже давно говорю, что когда приедет главный специалист, то он непременно решит все их проблемы. Так что готовься! Предварительную запись, правда, я не вёл. И это моё упущение. Ну, я думаю, тебе с твоими способностями и опытом не составит труда разобраться с двумя-тремя десятками пациентов?

Надо видеть его смеющиеся глаза!

– Я сейчас буду прореживать твои патлы! – делаю я суровый вид.

– На! Прореживай! – и он тянется головой через стол.

Ласково треплю его по голове...

– Ванюха... А теперь давай серьёзно. Что у тебя тут происходит? Чувствую, жизнь кипит?

– Знаешь что... – Ванька делает многозначительную паузу. – Я, пошутив, не очень-то погрешил против истины. Я тебе уже говорил, что наши бабушки на скамеечках у парадных давно уже всё обсудили. Признаюсь честно – на уколах я уже поднатаскался. Чуть что – зовут. Говорят, что хорошо иметь своего медбрата в доме. Правда, от внутривенного вливания я отбоярился...

– Это правильно, – вклиниваюсь я. – Думаю, что это тебе пока ещё рано.

– Вот! Я, не имея квалификации, побоялся экспериментировать, – соглашается Ванька. – А по остальному... Ну, головные боли лечу, простуды всякие... Дальше вспомнил, как ты рассказывал про ожог, тоже попробовал. Одна из соседок на себя кипяток опрокинула.

– Получилось?

– Знаешь – получилось. Сам даже удивился. Да! Татьяна Петровна приходила. Ей сделали... забыл, как это называется, но язвы уже не нашли.

– Отлично! Я рад, что не зря мы с ней... А это самое, что ты забыл, называется «гастрокопия».

– Конечно, не зря! Тебя уже ещё двое таких же ждут. Я ведь, хоть и шутил про очередь, но не до конца врал. Молва уже пошла!

– Понятно... Только ты-то что же? Я же тебе показывал!

– Сашка... Боюсь я. Хотя в анатомии подрабобрался, но всё-таки...

– Напрасно боишься. Ты это можешь! – смотрю ему в глаза.

– Саш, я знаю, что ты можешь мне внушить всё, что пожелаешь, только давай я сам к этому приду.

– Да не собирался я тебе ничего внушать! Честно, Ванюха! Я могу тебе клятвенно пообещать, что в отношении тебя гипноз я никогда применять не стану. Я лишь хотел тебе сказать, что уже понял, что ты можешь.

– Ты оценил границы моих возможностей? – заинтересованно спрашивает Ванька.

– Да! Только не границы. А твой сегодняшний уровень. Мне так кажется... В том, что решать такие задачи ты можешь, я уверен. Давай возьмём каждый по пациенту и будем работать параллельно?

– Заманчиво... Только знаю я тебя, ты мне будешь втихую помогать.

– Тебе достаточно моего честного слова? Я хочу, чтобы ты попробовал.

– А ты представляешь, если я не справлюсь?

– Ты мне веришь?

– Что за глупости, конечно, верю!

– Так вот, я тебе говорю – справишься! Ты сам должен быть в этом уверен. Если, конечно, тебе это интересно...

– Понимаешь... Мне это действительно интересно. Только вот когда я решаю свои задачи, там всё однозначно! А в этой области...

– Понимаю. В этой области всё на уровне ощущений, но этот уровень тебе доступен.

Илья Анатольевич тебя к этому подготовил.

– Ну давай попробуем... – всё-таки неуверенно соглашается Ванька.

– Поэтому давай завтра своих пациентов сюда. Будем определяться и работать. Лады?

– Что с тобой делать... Давай работать. Только подождём, пока они сами придут.

– Хорошо, уговорил...

Укладываемся спать.

– Во-от оно... твоё плечо, – бормочет Ванька, елозя по нему головой. – Сегодня могу спать спокойно...

Обращаю внимание на Антошку. Сидит на Ванькином кресле, которое действительно переехало в нашу квартиру, и внимательно смотрит на нас.

– Слышь, Ванюха, кот, по-моему, обалдел от вида двух мужиков в одной койке.

– Надеюсь, он ничего плохого про нас не подумает. Спи давай! Мне на работу завтра, а ты бы съездил в боксы. Так ведь и не собрался до сих пор. И ещё... – он вдруг приподнимается на локте. – Ты прости... Я хотел тебя попросить...

– Чего такое? – почему-то настораживаюсь я.

– Знаешь, Саш... Ещё раз прости. Я боюсь, что ты, вернувшись... как бы тебе сказать...

Короче, я боюсь, что ты меня опять... подавишь...

Молчу.

– Прости меня, Сашка! Прости. Я не хотел, – по-своему истолковывает моё молчание Ванька.

Вот оно что! Неужели я действительно его подавлял? А ведь, с другой стороны, как он без меня развернулся! Лихо развернулся! И предприимчивость, и инициатива...

– Сашка... Ну не молчи! Я понимаю, ты старше, умнее...

– Чего?! – не выдерживаю я. – Ты чего такое говоришь?

Прекрасно понимаю, что если я поступлю сейчас неверно и буду это делать в дальнейшем, то тот потерянный мальчик из прошлого вполне может вернуться! И хотя я уже понял, что слова сейчас надо выбирать, всё-таки говорю привычное.

– Идиот ты, Ванюха, – и прижимаю его к себе. – Кто сказал, что если старше, то, значит, умнее? Ты тут такого наворотил, что мне и не снилось. Я не смогу так, как ты... Это ведь ты сделал наш бизнес прибыльным. Только ты! И насчёт съездить в боксы... Я туда не ездил, потому что не хочу тебе мешать рулить. Хотя парней я очень хочу увидеть.

– Вот и поезжай!

– Теперь уже совсем боюсь. Боюсь, скажу там что-нибудь, а ты подумаешь...

– Ну вот, – упавшим голосом прерывает меня Ванька, – уже жалею, что начал этот разговор.

– Ты правильно его начал. И своевременно. Понимаю, что я по натуре – диктатор, но постараюсь исправиться... Обещаю!

– Не надо исправляться. Ты не понял меня. В твоей новой профессии ты должен быть диктатором, а не размазнёй. Сашка, дай мне ещё порулить боксами, ну и, может, какими-то другими делами.

– Да кто ж тебе мешает! Не буду я вмешиваться! Работайте там с Дашей в своё удовольствие. У меня других дел хватит. Особенно если срастется с больницей – там, как я понимаю, начать и кончить! Мы просто разделим с тобой сферы действий, только и всего. Согласен?

– Ну я же говорил, что ты умнее! – знакомым мне ёрническим тоном произносит Ванька. – Эх, Сашка... Ты точно не обиделся?

– Иди ты в задницу! Нет, конечно! Когда я на тебя обижался? Спи лучше... Тебе завтра на работу. А у меня вольный график. Спи, моё всё...

– И ты моё всё, – как эхом отзывается Ванька и добавляет: – Только к распределению прибыли я всё равно тебя привлекать буду.

– А ты спать сегодня будешь?

– Угу...

Антошка, который привык спать вместе с Кириллом Сергеевичем, поняв, что мы наконец успокоились, прыгает на тахту, проходит по мне и ложится на подушку над моей головой. Он решил быть здесь третьим.

* * *

После утренней встречи с Михал Михалычем заезжаю в – боксы.

– Александру Николаевичу! – приветствует меня Димка, протягивая для пожатия локоть, поскольку его ладонь – как всегда у слесаря.

– Что за церемонии, Димон?

– Хозяин приехал! – смеётся он.

– Здорово, Сашка! – говорит, подходя, Лёха. – Надолго?

– Надеюсь, насовсем.

– Понятно, – протягивает Димка и оглядывается на Лёху.

И мне всё понятно без слов.

– Мужики, не волнуйтесь. Ванька будет у вас рулить по-прежнему, – успокаиваю я их. – Мы с ним вчера обо всём договорились. Да я и сам понимаю, что с этим он справляется лучше меня. Согласны?

– Сашка, ты нас извини. Но мы же столько лет вместе... Нам и тебя обижать не хотелось, и про себя сказать надо было, – пытается объяснить Димка. – При тебе мы были брошены на произвол судьбы. Тебе вообще-то повезло с нами! Мы с Лёхой всегда блюли твои интересы! Иначе бы ты просто разорился. А когда стал рулить Ваня, то мы сразу почувствовали, что пошли изменения. И хорошие изменения! Да ты сам посмотри! Вон, ещё один бокс теперь наш. Ещё парни появились... Твоё дело стало расширяться. У твоего брата голова классно варит. Да и жену твою он по делу пригласил. Так что вы правильно с Ваней решили,

что он будет и дальше рулить. Да, собственно, после его рассказов о твоих планах тебе сюда некогда будет заезжать.

– Разве что машину отремонтировать, – поддевает Лёха. – Ничего, возьмём недорого, по-свойски...

– Я Ваньке пожалуюсь, – поддерживаю я.

– Это серьёзно, Димон. Ваня за это по головке не погладит, – в том же ключе продолжает Лёха и переключается на серьёзный лад: – Ты лучше скажи, ты действительно собрался в области работать?

– Собрался. Если у Кирилла Сергеевича с той больницей всё прокатит, то я буду работать с ним.

– Павел говорил, что ты у них в посёлке двумя визитами шороху наделал, – сообщает Димка.

– А вот с этого места – поподробнее, – прошу я. – Этого я ещё не слышал.

– Ну что... Он рассказал, как ты и девчонку на ноги поставил, и на другой день всё воскресенье в травмпункте проработал. Там у тебя какая-то операция сложная была...

– Открытый перелом парню оперировал с накладыванием швов. Ничего сложного.

– Не знаю, для меня, после моего Вовки, ты – кудесник! – серьёзно говорит Димка. – Катя всё тебя вспоминает и благодарит. Но главное, как говорит Павел, в этих Чистых Озёрах про тебя всё время вспоминают.

– Ну тем приятнее будет там работать. Только больница там... Беда какая-то! Но, думаю, если взяться, то всё получится.

– Димон, ты смотри, он у нас Ваню заберёт туда для руководства, – снова зубоскалит Лёха.

– Не бойтесь, не заберу.

...Вхожу в палату Кирилла Сергеевича с очередными книгами из библиотеки академии. Прошло десять дней, как началось обследование, а я только и делаю, что ношу их туда да обратно. Правда, вечерами и сам в читальный зал заглядываю.

– Сашенька, здравствуй, – довольно весело приветствует он меня. – Правда, я тут не скучаю. Уже один гость сегодня был.

– Небось, Юрий Степанович зашёл по-соседски? – угадываю я.

– Он самый. Только порой мне даже не до гостей бывает. Как ты говоришь, пользуют меня тут капитально. Давно уже мной так не занимались.

– Да, и вид у вас гораздо лучше.

– Я сам чувствую, что бодрее стал. Да! Сергей Александрович звонил вчера вечером. Спрашивал, не нужно ли что ещё. Между делом рассказал, как ты его вылечил от пьянки.

– В Булуне я тоже одному такое же внушение сделал.

– А ты мне не рассказывал про это!

– Честно говоря, забыл.

– Бог с ним! Мне уже объявили, что сделают стентирование, то есть поставят расширитель сосуда. Это будет послезавтра. Потом реабилитация... Скорее бы всё завершилось. Работать хочу!

– Послезавтра с Сергеем Петровичем едем в Облздрав. Он мне позвонил и сказал, что оттуда слегка поторопили. Короче, в Чистоозёрской больнице прежняя команда проворовалась. Пациенты написали жалобу в областную прокуратуру.

– Да ты что? Проворовались? Стены-то хоть остались? – с улыбкой интересуется Кирилл Сергеевич.

– Боюсь, только стены. В общем, главврач снят, замы тоже. На банковский счёт наложен арест. Беда.

– Ну вот! А я тут прохлаждаюсь!

– Ничего, как-нибудь разрулим.

– Ты хоть позвони... потом, после визита...

– Кирилл Сергеевич, – говорю я укоризненно, – послезавтра сразу после Облздрава приеду и всё доложу.

– А я уже вроде научился этим телефоном пользоваться. Тут сам Сергеем звонил. Получилось. Да, скажи мне, как твои занятия по хирургии?

– Ой... Знаете, так за меня ещё не брался никто. Но здорово! Мне интересно.

– Тобой Михал Михалыч доволен?

– Честно говоря, не знаю. По нему не определить.

Выходим с Михал Михалычем из операционной. Это была первая операция, на которую он меня не только позвал с собой, но и доверил поучаствовать.

– А в вас есть здоровый авантюризм, молодой человек, – замечает профессор.

– Это не авантюризм. Это расчёт! – поправляю я его.

– Для того чтобы рассчитать, вы должны были знать, что там. А этого не было видно, пока не вскрыли.

– Извините, Михал Михалыч... Мне это было видно. И достаточно отчётливо. Поэтому я и пошёл на вскрытие.

Повисает пауза.

– Вы действительно это видели?

– Да. Я это могу.

– Ну ладно... Мы ещё поговорим с вами об этом, – как-то странно произносит профессор. – Идите отдыхайте!

– К сожалению, надо ехать. Дела!

Дама в Облздраве встречает нас очень любезно.

– Здравствуйте, Сергей Петрович. Рада вас видеть. Ну как там, на моего жалоб нет?

– Знаете, Ольга Николаевна, учится вполне неплохо. Я специально справлялся.

Теперь я понимаю, на какие клавиши нажал ректор и какой здесь у него есть канал воздействия.

– Вот, тот самый молодой человек, о котором я вам говорил. Рекомендую – доктор Елизов Александр Николаевич. Уже хороший врач и, главное, прекрасный диагност. Видит человека насквозь, как рентген.

– Вы дали ему такую блестящую характеристику... – Дама недоверчиво улыбается. – А он ещё так молод...

– Простите, Ольга Николаевна. Чтобы вы не сомневались, я могу вам сказать, что вы сегодня плохо спали, у вас разыгрался шейный остеохондроз, – показываю я товар лицом.

Слегка опешивший вид дамы и повисшая пауза говорят о многом.

– Вы правы... Уже сил терпеть нет.

– Сергей Петрович, извините... Постерегите дверь, я сделаю Ольге Николаевне лёгкий энергетический массаж. Вы не будете возражать?

– Не-ет... А поможет?

– Уверяю вас – поможет. Рискните!

– Делать нечего. Рискну, – вздыхает она.

– Расслабьтесь.

Я подхожу к ней сзади. Пальцы, как всегда, сами притягиваются к нужным местам. Очень осторожно и аккуратно работаю.

– У вас уже шипы начинаются... – говорю я между делом.

– Знаю. Снимок показал...

Она даже не спросила, откуда я это знаю. Это хорошо. Значит, поверила.

– Ну вот... Пока всё. Вообще надо бы сеансов пять.

Пациентка начинает вертеть шеей. Сначала осторожно, потом увереннее...

– У меня почти ничего не болит, – тихо сообщает она.

– Всё правильно. Так и должно быть. Только повторяю, нужно ещё сеанса четыре, а то всё быстро вернётся.

– Александр Николаевич! Признаюсь, я на вас теперь смотрю совсем другими глазами!

– Ну я же вам говорил! – усмехается ректор. – Методики у него свои собственные.

– У вас, наверное, большая частная практика? – интересуется Ольга Николаевна.

– Частной практики у меня нет, за исключением друзей и бабушек в нашей парадной.

Я врач государственный. Работаю в больницах.

– Вы... Так не бывает... Вообще трудно поверить, – пациентка во все глаза смотрит на меня.

– Бывает, Ольга Николаевна. Сколько мы его ни уговаривали – ни в какую! – тоном ябеды замечает Сергей Петрович.

– Когда Бог даёт талант, то он его даёт не для личного обогащения. Я так считаю.

– Многие так не считают, – высказывается Ольга Николаевна и резко переходит на другую тему: – Ладно, давайте к делу. Сначала, Александр Николаевич, огромное вам спасибо. Сегодня хоть посплю.

– Вы не хотите получить ещё четыре бесплатных сеанса? Они нужны.

– Не будете же вы приходить сюда для моего лечения?

– Знаете, мне на севере и дальше приходилось к больным добираться, – достаточно сухо сообщаю я.

– Да. И аппендициты резать в полевых условиях, – поддакивает ректор.

– Серьёзно?

– Серьёзней не бывает, – подтверждает он.

– Вы – находка! – заключает она. – Ладно, об этом мы ещё поговорим. Скажите лучше, Золотов когда сможет возглавить больницу?

– Месяца через полтора, – даёт прогноз Сергей Петрович. – А что?

Чиновница задумчиво постукивает карандашом по столу. Вдруг она поворачивается ко мне.

– Александр Николаевич, мне сказали, что Кирилл Сергеевич Золотов ваш учитель.

– Да, это так. Он вообще мне как отец стал. Я ведь – безотцовщина.

– Понимаете, там нужен главный сейчас. Потом может быть поздно. Я готова подготовить на подпись приказ о назначении Золотова главным врачом буквально с завтрашнего дня, но в его отсутствие там должен быть нормальный человек, который начнёт собирать всё по крохам. Там же полный развал! Оттуда бежит персонал! Короче, вы, Александр Николаевич, как, скажем, адъютант доктора Золотова, возьмётесь поработать в таком качестве?

Повисает тишина. Поднимаю глаза на Сергея Петровича. Всё это так неожиданно, что я сам не знаю, что делать.

Ректор, глядя мне прямо в глаза, молча утвердительно кивает.

– Помогать будете, если понадобится? – спрашиваю я Ольгу Николаевну.

– Буду! И согласна лично представить вас коллективу больницы и поликлиники.

– А что там с финансированием? – осторожно спрашивает Сергей Петрович.

– Постараемся помочь. Пусть это будет не густо, но помощь будет. Ведь надо же больницу поднимать! Из-за этой дыры страдают все медицинские учреждения вокруг. Туда везут всех, кто не смог получить помощь в Чистых Озёрах.

– Я должен позвонить Кириллу Сергеевичу. Только если он мне разрешит...

– Конечно, позвоните!

Быстро излагаю Кириллу Сергеевичу по телефону суть вопроса.

– Сашенька! Даже не думай! Соглашайся и начинай работать. Подробности обсудим при встрече. Заезжай сегодня ко мне, как мы договаривались.

– Кирилл Сергеевич дал мне «добро» подменить его на время. Значит, я согласен.

Слова «на время» я интонационно выделяю.

– Вот и хорошо! Значит, так... Девятнадцатого числа я вас жду. Заодно и свой сеанс со мной проведете, – она улыбается. – Договорились?

– С удовольствием.

Сажу в машину, курю и пытаюсь понять, что сейчас произошло. Сергей Петрович, попрощавшись, уехал в академию, и у меня есть возможность собраться с мыслями.

Ясно, что я взялся за огромное дело, выписав тем самым векселя людям, которые в меня поверили. И поверив мне, а значит, доверившись, они рискуют своей репутацией. Мне не спокойно. Мне очень беспокожно! Ведь кто я такой на самом деле?

На самом деле я – обычный пацан, возомнивший себя чёрт знает кем. Да, что-то я уже умею. Да, мне пока везёт. Я на волне, на гребне, и лечу вперед, окучивая успехи. Но ведь так будет не всегда! Жизнь полосатая. Сейчас у меня идёт белая полоса, но сколько она ещё продлится? Чем, какой катастрофой она закончится? Когда это произойдёт?

Раньше у меня была как бы другая ответственность, я бы сказал, бытовая. Я не очень думал о людях, не слишком близких мне. Ведь даже управляя своим автосервисом, я не чувствовал особой ответственности перед парнями, с которыми работал бок о бок. Ванька в этом отношении шагнул гораздо дальше и ведёт себя расчётливее, мудрее и, я бы сказал, взрослее. По его делам видно, что он думает о людях, работающих с ним. Вот у кого мне надо учиться!

На меня уже легла огромная ответственность... И я, похоже, достаточно безрассудно взвалив её на себя, только сейчас начинаю понимать, во что влезаю и кого могу подставить. Конечно! Какой с меня спрос? Щенок на руководящей работе... А ещё Ваньку чему-то учу! Когда я последний раз сомневался перед принятием решения? Уж и не вспомню... А ведь именно сомнения являются двигателем роста. Теперь я прекрасно отдаю себе отчёт в том, что меня сейчас захватывает липкое чувство страха перед надвинувшимися проблемами. Полтора месяца или больше мне придётся руководить целым коллективом людей, у каждого из которых есть и свой характер, и свои желания, и свои проблемы. Именно от того, как я буду помогать этим людям в их проблемах, во многом зависит их отношение к своим обязанностям. Смогу ли деликатно вникать? Смогу ли я принимать правильные решения, руководя этими людьми? Вообще кто я такой для них? Ни опыта, ни образования...

Эх... Мне бы свой кабинетик, как в Булуне, своих пациентов... Я был бы полностью доволен.

«А Кирилла Сергеевича ты сюда зачем тогда притащил?» – откуда-то изнутри вылезает забытый скрипучий голос.

Ну нет у меня ответа на этот вопрос!

«А ведь, он тебе ещё в Булуне сказал, что теперь ты будешь защитником многим, – не понимается голос. – Значит, задний ход дашь?»

Конечно же – нет! И вообще – поздно ёрзать! Как говорят немцы, вино налито – надо пить! Обратного хода не будет!

Нахожу в мобильнике Дашин номер.

– Привет!

– Здравствуй, Саша. Как там дела у Кирилла Сергеевича?

Молодец! Сначала про Кирилла Сергеевича! Умница!

– Завтра или послезавтра стентирование будут делать. Это распорка в сосуд.

- Это серьёзная операция?
- Да нет... Не очень. Долго рассказывать.
- А у тебя как?
- Примерно через два дня еду принимать больницу. Пока буду врио главного врача, до выздоровления Кирилла Сергеевича.
- Тебе не страшно?
- Знаешь, Дашка, мне очень страшно! Я действительно боюсь. Я ведь привык, что Кирилл Сергеевич всегда мудро подправит мои ошибки. Я был за его спиной!
- Сашенька, ты запомни: у тебя всё получится. Я в тебя верю.
- Дашка! Спасибо тебе, родная!
- Только я чувствую, Саша, что мы теперь долго не увидимся, – вздыхает она.
- Увидимся! Поверь, я буду очень стараться.
- Придётся и этому верить...

* * *

В палате Кирилла Сергеевича сижу с тетрадкой и записываю.

– Значит так, Сашенька... В первую очередь ты должен среди имеющегося персонала найти врача, который сможет пока, временно, исполнять функции зама по делам лечебным. Это поможет тебе сосредоточиться на вопросах хозяйственных. Ты же сам понимаешь, что в той ситуации, которая имеется в больнице, хозяйственные дела очень важны. Понимаешь меня?

– Конечно!

– Теперь дальше. Второе, что ты должен сделать, это поработать с кадровиком. Посмотреть, кто остался, кто недавно уволился, навести справки об этих людях. Может, кого-то из ценных сотрудников ещё можно вернуть. При этом гор золотых не обещай. Третье... Третье – это обеспечение больницы медикаментами. Надо знать источники и финансовые возможности. Сергей мне уже рассказал про вашу беседу в Облздраве и о своём вопросе про финансы. Так что я в курсе обещаний. Ну и четвёртое – внутрихозяйственная деятельность. Я имею в виду питание, бельё и тому подобное. Остальное – по мере возможности.

– В общем, я понял...

– Не страшно?

– Знаете, когда я открывал своё дело в гаражах, то мне было страшно. Тогда я сказал себе – глаза боятся, а руки делают. Здесь всё то же самое. Как говорится, раз надо, значит – надо!

Ну конечно же, я говорю не совсем правду! Но не могу я сейчас признаваться Кириллу Сергеевичу в своих сомнениях!

– Сашенька, ты учти, что ту самую процедуру мне произведут завтра. Я не знаю, сможем ли мы завтра поговорить, но и Юра, и Сергей сказали, что придут ко мне. Они тебе позвонят.

– Хорошо. Только пусть обязательно позвонят! Я буду волноваться.

– А вот это незачем! Делай все свои и наши дела спокойно. Кстати, как там Антон в другой квартире?

– По-моему, нормально. Скучает без вас, конечно! Спит у меня на голове.

– Как это?

– На моей подушке над моей головой.

– Ну это ты его разбаловал. Давай отучай!

В кабинете Михал Михалыча скромно сижу на диване, а хозяин вышагивает из угла в угол.

– Значит, ваши первые две недели я могу оценить на твёрдую четвёрку. Судя по вашим оценкам в других науках, это для вашего самолюбия плохая оценка. Но я ничего не могу сделать. Оценка объективная. Я вам уже перечислил ваши упущения. И все они – следствие некоторой небрежности. Учтите, врач вашего уровня не имеет права на небрежность.

– Я же ещё не совсем врач... Учусь только, – пытаюсь я вставить слово.

– Ну правильно! Я, мол, не волшебник, я только учусь. Не надо кокетничать со мной! Я же прекрасно вижу, что сами-то вы себя уже считаете врачом. Вас успокоили ваши успехи. Спорить не буду. Ваши успехи несомненны. Но они и стали причиной вашей вальяжности в работе. Только в хирургии это недопустимо. Здесь всё должно быть выверено с математической точностью! Вы же инженер! Вы должны меня понять. Человек со скальпелем не может быть небрежным. Вы должны думать о каждом своём, даже микроскопическом, движении.

Сижу и понимаю, что так со мной ещё никто, даже Кирилл Сергеевич, не говорил. А ведь он прав! В общем, и это, как говорится, туда же до кучи. Все претензии к моей работе, только что высказанные Михал Михалычем, являются следствием всё того же... Как это всё сходится с моими вчерашними мыслями! Короче, оборзел ты, Елизов, совсем оборзел... Раньше думал, сомневался... и рос, потому что всё делал тщательно. А теперь... Всё удастся! Успокоился... Раньше копал вглубь, а теперь – вширь расплзаюсь... Сомневаться совсем перестал...

– Ну, что задумались, молодой человек?

– Вы правы, Михал Михалыч! Пожалуй, я перестал думать и стал расширять кругозор, не копая вглубь. И вообще я, похоже, потерял чувство опасения перед решением проблемы. Перестал сомневаться. Причём это везде и во всём... Наверное, я возомнил, что могу всё... Короче... Вы во всём правы!

Все эти слова произношу почти шёпотом, потому что это признание.

– Ну наконец! Достучался я, – с определённым удовлетворением произносит профессор и, кажется, слегка улыбается из-под косматых бровей. – Вам много дано. Слышите? Очень много дано! Я уж не знаю, каким чувством вы угадываете правильные решения, но это есть. С этим нельзя не считаться. Не могу не признать – то, что другие постигают месяцами, вы проскочили за две недели. Только это говорит в первую очередь о том, что драть вас надо стократ сильнее, чем остальных. Иначе вы успокоитесь, и вместо пользы больному от вас будет сплошной вред.

– Вы правы, – снова выдавливаю я.

Ох, как мне стыдно... Он меня раздавил. Так меня давно никто не макал.

– Ладно, молодой человек. Уверен, вы сделаете выводы из моих слов. А пока... Ловите! В меня летит книга. Ловлю.

– Знаю, что вы читаете быстро. Я там закладки для вас сделал. К завтрашней операции должны всё прочесть. Историю пациента я вам уже давал. Короче, завтра жду. Идите, отдыхайте!

– Михал Михалыч, я хотел предупредить, что послезавтра...

– Знаю! – прерывает он меня на полуслове. – Мне Сергей Петрович уже всё сказал. Будете принимать больницу, в первую очередь обратите внимание на хирургию и травматологию. Больница районная. Возят туда всяких травмированных. И ещё оборудование внимательно посмотрите. Ладно, свободны!

Выхожу. От последних напутствий становится тепло. Размазал, конечно, но спасибо ему.

Выходим из операционной. Всё прошло благополучно. Пациента везут в палату.

– Михал Михалыч, – я отвожу его в сторону, – вы меня простите за тот момент во время операции.

– Тебе бы холку намылить, – ворчит он, неожиданно обращаясь ко мне на «ты», – но ты был тогда прав. Мне не надо было говорить тебе под руку, но я боялся, что ты... Впрочем, ладно! Ты был прав.

Просто во время операции он произнёс: «Не надо так!» – а я в ответ, сам не пойму, как я так мог, рывкнул: «Надо!» – и сделал по-своему.

– Михал Михалыч, – извиняющимся тоном объясняю я, – я старался хорошо подготовиться...

– А ты хорошо подготовился. Я это оценил. И вот так надо готовиться всегда. Даже когда аппендициты в полевых условиях режешь, – и он первый раз мне улыбается по-настоящему.

– Михал Михалыч, вы меня извините, я побегу? Сегодня Кириллу Сергеевичу стентирование сделали. Я хотел вечером зайти...

– Давай, давай! Завтра после своей командировки зайди рассказать.

– Обязательно!

В коридоре кардиологии встречаю ректора и Юрия Степановича.

– Саша, поворачивайте! Нас тоже не пустили к нему. Ещё сутки он в реанимации будет.

– Ну а как он вообще?

– Говорят, всё нормально. Перенёс всё хорошо.

Очевидно, Юрий Степанович уже всё узнал.

– Вы лучше расскажите, как вы сегодня Шахлатого на операции построили? – смеётся ректор.

– Уже пожаловался...

– Да нет. Он всё это с юмором подавал. Говорит, подбросил тоже ученичка. Мол, если дело дальше так пойдёт, то скоро и сидеть в его присутствии побоюсь.

– Значит, меня Бог всё-таки миловал, – ёрничает Юрий Степанович.

– Ну было дело, – оправдываюсь я. – Но честно, я знал, что делать надо именно так!

– Ладно, он вами доволен. Не беспокойтесь, – Сергей Петрович хлопает меня по плечу.

* * *

– Вы на машине? – после приветствий спрашивает Ольга Николаевна.

– Да.

– Тогда едем! В больницу я уже позвонила и предупредила о нашем приезде. Все приказы подписаны. Золотов – главный врач, а вы – врио, пока он не приступит к своим обязанностям. Обращаю ваше внимание, что вы – врио со всеми правами, в том числе кадровыми, финансовыми и хозяйственными. Вам понятно?

– Конечно. Давайте проведём процедуру и поедем.

– А вы помните о своих пациентах!

– Стараюсь. Садитесь!

Осмотр Чистоозёрской больницы поверг меня в тяжёлое состояние. Я и в тот, первый раз заметил, что здесь всё неблагополучно. Но сейчас... Всего около четырёх месяцев прошло, а тут словно Мамай прошёлся. Единственное место, где поддерживается хоть какой-то порядок, это операционная. Правда, Клавдии Лаврентьевны я не увидел.

Очень хорошо встретились со Светланой Сергеевной. Меня согрело, когда она, радостно улыбнувшись, шагнула мне навстречу и протянула руку.

Еду, которой здесь кормят, трудно назвать едой. Бурда какая-то. Бельё грязное, и это видно невооружённым глазом. Его если и стирали, то, наверное, без порошка. Во всей боль-

нице, на всех её трёх этажах я увидел лишь одну санитарку. Беда... Даже страшно, если Кирилл Сергеевич это увидит.

В бесхозном кабинете главного врача располагаемся с Ольгой Николаевной.

– Ну, что скажете? – осторожно интересуется она.

– Страшно... – признаюсь я. – В Булуне, где мы с Кириллом Сергеевичем работали, больница была совсем небогатая, но она вылизывалась ежедневно. За кормёжкой Кирилл Сергеевич следил лично. Персонал был вышколен. Короче, он этого увидеть не должен. Я готов тут днествовать и ночевать, но к его приходу надо навести хоть какой-то порядок.

– Честно говоря, при всей моей информированности, я такого не ожидала, – в свою очередь признаётся чиновница. – Давайте я представлю вас персоналу, а потом мы с вами продолжим.

Едва выходим в коридор, как вижу быстро идущую навстречу Клавдию Лаврентьевну.

– Ой... Здравствуйте, Александр Николаевич! Уж как я рада! – еле отдышавшись, выкладывает она. – У нас тут уже слух прошёл, что будет новое руководство и что вы будете здесь работать.

– Ваше сарафанное радио на этот раз не ошиблось, – подтверждает Ольга Николаевна. – Помогите нам собрать всех в ординаторскую на втором этаже.

– Бегу!

– Поверьте мне, это такая прекрасная хирургическая сестра! – заочно представляю я Клавдию Лаврентьевну. – Она мне помогала во время операции, когда я тут в отсутствие травматолога провёл целый день...

– Не поняла. Вы тут работали?

– Один день. Я сюда пришёл к одной больной. Был выходной день, травматолога не было на работе, народ пошёл косяком, и мне пришлось тут делать всё, ну и оперировать тоже, – терпеливо объясняю я. – Так вот, я с этой сестрой работал. Это выше всяких похвал!

– Да... Думаю, что теперь у вас практики будет гораздо больше, – задумчиво отмечает чиновница.

Собравшемся в ординаторской персоналу Ольга Николаевна представила Кирилла Сергеевича, заочно и меня как врио. Пришлось сказать «тронную» речь. Объяснить, что я не проходная фигура, что, когда придёт настоящий главный, буду продолжать тут работать в той должности, на которую он меня назначит. Объяснил своё видение проблем, рассказал про предполагаемые свои первые шаги.

Слушали со скепсисом. Только две женщины, Светлана Сергеевна и Клавдия Лаврентьевна, буквально ловили каждое слово. Это хорошо. Будет на кого опереться. Из больницы позвонил Скорикову. Доложил о вступлении в должность. Договорились о завтрашней встрече. С Леной и Павлом тоже договорился о встрече. Надо успеть. Только после всего этого мы поехали обратно.

В машине Ольга Николаевна посоветовала мне сразу найти хотя бы временного зама по административно-хозяйственной работе. А вот ехать представляться в район пока не советовала. Как она сказала – там сидят не те люди. Разрешила сослаться на неё. В общем, похоже, закрутилось... Если такая поддержка со стороны Облздора будет всегда, то преодолеть существующее бедствие можно.

Доставив Ольгу Николаевну, еду в больницу академии к Кириллу Сергеевичу. Поздновато, правда, уже восемь вечера. Спасибо ректору! У меня есть пропуск в кардиологию. Так бы в такое время не пустили.

Кирилл Сергеевич встречает меня уже в своей палате. Выглядит гораздо лучше.

– Здравствуйте!

– Здравствуй, Сашенька. Меня сегодня визитами перекормили. Сергей с Юрой уже были, потом Ваня с Сергеем Александровичем.

- Как вы себя чувствуете?
- Ты знаешь, гораздо лучше, чем до этой операции. Дышу спокойно и свободно. Давно уже такой лёгкости не было.
- Отлично! Очень рад, что всё прошло успешно.
- Это, конечно прекрасно, только давай мне про больницу рассказывай. Мне сказали, что тебя там сегодня представляли.
- Представляли вас. Пока заочно. Ну а меня – как врию.
- Какое у тебя общее впечатление сложилось?
- Молчу, думая, что и как сказать.
- Можешь не отвечать. Я уже всё понял, – опережает меня Кирилл Сергеевич. – Размер бедствия очень велик?
- Очень... Но я надеюсь, к вашему выходу смогу его сократить.
- Как персонал тебя встретил?
- Знаете... Они, по-моему, настолько привыкли к сменам руководства, что ни во что уже не верят. Но на некоторых я всё-таки надеюсь опереться. Завтра начну работу с кадрами.
- Вот именно! Постарайся поговорить с каждым. Потеряй на это столько времени, сколько потребуется. Поверь, это окупится. Мы с тобой должны понимать, с кем нам предстоит работать. И ещё... Я знаю, что молодые любят махать шашкой. Не торопись. Вспомни Петю. Уверен, что достучаться можно до каждого.
- «Дон Кихот...» – проносится у меня в голове.

Утром перед поездкой в Чистые Озёра заезжаю в академию к Михал Михалычу.

- Ну здравствуй... – он протягивает мне руку. Очевидно, совсем перешёл со мной на «ты».
- Доброе утро, Михал Михалыч!
- Что там у тебя в Чистых Озёрах? Рассказывай давай...
- Да всё плохо там. Но, правда, операционная – единственное место, где поддерживается порядок.
- Гм... Значит, тебе с хирургической сестрой повезло. Радуйся!
- Да, там тётка отличная. Мне с ней уже приходилось работать. Открытый перелом врачевали.
- Ладно. Слава богу. Хочу тебе дать совет. Ясно, что в этом заведении есть свои хирурги. Больница это районная, значит, везут отовсюду. Я уже тебе это говорил. Не пожалей времени, посмотри архив за последний год, кто и что там делал и с какими последствиями. Так ты поймешь, что у тебя за специалисты. Понял?
- Понял. Только ясно, что это не быстрый процесс.
- Не быстрый, но нужный. По хирургии экстренных случаев бывает больше. Ты это учти. И ещё... Знаешь, что про нашу российскую медицину говорят? Сделать могут всё что угодно, только выходить после этого не умеют.
- Мне это кажется смешным, и я фыркаю.
- Вот-вот! Смешно, да? Только бывает до слёз обидно, когда все труды врача идут насмарку из-за нерадивой няньки, которая что-то там забыла сделать вовремя. Ты это тоже учти. Младший персонал должен быть под жёстким контролем, я бы сказал, беспощадным. Иначе распустятся и делу – хана.
- Они там уже давно распустились.
- Поменять ты их не сможешь. Сейчас это дефицит. Поэтому у тебя есть один путь – контроль и жёсткое воспитание.
- Слушаю ворчливые советы этого доброго великана и проникаюсь к нему огромной благодарностью. Везёт всё-таки мне на учителей!

– Михал Михалыч, я, видимо, пока буду вынужден находиться всё время там, в больнице... – мне неудобно ему сказать, что моё обучение у него прерывается.

– Давай-давай... Езжай... Работай... Звони, рассказывай. Запиши мой мобильный. Об остальном потом договоримся. Пиши номер...

* * *

Уже три часа разговариваю поочерёдно с врачами и медсёстрами, приглашая их в кабинет главного врача. В моей недолгой жизни это первый случай такой работы с кадрами. А почти все кадры лет на двадцать и больше старше меня. В родители мне годятся...

Выхожу на улицу перекурить. Надо подвести промежуточный итог.

Здесь три отделения – терапевтическое, хирургическое и детское, плюс поликлиника. Структура, похожая на больницу в Булуне. Роддом с гинекологией пока не в счёт, это вообще отдельное двухэтажное здание. Станция скорой помощи... Блин... Всего три машины на весь район! Ладно... Тоже пока не в счёт.

На все эти отделения и поликлинику у нас четыре терапевта, один хирург, три педиатра, один лор, один окулист и один невролог. О более широком круге специалистов говорить не приходится. Ах да! Ещё рентгенолог! Всё равно – не густо... Совсем не густо. Даже пусто!

Младший персонал... Девять медсестер на всю больницу и две санитарки. И это вместе с лабораторией, хирургией, физиотерапией, хозчастью и поликлиникой! Беда...

Даже грубая прикидка говорит о том, что это более чем в три раза меньше, нежели в Булуне, при том что сама больница в полтора раза больше. Только за последние три месяца отсюда ушли почти двадцать пять человек! И говорят, это были неплохие специалисты. Вернуть бы хоть часть...

Мысли прерывает звонок мобильного.

– Сашка, ты сейчас в Чистых Озёрах? – слышу я голос Ваньки.

– Ну да... У меня тут сегодня длинная программа.

– А ты в какое время сегодня собираешься возвращаться? – осторожно спрашивает он. Мне уже всё ясно, и я начинаю фыркать в трубку.

– Ты чего? – недоумённо спрашивает Ванька.

– Ванюха, до двенадцати квартира в твоём распоряжении. Только смотрите там вместе с Ритой, мне kota не развратите.

– Ты, я смотрю, сам догадался...

– А ты опять забыл, с кем имеешь дело.

– Сашка, но ты всё-таки хоть в двенадцать приезжай. А то я совсем тебя видеть перестал.

– Боюсь, для того чтобы меня увидеть, тебе скоро придётся приезжать сюда, – грустно констатирую я.

– Так всё плохо?

– Приеду – расскажу.

Теперь сам набираю Дашу.

– Ой, здравствуй, Сашенька! Ну как там у тебя дела?

– Знаешь, ты, кажется, была права. Здесь кошмар. Начать и кончить. Даже страшно, что Кирилл Сергеевич может это всё увидеть.

– Сашка, так ведь это тебе наверняка должно быть страшно интересно! Согласись, что я права!

– Права, конечно, только даже мне страшно.

– Ты же сам говоришь: глаза боятся, а руки делают!

Звонок Павла застаёт меня в палате, куда меня позвали для консультации. Кожей чувствую, что этот вызов – не что иное, как проверка. Светлана Сергеевна бы наверняка не позвала. Но весьма пожилой Пётр Максимович всё-таки решил пригласить.

– Извините... – прошу я прощения и отхожу в сторону.

– Саша! Привет.

– Здорово.

– Слушай, а приходи-ка ты к нам пообедать. Ленка тут наварила с учётом тебя.

– Ладно. Сейчас тут кое-что решу и приеду.

– Жду!

Я подхожу к больному.

– Итак... Что случилось?

– Александр Николаевич, – елеинным голосом говорит врач, – послушайте, пожалуйста!

Мы тут сомневаемся...

Он протягивает мне фонендоскоп.

Слушаю... Всё-таки спасибо Кириллу Сергеевичу! Благодаря ему я натренировался.

– Кардиограмму дайте посмотреть, – жёстко прошу я врача.

– Да мы ещё не успели сделать... – бормочет Пётр Максимович, уже понимая, что фокус не удался.

– Мне всегда казалось, что кардиограмма – первое, что надо делать в случае предынфарктного состояния, – подчёркнуто сухо говорю я. – Разве вы с вашим сорокалетним стажем этого не знали?

Это я вспомнил то, что вычитал в его личном деле.

– Извините, мы решили...

– Наверное, не «мы», а вы! – говорю я, как заколачиваю гвозди. – И ещё. Если главврач всегда будет принимать решения за остальных врачей, то вскорости эти врачи ему будут не нужны.

Круто поворачиваюсь и натыкаюсь на Светлану Сергеевну.

– Ой, простите, пожалуйста...

– Ничего, зашибить не успели, – она немного конфузится.

– Светлана Сергеевна, можно вас пригласить на беседу? Вы сейчас свободны?

– Да. Я пока свободна...

– Пётр Максимович, кардиограмму и назначения обязательно покажите мне. Вы ведь любите советоваться!

Похоже, я хорошо ему всё объяснил.

– Да-да, конечно... – растерянно бормочет он. – Непременно, Александр Николаевич.

В кабинете главного врача приглашаю Светлану Сергеевну присесть.

– Александр Николаевич, вы на него не сердитесь, – начинает она, – это у него уже старческое. Он со всеми так. Будто на старости лет утверждает. А так он – хороший врач.

Понимаю, что она старается выгородить коллегу, и расцениваю это как в первую очередь жирный плюс ей самой. Если бы она накатила на него, то, возможно, я повёл бы с ней разговор на другую тему, а так...

– Светлана Сергеевна, я хочу сделать вам одно предложение, – и держу паузу. – Я хочу попросить вас возглавить терапевтическое отделение и одновременно стать заместителем главного врача.

– Возглавить трёх врачей – нетрудно. Но быть замом главного... – она произносит это с оттенком грусти. – Да и одобрит ли новый главный такое ваше решение?

– Это будет зависеть от нас с вами, от нашей совместной работы. И в первую очередь от того, сколько и каких специалистов мы найдём или вернём к вам в терапию.

– Я могу подумать над вашим предложением?

– Можете. Только в любом случае результат должен быть положительным, – и невинно улыбаюсь, глядя на неё.

– Я начинаю верить, что с вашим напором вы нас выдернете из ямы. Пожалуй, я соглашусь...

– Спасибо вам, Светлана Сергеевна! Я вам очень благодарен за понимание.

Быстро входит Пётр Максимович.

– Вот, посмотрите.

Все вместе смотрим сначала кардиограмму, потом назначения.

– Знаете, я не кардиолог, – осторожно говорю я, – но, судя по кардиограмме, я бы усилил...

Пишу свои предложения.

– Это я в консультативном плане. Решение за лечащим врачом, – я поднимаю глаза на Петра Максимовича.

– Александр Николаевич, я исхожу из того, что у нас здесь есть, – достаточно горько произносит он. – А это и так уже предельные дозировки.

– Понял вас, Пётр Максимович... Пусть тогда будет так.

У меня складывается впечатление, что с ним возникает контакт.

– Светлана Сергеевна, хочу вас попросить. Дня за два все вместе подготовьте список необходимых сегодня и сейчас препаратов. Попробую через Облздрав... Может, ещё где...

– Вы хотите прошибить эту стену? – в ёрнической манере спрашивает Пётр Максимович. – Эх, молодость...

– Ничего. Лоб у меня крепкий. Постараюсь.

Сидим с Павлом на кухне, обедаем.

– Я чувствую, что ты уже хорошо окупился, – усмехается он, выслушав мой рассказ.

– Ну а что делать! Глаза боятся, а руки делают! Слушай, а у меня к тебе созрел вопрос.

– Валяй!

– Тебе дома сидеть не надоело?

– Надоело. Только кому нужен инвалид?

– Мне.

– Не понимаю.

– Мне в больнице нужен заместитель главного врача по административно-хозяйственной части. Понял?

– Не знаю я, – неуверенно говорит Павел. – Ты думаешь, я справлюсь?

– Слушай, ты – боевой командир. Наверняка тебе и хозяйственные вопросы решать приходилось. В той ситуации, которая имеет место сейчас, нужны нестандартные подходы.

– Имеешь в виду солдатскую смекалку?

– Вот именно! При том тотальном развале, который там есть, ты не заскучаешь. Обещаю! Голодная и грязная больница с остатками персонала тебя впечатлит.

– Извини, а настоящий главврач против не будет?

– Так я тебя могу сначала свозить к нему для знакомства. Он человек очень хороший, но, когда надо, суровый. Правда, времени у нас с тобой на это особенно нет. По телефону я ему всё расскажу. Ну так что?

– Если честно, то очень заманчиво... Я люблю, когда можно начать почти с нуля. Только справлюсь ли?

– А как я? Я тоже главврачом не работал. А вот полтора месяца придётся отвечать за всё и восстанавливать всё. И тоже нестандартными методами.

– Когда выходить на работу?

– Вот сейчас дообедаем, и вперёд!

– Ну ты даёшь! Ну ладно... Только Ленке позвоню, чтобы вечером скоро не ждала. Мой мобильник прерывает нашу беседу.

– Слушаю!

– Александр Николаевич! Это Светлана Сергеевна. Тут «скорая» привезла с острым аппендицитом. А Семён Викторович домой обедать ушел... Может, я вам адрес дам и вы его заберёте?

Семён Викторович – это пожилой хирург. Единственный на сегодняшний день.

– Готовьте больного к операции! Мне будет нужна Клавдия Лаврентьевна. Я еду. Даю отбой и поднимаю глаза на Павла.

– Так, Паш... Я поехал на операцию. Приезжай сам, когда закончишь обедать. Я о тебе предупрежу охрану. Сразу бери у меня в кабинете блокнот и пройди по всей больнице. Посмотри самым практическим и придирчивым взглядом, всё посмотри, всё запиши, а вечером обсудим.

– Александр Николаевич, подождите, пожалуйста, – охранник ловит меня в приёмном, – тут из прокуратуры приехали...

Понимаю, что это по вопросам предыдущей команды.

– Александр Николаевич, здравствуйте! Я из областной прокуратуры, – ко мне подходит женщина. – Мне надо задать вам несколько вопросов.

– Простите... Я попрошу вас подождать. У меня сейчас срочная операция. Вас проводят в кабинет главного врача, а я туда приду, когда закончу.

Стараюсь говорить тоном, не допускающим возражений.

Тётка вроде нормальная. Увидела пациента на носилках и сразу отступила.

– Хорошо, я вас подожду...

Да... Единственное, что сегодня здесь похоже на больницу в Булуне, так это то, что тоже не работает лифт. Но там это случалось нечасто. А здесь он, оказывается, не работает уже полгода.

Вместе с водителем «скорой» заносим пациента на носилках на третий этаж. Клавдия Лаврентьевна уже в операционной.

– Александр Николаевич, я готова, – докладывает она.

– Я же говорил вам, что ещё вместе поработаем! – с воодушевлением говорю я вместо одобрения за её оперативность.

Сами отвозим мужчину в палату. Больше некому.

– Александр Николаевич, кофейку? – спрашивает Клавдия Лаврентьевна.

– С удовольствием бы! Только у меня сейчас разговор с прокуратурой. В кабинете ждёт. И ещё. Когда появится Семён Викторович, попросите его со мной встретиться.

– Вы его не ругайте, – просит она. – Он у нас очень давно работает. Хороший врач. Но он – желудочник. Язва у него. Нужна специальная диета. И питание по часам. Вот он и ходит домой.

– Спасибо, я всё понял. Значит, ругать не буду, а помогу решить проблему.

– Это как?

– Ну с язвами я работал, могу попробовать ему её убрать.

– Шутите!

– Нисколько! Надеюсь, смогу. Да и с кормёжкой в нашей больнице решать будем.

Уже минут сорок беседуем с прокуроршей.

Действительно, нормальная тётка! Прекрасно понимает, в каком состоянии я принял больницу. Посоветовала немедленно сделать тотальную инвентаризацию, чтобы знать, какое

наследство мы получили. Испытываю огромную благодарность. Мне в голову это не пришло.

Семён Викторович, пожилой, лысоватый человек, сидит напротив меня и внимательно рассматривает.

– Что вы на меня так смотрите? – задаю я непротокольный вопрос.

– Думаю, почему вы меня не позвали... Вроде, я тут единственный, кто может...

– Теперь уже вы не единственный. Конечно, мне до вашего опыта далеко, но аппендициты резать я умею. Тем более в экстренных случаях.

Сказанное, наверное, звучит суховато, потому что он становится в оборонительную позицию.

– Поймите, я вынужден...

– Я знаю, – прерываю я его. – Поэтому разговор у нас с вами будет не о режиме дня и не о хирургии.

– Тогда о чём же? – озадаченно спрашивает он.

– О вашем здоровье.

– Это как?

– Ну мало ли... Может, вам ваша язва надоела.

– Вы что, хотите предложить мне её прооперировать? – готов встопорщиться он.

– Упаси Бог! Хотите, верьте мне или не верьте, но только вашу проблему можно постараться решить без оперативного вмешательства. Это я вам как врач говорю. Энергетически. Опыт такой у меня есть. Успешный опыт. И неоднократный!

– Простите, Александр Николаевич... Я кое-что читал про все эти опыты. Верится с трудом.

– Как вы думаете, Семён Викторович, если мы с вами поработаем недели две-три, от вас что-нибудь убудет?

– Думаю, что ничего, кроме денег, – грустно отзывается он.

– Я работаю бесплатно! – чётко разделяя слова и глядя ему прямо в глаза, говорю я и уже спокойно добавляю: – Поэтому соглашайтесь! Кстати, последний раз, когда я лечил язву, то от благодарной соседки, у которой она зарубцевалась, получил банку варенья.

– Ну вот, а говорите – бесплатно! – Семён Викторович облегчённо смеётся.

– Тогда, если вы попроситесь с вашей язвой, то готов получить от вас тоже банку варенья. Любим, знаете ли, мы с братом вечером попить чайку с вареньем...

– Ну давайте, попробуем, – он обречённо вздыхает.

Приехал Скориков.

– Александр Николаевич! С победой всех нас! – крепко жмёт мне руку. – А где уважаемый Кирилл Сергеевич Золотов?

– Спасибо. Кирилл Сергеевич пока в кардиологии больницы Медицинской академии. Так что минимум месяц-полтора придётся командовать мне. Давайте пройдем с вами в кабинет.

– Я уверен, мы сработаемся, – на ходу говорит он.

– Даже не сомневаюсь, Александр Васильевич. Очень надеюсь на вашу помощь. Будем стараться всё тут привести в порядок.

– Что могу – сделаю. Что вас сейчас больше всего тревожит?

– Отсутствие кадров. В том числе младшего медицинского персонала. Могу ли я попросить вас помочь мне вернуть сюда тех, кто ушёл? Речь идёт о том, чтобы поговорить с ними, убедить... Конечно, я сам тоже буду разговаривать с каждым, но хорошо бы, чтобы они всё-таки пришли сюда. Нужны даже обычные санитарки. И ещё. Хорошо бы найти сюда приличного повара. Тут работает нечто... Перегар на гектар, а заменить некем. Кормёжка исключительно плохая.

– Понимаю, – задумчиво произносит глава муниципалитета. – Я постараюсь помочь... Есть у нас в посёлке пенсионерка-повариха. Только пойдёт ли?..

– Помощницу мы ей найдём. Главное, чтобы правильное руководство процессом организовала.

Александр Васильевич быстро записывает что-то в блокноте.

– Сашка, я всё облазил, – с порога сообщает Павел. – Ой... Извините...

– погоди, погоди, – торможу я его, видя, что он собирается выйти. – Александр Васильевич, вот – рекомендую: Павел Николаевич, заместитель главного врача по административно-хозяйственной части.

– Мы, кажется, знакомы, – улыбается он. – Ведь это вы приходили ко мне по поводу детской площадки?

– Я. Спасибо большое. Даже из соседних домов детки приходят.

– Ну что ж, Павел Николаевич, теперь, когда вы в таком качестве, мы с вами будем общаться чаще.

– Вот, сразу хотелось бы попросить шлагбаум установить. А то машины ставят так, что «скорой» не подъехать, – Павел с ходу берёт быка за рога.

– Записал. Деньги на шлагбаум, наверное, найду, а вот устанавливать вам, друзья, боюсь, придётся самим.

– Установим. И ещё механиков бы... Лифт починить надо, – не унимается Павел.

– С этим тяжело... Могу предложить себя в качестве механика и в вечернее время.

– Вообще-то я тоже механик, – встречаю я в их разговор. – Может, давайте действительно вечером всё посмотрим и решим на месте?

– Ты лучше оперируй себе спокойно, – отмахивается Павел и обращается к Скорикову: – Он сегодня уже здесь прошёл боевое крещение. Мужика с аппендицитом резал.

– Не-ет... Боевое крещение у Александра Николаевича было зимой, – поправляет муниципальный глава. – То есть вы, Александр Николаевич, сегодня опять с корабля – на бал!

– Похоже...

– Александр Николаевич! – входит Светлана Сергеевна. – Там «скорая» парня с переломом привезла. Отправляем или у нас?

– Конечно, у нас! Я уже иду. Извините, товарищи...

– Давай, иди! Мы тут сами поворкуем, – напутствует меня Павел.

Сломанная нога в гипсе. Ещё вывих вправлен...

Клавдия Лаврентьевна почти не отходит от меня. Устала, бедная. Домой её я отправил с трудом. У тётки глаза блестят!

Кириллу Сергеевичу я по телефону всё доложил. Одобрение назначения Павла на должность получил. Сейчас сидим с ним и по пунктам проходим по его записям, расставляя приоритеты.

– Ну я готов! – Скориков является в полной боевой готовности и в рабочей одежде.

Я понимаю, что они хотят лезть и смотреть неработающий лифт. Безногий Павел тоже собрался!

– Паш... Можешь мне найти здесь какую-нибудь робу?

– Откуда же я тебе её возьму? Я пока здесь знаю столько же, сколько и ты.

– Значит, так полезу.

Молю Бога, чтобы «скорая» пока никого не привозила. Хотя сегодня дежурит Светлана Сергеевна, но она одна на всю больницу.

* * *

В квартиру вхожу в четверть первого. Ваньки нет. Антошка встречает меня в прихожей. Как он трётся о мои ноги! Соскучился, бедняга. Насыпаю ему в мисочку корм. Кот начинает аппетитно хрустеть. Придирчиво осматриваю жилище. Молодцы... Везде полный порядок.

– Антошка, ты прости меня, зверюга, что мы тебя вот так здесь бросаем.

Глажу его по большой голове. Кот на некоторое время отрывается от трапезы, поднимает на меня жёлтые глаза, а потом снова принимается за еду.

Щёлкает замок входной двери, влетает счастливый Ванька.

– Ой, Сашка, привет! Как видишь, мы всё оставили в порядке.

– Главное, что ты доволен и счастлив, – я треплю его шевелюру.

– Сашка, я действительно счастлив. Ритка такая замечательная девчонка!

– Охотно верю. На тебя смотреть – праздник души.

– А ты что-то за сегодняшний день совсем осунулся...

– Да, Ванюха, сегодня был трудный денёк. А завтра...

– Сашка, я могу тебе чем-нибудь помочь? – он заглядывает мне в глаза.

Долго смотрю... Обнимаю и прижимаю к себе.

– Мне помогает уже то, что в моей жизни есть ты... Понял?

– Сашка, мы прорвёмся! Я досрочно сдам сессию, помогу Ритке, а потом попрошу отпуск...

– Правильно, – перебиваю я его. – Тебе тоже отдыхать надо.

– Знаешь, – Ванька отстраняется, – мне неудобно старшего брата снова называть идиотом. Я в отпуске буду тебе там помогать. Тебе и Кириллу Сергеевичу.

– Тогда ещё и Павлу. Он с сегодняшнего дня там тоже работает.

– Видишь, какая у нас команда подбирается! – Ванька победно трясёт своей шевелюрой.

Он сказал «у нас»... Милый мой, родной Ванюха! Некоторое время стоим молча. Честно говоря, мне как-то не по себе! Сегодня в больнице все свои тревоги и отсутствие лада с самим собой я забивал непрерывной работой. Даже в машине на обратном пути я заставлял себя думать только о проблемах больницы. Только бы не думать о себе, любимом! И вот сейчас стою, схватившись за Ваньку, как за соломинку. Раньше он так за меня хватался...

– Саш... Ты какой-то сегодня, да и все последние дни, сам не свой, – тихонько говорит он мне в плечо. – У тебя что-то случилось?

Вот, действительно родная душа! Ещё раз убеждаюсь, что Ванька очень тонко меня чувствует.

– Случилось, Ванюха... Взглянул на себя по-другому, наверное, со стороны... Короче, произошла переоценка ценностей. Вообще я хотел тебя спросить...

– Саш... Ты устал сегодня, – очень мягко и заботливо перебивает меня Ванька. – Я, наверное, не вовремя задал свой вопрос. Может, лучше завтра поговорим?

– Нет. Давай сегодня. Водка у нас есть?

– Найдётся, – вздыхает он. – Только лучше бы тебе поспать.

– Прости... Я знаю, что пока тебе всё не вывалю, вряд ли смогу нормально спать. Давай наливай!

Выпиваем по рюмке, закуриваем.

– Понимаешь, Ванюха... Мне тут открылось... – я мнусь, не зная, как начать. И как в холодную воду: – В общем, оборзел я. Понимаешь? Я тут много думал про себя и пришёл именно к этому выводу.

Внимательно смотрю в Ванькины глаза и читаю в них... согласие! Значит, и он это тоже увидел. От этого сразу становится легче, и из меня прёт.

– Успешный человек! Всё могу! Талант! Великий шаман! Все вокруг поют дифирамбы! Скоро поклонницы цветы будут под ноги бросать... Знаешь, как это забирает? Человек может пройти и огонь, и воду, а медные трубы, оказывается, пройти гораздо сложнее. Все вы, и ты в том числе, меня зацеловали. Так кайфово! А я взял и почил на лаврах. Как мне сказал профессор-хирург, я даже к работе стал относиться вальяжно. Поэтому стал допускать небрежности. Да и насчёт нашей больницы... Врию главного врача! Ведь не запротестовал, когда назначали! Расценил как само собой разумеющееся. Переоценил свои возможности и набрал кредиты доверия... А как я их отдавать буду? По векселям надо платить! Ты понимаешь, сколько людей сейчас зависит от моих решений и действий? Они верят мне! А кто я такой? Пацан, возмнивший себя полубогом... Пацан без опыта и образования, нахватавшийся по верхам каких-то знаний. И самое страшное, Ванюха! Я перестал думать! Когда я искал средство поставить тебя на ноги – по ночам думал! На работе в боксах думал! И пришёл успех. А сейчас... Живу на прежних достижениях. Да и багаж свой отрабатываю почти на автопилоте. Знаешь, что является самым действенным оружием против медных труб? Самоирония! Способность посмотреть на себя с сарказмом и посмеяться над своими надутыми щеками. А я этого давно уже не делал...

Обессилен от всего только что произнесённого, наливаю рюмки и, не дождавшись Ваньки, выпиваю свою. Поднимаю на него глаза. Ох... Опять – как в самую душу он мне заглянул! Прямо как тогда... Вижу, что я понят. Вижу его сочувствие. И осуждение вижу. И поддержку тоже.

– Ну что ты молчишь? Скажи что-нибудь! – не выдерживаю я длительной паузы.

– А что я могу тебе сказать? Ты всё сам сказал. Об этом я очень хотел с тобой поговорить, но у нас взаимно не было времени. Да и не знал я, как к тебе подступиться с этим разговором. Ты вернулся из Булуна каким-то другим. Вроде такой же, но – другой. Из Булуна вернулся... повелитель... Повелитель судьбы! Это читалось буквально во всём. Тебя несло. Я тогда испугался. Не тебя, а за тебя! Я читал в истории нашей страны о статье Сталина под метким названием «Головокружение от успехов». Так вот... У тебя произошло как раз головокружение от твоих, действительно имеющихся, успехов. Они оказались сильнее тебя, Сашка... А это – прямой путь к разрушению личности. Твоей личности. Но знаешь... Я очень рад, что сам не начал этого трудного для тебя разговора. Видишь, ты сам ко всему пришёл. Я только не могу согласиться с тобой в отношении больницы. Пойми! Если не ты, так кто же? Больной Кирилл Сергеевич? Ты тогда правильно сказал, что твоя задача сделать так, чтобы он всего того безобразия по возможности не увидел. Ты это обязан сделать ради его здоровья и спокойствия. Разве не так?

– Ты думаешь, я смогу?

– Сашка! Я просто уверен в этом. Если к своим действиям ты будешь подходить с такой же жёсткой меркой, как сейчас, то всё получится. Поэтому я и спросил, чем я могу тебе помочь. Сашка, поверь, у меня есть все основания гордиться своим старшим братом. Это не дифирамбы! Ты сумел остановиться и критически посмотреть на себя со стороны. Это же самое главное! Теперь ты начнёшь работу над ошибками. Ну а я тебе помогу, – заключает Ванька с неожиданной невинной улыбкой.

Снова долго на него смотрю. Мой любимый младший братишка... Такой рассудительный...

– Ванюха... Что бы я без тебя делал? – задумчиво бормочу я. – Я ведь такие признания могу только тебе сделать.

– А Даше?

– Только тебе, – повторяю я.

– Ладно, унтер-офицерская вдова... – Ванька подпирает голову рукой и внимательно смотрит на меня. – Иди-ка ты спать.

– Я хотел ещё тебе про больницу рассказать.

– Так! Старший в тандеме, иди спать! Завтра расскажешь, – командует он.

– Сегодня без твоей лохматой башки я точно не усну.

– Не беспокойся, я тоже иду.

Антошка уже лежит там, где привык, над тем местом на подушке, где должна находиться моя голова. Аккуратно укладываюсь. Кот, чуть-чуть поёрзав и ткнувшись носом мне в голову, начинает мурлыкать. Значит – ждал!

Ванька тоже укладывается.

Обнимаю его и тоже, как Антошка, утыкаюсь носом в волосы.

– Как говорят в математике – необходимые и достаточные условия выполнены, – бурчит он. – Давай, моё всё... Спи теперь!

– Ванюха мой... Братишка мой... – повторяю я, прижимая его к себе.

– Всегда твой... и только твой...

* * *

Утренних летучек я решил пока не проводить. Летать пока не с кем. Вообще больница полупустая. Очевидно, из-за своей недоброй славы.

Поприисутствовал на обходе. Теперь имею какое-то представление, кто здесь с чем лежит. Особо внимательно посмотрел прооперированного вчера. Вроде порядок. С утра сделал Семёну Викторовичу первый сеанс. Результат привёл его в удивление. Сказал, что ему летать захотелось. Слава богу, у него не возникло отторжения. Потом он сам предложил мне обсудить плановые операции. Оказывается, они здесь всё-таки проходят. Пожаловался мне, что ему одному на отделении трудно. Ещё бы! Предложил ему свою помощь. Согласился! Похоже, тоже намечается контакт.

Обсудили список необходимых медикаментов. Обсуждали все вместе. Семён Викторович к написанному терапевтами добавил ещё столько же.

– Саша! – ко мне в кабинет, постукивая протезом, быстро входит Павел. – Я был на пищеблоке. Она же в жопу пьяная! Её гнать надо!

– Ты сам готовить собрался? – ехидно интересуюсь я.

– Иди ты! В общем, я поехал к тётке Маше.

– Кто это?

– Ну та пенсионерка, о которой говорил Скориков. Я взял координаты.

– Отлично! Постарайся её уговорить. В конце концов, пригласи приехать сюда с тобой.

Вместе попытаемся.

– Ладно. Да! Я вчера вечером звонил Диме. Просил его в общественном порядке помочь с лифтом. Он согласился на выходных.

– Отлично! Я тоже робу с собой возьму.

– Ты лучше подумай, кто на выходных будет здесь в травмпункте работать, – сурово напоминает Павел.

Вот повезло мне! Проблемы хватает на лету!

– Паш, на сегодняшний день я вижу только одну кандидатуру.

– Вот! А ты на чердак собрался лезть, – с некоторым удовлетворением отмечает он. –

А то давай – ты на чердак, а я тут руки и ноги вправлять буду.

– Понял, товарищ начальник, – принимаю я его справедливый упрёк.

– То-то же! – он с довольным видом скрывается за дверью.

Почти сразу входит охранник.

– Александр Николаевич, тут женщина к вам просится. Пустить?

Как хорошо, что хоть охрана нормально работает. И то потому, что она из охранной фирмы. Кроме того, мне пришлось сразу скомандовать и запретить всякие хождения.

– Да, позовите её, пожалуйста.

Входит довольно симпатичная женщина средних лет.

– Здравствуйте, Александр Николаевич!

– Здравствуйте!

– Меня Александр Васильевич прислал. Я здесь старшей медсестрой работала ещё год назад. Моя фамилия Шитова.

– Садитесь, пожалуйста.

Из стопки личных дел, которые теперь лежат на моём столе, вытаскиваю её дело. Листаю... Почти пятнадцать лет работы. Старшей – десять. Одни благодарности... Стоп! Последний выговор «за упущения в работе» и сразу увольнение по собственному желанию.

– Елена Михайловна, а что случилось?

– Вы про выговор? Так это я тогдашнему главному по морде съездила. Он работал у нас всего полгода. Женщинам прохода не давал. И ко мне стал приставать. Я его отшила, так он пригрозил, что если я с ним не пересплю, то слечу с должности. Сказал и стал лапать. Ну я ему и врезала. Аж очки с него слетели.

Она при этом с удовольствием смеётся.

– Я к женщинам не пристаю. Поэтому можете спокойно писать заявление о приёме на работу в качестве старшей медсестры. Единственно, о чём хочу предупредить: персонала очень мало, и, видимо, вам придётся и сутки дежурить пока, ну и всё прочее типа процедур, уколов...

– Я этого не боюсь, – она встряхивает пышной причёской. – Вам тут уже такую рекламу сделали, что если даже половина правда, то мы сможем тут всё привести в порядок.

Вот это подход!

– Елена Михайловна, я ведь только врию. Когда заступит настоящий главный, Кирилл Сергеевич Золотов, поверьте, тут многое преобразится. Я с ним на севере работал. Это – настоящий главный.

– Александр Николаевич, мне уже всё про вас и вашего учителя рассказали. И про ваш зимний визит, про операцию, и как вас выгнали... Посёлок у нас небольшой, новости распространяются быстро. Короче! Когда можно приступать?

– Да прямо сейчас и приступайте. Если на сегодня у вас нет других планов.

– Меня это устраивает. Значит, можно принимать разрушенное хозяйство?

– Конечно! Только я вас попрошу, когда всё, что осталось, примете, сделайте мне перечень того, что нужно покупать: что в первую очередь, что во вторую, ну и так далее. И вообще прокуратура посоветовала мне сделать инвентаризацию.

– Непременно!

Уходит. Неужели у нас будет хорошая старшая медсестра?

– Александр Николаевич, – обращается ко мне, входя в кабинет, Клавдия Лаврентьевна, – там с серьёзной ссадиной парнишка пришёл. Смотреть будете?

– Конечно! Клавдия Лаврентьевна, тут Шитова приходила...

– Ленка! Уговаривайте её вернуться! Мастер на все руки! Десять лет всё хозяйство в идеальном порядке содержала. Кстати, и в операционной может. Она до этого была хирургической сестрой, да и потом помогала.

– Она уже принимает хозяйство. С сегодняшнего дня будет работать.

– Значит, мы все в лотерею главный приз выиграли. Ленка своё дело отменно знает!

Тётя Маша, а вернее, Мария Васильевна – крупная пожилая женщина с простым и добрым лицом.

– Ребята... Вы меня так просите, как будто на мне свет клином сошёлся.

– Мария Васильевна... – начинаю я.

– Тётя Маша, пойдём на пищеблок! Сама посмотришь и всё поймёшь, – Павел встает. – Пойдём!

Они уходят, и я наконец могу собраться с мыслями. Мне надо найти время съездить в Облздрав к Ольге Николаевне. Вопрос – когда?

Чёрт! Телефон!

– Александр Николаевич, у меня для вас две новости. Одна хорошая, другая плохая. С какой начинать?

Это Скориков.

– Давайте с хорошей.

– К выходным обе нужные детали для вашего лифта уже будут у вас.

– Отлично! Значит, будем ставить! Спасибо! Ну а плохая?

– На шлагбаум денег не хватило. Тут – либо лифт, либо шлагбаум.

– Ну и бес с ним пока. Лифт важнее. Огромное спасибо!

– Работу с бывшими сотрудниками проводим. Так что ждите!

– Шитова уже пришла. Будет работать.

– Я вас поздравляю!

Появляются Павел и тётя Маша.

– Ну что, самый главный... Вон ему скажи спасибо, – тётя Маша показывает на Павла. – Я как увидела эту чужеродную и её стряпню... В общем, я согласна. Людей мне жалко!

– Только с продуктами пока будет сложно, – неуверенно предупреждаю я.

– Знаешь, что я тебе скажу? – она нависает над моим столом. – Нормальный повар даже из вашего... может хорошо приготовить.

Потом поворачивается к Павлу.

– А ты, Паша, как я поняла, тут главный по хозяйству?

– Ну да...

– Так ты съезди в совхоз, потом на птицефабрику. Их люди ведь тоже тут лечатся. Вот и поговори!

Мы с Павлом переглядываемся. Ай да тётя Маша!

– Ладно! Завтра в шесть выхожу на работу, – как ультиматум объявляет она. – А этой... чтоб тут уже не было. Пусть дома пьёт!

Уф-ф... День пролетел, как один час. Я уж не знаю, как Павел увольнял прежнюю повариху, только даже мне здесь было слышно, как котлы и кастрюли там летали...

– Ну всё. Я её выпроводил, – докладывает он, просовывая голову в приоткрытую дверь. – Подсобница осталась. Но, по-моему, они вместе пили. Ты не волнуйся, я прослежу.

– Паш, зайди. Посоветоваться с тобой хочу.

– Слушай, Саша, я тут только собрался пару каталог покрасить. Даже краску из дома принёс. Ничего, что синяя?

– Нормально. Главное, чтоб ржавыми не были. Только всё-таки надо посоветоваться...

– Ты ещё домой не собираешься?

– Какое там домой! Я ночую сегодня здесь. На сутки некого оставить.

– Ну вот! – Павел явно рад. – Значит, у нас вся ночь впереди! Ну я пошёл!

Понятно. Он ещё не представляет, какой может быть эта ночь. Ладно! Надо пока отзвониться всем. В первую очередь – Кириллу Сергеевичу.

– Сашенька! Я тебя поздравляю с решением сразу трёх главных проблем. Я имею в виду старшую, пищеблок и зама. Начало прекрасное. Теперь, надеюсь, ты наконец сможешь заняться поисками врачей. Иначе нам с тобой всё придётся делать самим.

Я очень чётко осознаю, что требовательный Кирилл Сергеевич уже потихоньку мною рулит с больничной койки. Это радует, но... хлопотно.

– Кирилл Сергеевич, вот я сегодня остаюсь на сутки и в травме. Надеюсь, у меня будет время полистать ещё старые личные дела. Они у меня в кабинете. Может, кого и найду.

– Сашенька, ты обдумай ещё один вариант. Может, если положение с персоналом такое катастрофическое, на время официально закрыть травмпункт?

– Я против. Но подумаю.

Так... Даше доложил, Михал Михалычу рассказал... Надо сказать, он очень живо интересуется всеми нашими событиями. Набираю Ваньку.

– Привет, Саш... Когда тебя ждать?

– Ванюха, я сегодня не приеду. Некого на сутки оставить. Так что вы с Антошкой уж как-нибудь сами.

– Хочешь, я покормлю Антошку и к тебе приеду?

– Ты что, ненормальный? Сорок километров...

– У тебя, ненормального, не может быть нормального брата. Я ответил на твой вопрос?

– Ладно, Ванюха, спасибо. Ты лучше отдыхай. Мы с Павлом тут как-нибудь продержимся. Он тоже не собирается домой.

– Вот видишь! Компания придурков подбирается! – весело заявляет он. – Короче, ждите!

Отбой даёт сразу, чтобы я не успел ничего сказать.

Выхожу из кабинета и иду на первый этаж в приёмный покой. Там сегодня дежурит миленькая, но страшно бестолковая девочка Лиза. Однако что делать! Не могу же я просить остаться на своём дежурстве самую опытную медсестру. Пусть она с другими дежурит.

В приёмном пока никого нет. Лиза сидит и что-то читает.

– Лиза, сегодня дежурю я. Поэтому когда кто-то появится – сразу ко мне в кабинет.

– Хорошо, Александр Николаевич! – она сочно стреляет глазками в мою сторону.

Делаю вид, что не замечаю. Возвращаюсь к себе. Снова листаю личные дела уволившихся. Вот! Алёшин Алексей Сергеевич... Хирург... Сорок три года... Уволился два года назад. Интересно! Надо будет у Семёна Викторовича спросить, что это за человек и специалист.

– Александр Николаевич, разрешите?

– Елена Михайловна, а что вы ещё здесь? – удивляюсь я. – Садитесь, пожалуйста.

– А почему вы здесь, и Павел Николаевич тоже? – с лёгкой улыбкой спрашивает она, садясь у моего стола.

– Ну я остался на сутки. Больше некому. А Павел...

– Знаю. Он красит каталки. Ну а я обустроиваю своё хозяйство, – подытоживает она, – Вот то, что вы просили.

Бегло просматриваю списки.

– Александр Николаевич! – с округлившимися глазами влетает Лиза. – «Скорая» привезла...

Судя по её перекошенному лицу, там что-то ужасное. Быстро спускаюсь в приёмный. Шитова следом за мной. В смотровой на носилках мужик. Лицо землистого цвета, губы синие. Вроде трезвый... Пульс есть, но... Дыхание короткое и частое. Впросительно смотрю на фельдшера «скорой».

– На улице хлопнулся... Нас вызвали...

Бл... Не «скорая», а транспортная компания...

– Лиза, трубку мне! Быстро!
– Мобильник?
– Фонендоскоп! Слышала такое название? Елена Михайловна, кардиограф принесите, пожалуйста.

Сам дурак, конечно! Так и не ношу с собой трубки. Мешает она мне, болтаясь на шее! Слушаю сердце... Пытаюсь посмотреть «своим» зрением.

– Так, давайте я кардиограмму сниму, – быстро подходит Елена Михайловна с кардиографом. – Вообще тут, в смотровой, был когда-то свой.

– Похоже на обширный... – тихо говорю я ей. – Лиза, подготовь... – осекаюсь. Ну – столбик с глазками! – Ладно! – быстро пишу срочные назначения на листе бумаги. – Неси всё, что есть. Быстро!

– А как мы его запишем? – вдруг спрашивает она. – Документов у него нет.

– Лиза... Давай сначала оставим его на этом свете, а потом будем записывать. Иди! – я еле сдерживаю раздражение.

Ловлю понимающий взгляд Шитовой.

– Вот, посмотрите, – она подаёт мне ленту, – думаю, вы правы.

– Елена Михайловна, пожалуйста, сходите вслед за Лизой. Чего она там копается?!

В этот самый момент появляется Лиза и протягивает... несколько ампул и физраствор.

– Александр Николаевич, всё, что есть... – говорит она растерянно.

Переглядываемся с Шитовой.

Решение приходит само и сразу. Смотрю на часы. Восемь вечера. Набираю Ванькин номер.

– Ванюха, ты вроде собирался приехать...

– Я уже еду. Антошку накормил, – докладывает он.

– Ты за город ещё не выехал?

– Почти... А что?

– Паркуйся, сейчас будешь записывать.

– Готов! – через некоторое время сообщает Ванька.

Диктую ему названия препаратов и количество упаковок.

– Я всё понял! Сейчас разворачиваюсь и ищу работающую аптеку.

– Ванюха, только ты постарайся побыстрее. Можем опоздать...

– Сашка, я сразу понял. Всё. Отбой!

– Это мой младший сводный братишка Ваня, – отвечаю я на вопросительный взгляд Шитовой. – Пока давайте попытаемся хоть что-нибудь сконструировать из того, что есть.

Кое-как соорудили поддерживающую капельницу тут же, в смотровой.

– Александр Николаевич, Клава сказала, что вы кофе – пьёте, – осторожно обращается ко мне Шитова.

– Пью, и много. Сейчас бы с удовольствием.

– Я сделаю и принесу.

– Хорошо. Я тут побуду.

Выходя, она сталкивается с Павлом и делает ему предостерегающий жест.

Тоже выхожу в коридор.

– Чего там? – не понимает Павел.

– Обширный инфаркт у мужика. Сейчас Ванька привезет всё, что надо, а пока вот... тем, что есть...

– Понятно... Жить-то будет?

– Это зависит от нас. Ну и от того, когда приедет Ванька.

– Слушай, Ленка сейчас нам с тобой ужин принесёт. Только что позвонила.

– Паш... Ты извини... Пока не приедет Ванька...

– Да понимаю я! Только жрать тоже надо.
– Александр Николаевич. Вот кофе... Давайте! Вся ночь впереди, – Шитова ставит передо мной чашку прямо на стол в смотровой. – Павел Николаевич, а вы могли бы уже идти отдыхать. Вы же не врач...

– Могу быть санитаром, – бурчит он.

– Кстати, Елена Михайловна, я тоже ещё не врач. Только пять курсов пока, – расставляю я акценты.

– В эти сказки я не верю, – она очень симпатично улыбается. – И вообще я ничего такого не слышала.

– Ладно... Скажите, пожалуйста, вы помните Алёшина?

– Алексея Сергеевича? Помню, конечно.

– Какой он хирург?

– Я ему помогала как хирургическая сестра. Руки у него золотые были.

– Почему были?

– Лёха пьёт сильно, – вмешивается Павел. – Он сейчас грузчиком в магазине трудится, когда не пьяный.

– Да, он пить стал, ещё когда тут работал. Всё после смерти жены началось, – добавляет Шитова.

– Он же по собственному... – непонимающе переспрашиваю я.

– Да. Он сказал, что у него стали дрожать руки и поэтому оперировать он больше не может, – объясняет она. – Вообще он человек очень ответственный был... тогда. Вы хотите...

– Да. Я хочу поговорить с ним.

– Ну так я тебе его обеспечу! – говорит Павел.

– Пожалуй, давай на следующей неделе.

– Спать-то вы когда собираетесь? – не выдерживает Шитова.

– Ночью, может, пару часов удастся перехватить вот тут на кушетке, – и перевожу разговор на другую тему: – Елена Михайловна, я пройду по палатам, посмотрю... Когда Ваня приедет, сразу поменяйте капельницу. А я ещё посмотрю, что там у нас в реанимации. Можно ли туда положить. Тогда мы с Ванькой его на третий этаж занесём и там устроим.

– Александр Николаевич... Вы же будете здесь. Если пойдут пациенты, то вам не вырваться в реанимацию...

Шитова говорит дело.

– Согласен. Пусть до утра полежит здесь. Елена Михайловна, вы-то когда домой пойдёте? Давайте, вот Ваня приедет, капельницу поменяете, и отдыхать, – заканчиваю я строго.

– Александр Николаевич, – её глаза начинают опасно поблёскивать, – давайте сразу договоримся один раз и на всё оставшееся долгое время. Я сама буду решать, когда я тут не нужна. Договорились? Может, я изголодалась по работе.

– Договорились, – уступаю я.

– Ну сами посудите! Галя одна на два поста! Лиза... Вы сами видите...

– А я? – обиженно переспрашивает Павел.

– Санитарам – выносить утки и судна! – шутливо отмахивается она.

Почему-то всем нам сразу становится весело. Неужели команда подбирается?

* * *

На лестнице меня ловит медсестра Галя.

– Александр Николаевич! В двадцать четвёртой у бабули бред. Какого-то Сашеньку всё зовёт.

– Ну что ж, раз зовёт, придётся Сашеньке прийти к ней, – я фыркаю: вот ведь совпадение! – Пойдёмте.

В палате вижу, что бред действительно есть.

– Сашенька, зайчик, – тянет ко мне руку больная, – принеси бабушке водички...

Галя прыскает. Я её понимаю. «Теперь все тут будут звать меня Сашенькой-зайчиком», – проносится в голове.

– Дайте ей немного попить, – прошу её, а сам осторожно сажаю бабулю и начинаю прослушивать. Хорошо, что трубка так и осталась при мне.

То, что у неё воспаление лёгких, я знаю, но судя по записям в истории, оно стало ослабевать, а тут – бред. Щупаю её лоб. Понятно... Более сорока. Рецидив...

– Галя. Приготовьте жаропонижающее внутримышечно.

– А температуру измерить?

– Я уже измерил. Сорок и две.

– Вы так шутите? – не понимает она.

– Можете поставить градусник и меня проверить, – суховато говорю я.

– Я поставлю...

– И укол обязательно.

Галя ставит термометр и уходит готовить укол.

Ещё не спящие соседки бабули молча за всем наблюдают.

– Скажите, вчера, позавчера в палате окно открывали? – спрашиваю я их.

– Да вчера оно полдня было открыто. Нюра открыла и забыла, – говорит одна из женщин. – Потом Светлана Сергеевна во время вечернего обхода сама закрывала и ругалась.

Вспоминаю слова Михал Михалыча – из-за бестолковой няньки выходить не можем. А Нюра – это одна из двух санитарок. И что мне с ней делать?

Появляется Галя со шприцем.

– Вот и укольчик!

– Давайте, – беру у неё шприц.

Она вынимает термометр, смотрит на него, потом на меня.

– Что? Что-то не так? – я изображаю недоумение.

Глаза Гали готовы выпрыгнуть из орбит.

– Так сколько же там?

– Сорок и одна...

Осторожно поворачиваю больную и делаю укол.

– Галя, через два часа снова посмотрите температуру. Наверное, придётся сделать ещё один укол. А пока найдите её историю и принесите мне. Кто её ведет?

– Надежда Ивановна.

– Хорошо... У остальных как, нет пожеланий? – обращаюсь я к бабулиным соседкам.

– Доктор! Три ночи уже не сплю. Может, можно снотворного?

– Вы у нас с чем?

– Обследование у меня. Надежда Ивановна положила...

– Посмотрите-ка на меня, – изучаю её «своим» взглядом. – Думаю, что у вас проблемы со щитовидкой. Давно проверялись?

– Да не проверялась я...

– Ладно. Утро вечера мудренее. Сегодня поспите вволю. Посмотрите мне в глаза... Вам очень уютно в вашей кровати... Вы устали... Вам хочется спать... Сейчас вы уснете и будете спать восемь часов. Раз... Два... Три! – и слегка щёлкаю пальцами.

Глаза женщины медленно закрываются, она глубоко вздыхает и засыпает.

– Пойдёмте, Галя. Спокойной вам ночи! – говорю сразу всем в палате.

– Когда мне Клава рассказывала про руку, ну когда вы зимой, то я не поверила, – извиняющимся тоном говорит Галя уже в коридоре.

– По-моему, всё нормально, – я слабо улыбаюсь. Надо же – подустал.

– Это – нормально?

– Главное, что об этом не стоит долго и много говорить. Галя, я пошёл в приёмный и буду там. Если что – зовите.

– Если температура упадёт, то всё равно укол делать?

– Если только на градус, то делать. И историю мне, пожалуйста.

– В приёмный или в кабинет?

– В приёмный.

Спускаясь по лестнице, уже вижу Ванькину лохматую башку. Они с Павлом что-то живо обсуждают.

– Всё привез? – сразу спрашиваю я Ваньку, не успев поздороваться.

– Ага, всё! Там уже правильную капельницу ставят.

Захожу в смотровую. Цвет лица мужчины слегка изменился в лучшую сторону. Елена Михайловна осторожно пробует пульс.

– Ну как? – шёпотом спрашиваю её.

– Успел ваш брат, слава богу. Тут, как мне кажется, стабильно.

– В такой ситуации это уже неплохо.

Выходим в коридор.

– Что там, в двадцать четвёртой? – спрашивает Елена Михайловна.

– Рецидив воспаления лёгких у почти вылеченной старушки. Кто такая Нюра?

– Опять она что-то забыла? – вместо ответа сама задаёт вопрос Шитова.

– Так... Ничего особенного. Просто полдня в палате было открыто окно, пока вечером его не закрыла Светлана Сергеевна. Результат я сейчас видел.

– Сейчас, минутку... Лиза! – зовёт Елена Михайловна. – Последи за капельницей в смотровой.

Лиза покорно идёт в смотровую.

– Нюра – это многолетняя беда этой больницы, – рассказывает Шитова уже в коридоре. – Всё время что-то недоделывает, забывает, и всё такое. Как только её начинают ругать за прегрешения, она сразу кричит, что уволится. Сейчас санитарок днём с фонарём, все сразу пасуют, и всё остаётся по-прежнему.

– Так, может, уволить ее к чёртовой матери? – осторожно спрашивает Павел.

– А мыть этажи кто будет? – Шитова поворачивается к нему и укоризненно качает головой. – Мы с вами под руководством Александра Николаевича?

– А давайте, я ночью всё помою, – вдруг вмешивается Ванька. – По крайней мере, чисто будет.

– Ваня, ваш благородный порыв мне понятен, – старшая с улыбкой смотрит на него. – Я уже поняла, что вы всегда готовы подставить плечо. Только если уж вас использовать таким образом – лучше помыть кабину лифта. Вот Павел Николаевич говорит, что на выходных его отремонтируют и можно будет пользоваться, а кабина невозможно грязная.

– Ну, Ванюха, ты попал... – подсмеиваюсь я. – С Еленой Михайловной не забалуешь.

– Так я готов! Елена Михайловна, скажите, где взять тряпки, щётку, ведро, ну и мыло какое-нибудь. Моющих средств, наверное, ведь нет!

– Пойдёмте...

– Там женщина пришла... – сообщает охранник.

– Ленка, наверно, – и Павел идёт встречать.

Расположились перекусить. Вскипятили чайник. Такая милая, почти семейная обстановка.

– Надо Ваню позвать, – спохватывается Елена Михайловна и, глядя на меня, говорит с укором: – Забыли вы про брата.

– Это пока ваш сотрудник, – ехидничаю я. – Вам и разбираться.

– Начальство всегда выкрутится! – в тон мне отвечает она и собирается выходить.

– «Скорая» пришла, – докладывает охранник, практически вталкивая её обратно.

Выходим встречать.

– Принимайте жертву поножовщины, – хмуро сообщает фельдшер. – Удар в живот. Боялись не довести. Думаю, большая потеря крови.

Осматриваем парня. Одет более чем... Ясно – не сельский.

– Я ничего... Я сейчас... – бормочет он, бессмысленно водя взглядом по нашим лицам. – Я сейчас... Только... папе... не надо...

Кошмар... Рана от кровотечения залеплена обычным пластырем. Значит, всё там, внутри...

Этого мне только и не хватало! Раза три я ассистировал в Булуне Николаю Фёдоровичу в похожих случаях, но сам ещё ни разу не оперировал. Это тебе, Елизов, не аппендициты резать. Чувствую своей холкой обычный мерзкий страх. А что мне остаётся в этой ситуации? Глаза бояться, а руки делают. Ведь если не я сейчас, то больше уже никто этому парню не поможет. До города он не доедет. Смотрю на Шитову.

– Давно последний раз в операционной стояли?

– Почти три года назад...

– Готовьте операционную. Паш, позови Ваню. Надо его по лестнице поднять.

– Так давайте и я помогу, – предлагает охранник.

– Спасибо. Втроём будет поаккуратнее, – соглашаюсь я.

Павел с Леной во все глаза смотрят на меня.

– Ребята, ужин откладывается.

– Ничего... Это всё потом...

В операционной вместе с Еленой Михайловной готовим парня к операции. Он стонет и дёргается.

– Не знаю, что делать с анестезией, – озабоченно вздыхает старшая медсестра. – Мы же не знаем, что ему можно.

– Погодите... Сильно плохо? – спрашиваю я парня, заставляя его обратить на меня внимание.

– Пло-охо... – стонет он.

– Как звать?

– Саша...

– Я тоже Саша. Значит, мы тёзки, – я улыбаюсь, стараясь не отпустить его взгляда.

Парень в ответ тоже пытается улыбнуться.

– Значит, так, Саша, – начинаю я медленно говорить, глядя ему в глаза, – чтобы стало лучше, тебе сейчас надо поспать. Проснешься, и тебе будет гораздо лучше. Поэтому давай, засыпай... Ты сейчас будешь спать... и не будешь ничего чувствовать... Просто будешь спать... Ты очень хочешь спать... На счёт три ты заснёшь... Раз... Два... Три!

Делаю лёгкий щелчок пальцами и вижу, как закрываются его глаза.

– Так, Елена Михайловна. У нас с вами часа три есть. Вперёд!

У неё вид человека, ударенного пыльным мешком.

– Александр Николаевич! Вы что...

– Елена Михайловна, у нас с вами ещё будет время об этом поговорить за чашкой кофе. Поехали! Работаем!

...Усталость сгибает. Пациент в палате. Кажется, обошлось... Сажу у стола, тупо уставясь в чашку с кофе, и не могу заставить себя взять её в руку. Два с половиной часа мы с Шитовой трудились над этим парнем. У меня всё время в голове звучал голос Михал Михалыча, который говорил мне про точнейший расчёт любого моего движения. Пришлось позвать Ваньку, который почти всё это время стоял рядом со мной и вытирал с моего лица пот, при этом стараясь не смотреть на операционный стол.

– Саш... Сашка! – с трудом доносится до меня Ванькин голос. – Хоть кофе попей!

– Водки бы... – выдавливаю я. – Жаль, что нельзя.

– Нужно! – резко звучит голос Елены Михайловны, и передо мной появляется мензурка. – Пейте! Это спирт.

– Елена Михайловна, нельзя мне, – вяло отбояриваюсь я. – Вдруг ещё кого-нибудь привезут.

– Пейте, я сказала! Если привезут, то от вас сейчас толку столько же будет, сколько от моего младшего. Пейте! Ну!

– Сашка, пей, тебе говорят! – в один голос кричат на меня Ванька с Павлом.

Беру мензурку и осушаю.

– Молодец! – одобряет Павел и интересуется: – А сколько вашему младшему?

– Четырнадцать. Александр Николаевич, а теперь на кушетку и спать! Хотя бы час, – жёстко приказывает Шитова. – Это я вам как медик говорю.

– Сашка! Хватит геройствовать! Чем быстрее ты отрубись, тем быстрее приведёшь себя в порядок, – поддерживает её Ванька.

– Ладно, пора вспоминать про солнышко и пляж, – вяло говорю я и перебираюсь на кушетку, стоящую тут же. – Только если что – будите!

– Не сомневайся! – бурчит Павел.

– Весело у вас тут, – со вздохом шепчет Лена, до сих пор сидевшая безмолвно. – Скучать не приходится...

– Так это же и прекрасно! – Елена Михайловна встряхивает причёской, и это последнее, что я вижу и слышу.

* * *

Выпроводил Ваньку на работу. Всё-таки я заставил его три часа поспать этой ночью. Бедняга. Он-то за что страдает? Павла с Леной я тоже выпроводил домой, как только сам проснулся. Это было часа в четыре. Елену Михайловну, проснувшись, я заставил лечь поспать на третьем этаже. Сам с Лизой теперь сажу возле нашего инфарктника. Пока всё тихо.

– Здравствуйте, работники!

Поднимаю голову. Марья Васильевна! Шесть часов... По ней можно часы проверять!

– Доброе утро, Марья Васильевна! Павел Николаевич ту выгнал. Вы там сами посмотрите, что она вам оставила. Подсобница осталась.

– Ладно, разберусь, – по-старчески ворчливо откликается она. – Только на подсобницу у меня есть подруга моя. Можно ещё найти... Мне бы лучше двух. Выходные-то у меня должны быть!

– Значит, будут две! Обещаю.

– Спасибо. Ну я пошла.

– Это кто? – спрашивает Лиза, когда она уходит.

– Новая повариха.

– А ту выгнали? – с тихим восторгом спрашивает Лиза.

– А что с ней ещё делать? Она же алкоголичка!

– Не, всё правильно. Больные так жаловались... – рассуждает она и вдруг стреляет глазами. – Александр Николаевич, у вас такой классный брат!

– Тебе понравился Ваня? – я невольно ухмыляюсь.

– Угу... Такой серьёзный... и симпатичный...

– Лиза, а ты почему пошла именно в медицинское училище? – меняя тему, задаю я вопрос, который меня интересует с первого знакомства с ней.

– Ну, Александр Николаевич... Надо же было куда-то идти после школы.

– Скажи, а ты понимаешь, что сегодня тут у нас произошло?

– Елена Михайловна сказала, что вы спасли две жизни...

– Ну жизни спасали мы все вместе, – поправляю её.

– Что, и я тоже? – она поднимает брови.

– Ты же сидела с больным, за капельницей следила...

Я не даю ей впрямую ответа, но обращаю её внимание на причастность ко всему, что сегодня происходило.

Видно, как Лиза задумывается.

– Александр Николаевич, а вы всегда хотели стать врачом?

– Нет, Лиза... Я по первому своему образованию инженер-механик. Вот на выходных лифт наш чинить буду.

– Что, правда?

– Правда.

– А почему вы потом стали врачом?

– Знаешь, когда понимаешь, что только ты можешь спасти своего родного и очень любимого человека, в голове происходит своеобразный переворот. Ты на всё начинаешь смотреть по-другому. Тебе становится интересно всё, что может помочь это сделать. Так было со мной.

– И поэтому вы стали врачом?

– Наверно, поэтому... Мне стала интересна медицина. Я стал читать умные книги, искать учителей, которые мне могут растолковать разные премудрости, ну и так далее.

– Александр Николаевич, а как вы думаете, у меня получится быть хотя бы медсестрой?

– Если не будешь интересоваться своим делом, то не получится ничего. Причём это в любом деле. Повторяю, если человек работает без интереса, где бы он ни работал, результата не будет.

– Вы говорили, что искали учителей. Что, всяких профессоров?

– Да нет же, – с некоторой досадой говорю я, потому что мне кажется, что она совсем бестолковая. – Моей первой учительницей была медсестра Вера Петровна. Я ведь начинал с того, что выносил горшки, перестилал кровати, потом стал ещё и разносить таблетки. Потом начал делать уколы...

– Вы и уколы умеете делать?

– Умею. И умею так, что больной не чувствует, как я делаю. И это потому, что я очень хочу, чтобы ему не было больно. Ему ведь и так плохо, зачем же причинять человеку лишние страдания?

– А вы думаете, меня будут учить, если я попрошу?

– Даже не сомневаюсь. У нас же такие прекрасные сёстры. И Елена Михайловна, и Клавдия Лаврентьевна. И другие тоже. Обратись! Уверен, тебе помогут. Ты же, наверно, заметила, что у нас на отделениях медсестёр не хватает.

Только тут я замечаю, что, совсем не скрываясь от нас, в уголке стоит Елена Михайловна. Это, значит, она стояла, как мышка, и слушала мою воспитательную беседу. Показываю ей глазами – мол, идите отсюда. Выходит.

– Ну, Лиза, я пойду, проверю, как себя чувствует наш прооперированный, а ты тут поглядывай, – и показываю на смотровую: – Надеюсь на тебя.

На втором этаже нахожу Шитову.

– Что ж... Посмотрим, погиб ли в вас Сухомлинский, – иронично замечает она.

– Знаете, Елена Михайловна, в Булуне у нас был молодой парень, кардиолог. Разгильдяй разгильдяем! Никто ничего с ним сделать не мог. Даже Кирилл Сергеевич, в котором уж точно погиб Сухомлинский. Однажды, и это было в новогоднюю ночь, от его решения зависела жизнь пациентки. Тоже обширный инфаркт. Он испугался принять решение и позвал меня. Я решил за него. И это стало для него встряской. Он наконец-то понял, что от наших действий зависит, жить или не жить человеку. Короче, Петьку сейчас не узнать. Работает прекрасно. Вот я и думаю, может, и с Лизой когда-нибудь что-то такое произойдёт...

– Дай бог! Обещаю вам, что если она ко мне подойдёт, то с максимальным терпением буду ей всё объяснять и показывать.

– Спасибо. Скажите, вам удалось хоть немного отдохнуть?

– Да, я немного поспала. А что?

– Хочу отправить вас домой.

– Ну знаете, Александр Николаевич! Я же уже вам объяснила! – Шитова возмущённо сверкает глазами. – И вообще... Не ожидала я от профессионала такой близорукости! Уж вы-то должны были понять, что значит истосковаться по хорошей нормальной работе. У меня сегодня в операционной просто душа пела!

– Не знаю, не расслышал в запарке, – усмехаюсь я.

– Да ну вас! – она машет рукой и смягчается. – Вы поймите, несколько лет здесь не было правильной работы. Мы, те, кто привык работать правильно, отдавать здесь всё, ведь, как вы сказали Лизе, от наших действий зависит, жить человеку или нет, мы задохнулись тут...

– А сейчас?

– Хотите, чтобы я вас похвалила? Похвалю. Тяжело, но дышится свободно. Домой идти не хочется. Да вы же и сам такой. И брат ваш такой же. И Павел Николаевич. Александр Николаевич, команда подбирается! Эта ночь всё показала.

– Ладно, как хотите. У меня просьба. Обратите особое внимание на парнишку. Я сейчас схожу, сам ещё раз посмотрю.

– Я уже была там. Поверьте, всё нормально для его случая. И Галю я предупредила, чтобы передала по смене. А вот что с инфарктником будем делать?

– Ну там тоже получше. Его надо будет осторожно перенести в реанимацию.

– Угу... На третий этаж! Кто понесёт?

– Я и два охранника. Придёт смена, и я попрошу.

– Ещё... Александр Николаевич, там, в операционной... Это гипноз?

– Да.

– Мне Клава рассказывала, но я почему-то не поверила. Уж больно странно это, согласитесь!

– Тогда тоже так было нужно. По-другому было нельзя.

– А сегодня?

– Сегодня тоже. Хотите, признаюсь?

– В чём?

– Такую операцию, как сегодня, я делал первый раз в жизни. Ассистировал неоднократно, но чтобы самому...

– Вы со мной, наверное, опять кокетничаете, – строго говорит Елена Михайловна. – Я не первый раз стояла в операционной. Я видела ваш профессионализм. Зачем же вы так про себя?

– Ну не хотите верить – не верьте.

– Не верю. И другим скажу, чтобы не верили. Ясно вам? – она прекрасно улыбается, и мне непонятно, правда ли, что она не поверила.

Девять утра. Пациент с инфарктом уже в реанимации. Спасибо охранникам.

Попросил всех собраться в ординаторской на втором этаже. Хочу просить об одной услуге. Рано утром Марья Васильевна зазвала меня на пищеблок для дегустации завтрака. Это было чудо. Действительно, она из всего может сделать конфетку. Хочу об этом рассказать всем.

Ну вот, собрались... Ого! Взгляды сегодня совсем не такие, как раньше. Тёплые!

– Дорогие коллеги, – начинаю я, – есть у меня к вам одна просьба. Наши пациенты уже позавтракали и, наверное, смогли оценить работу нового повара. Да-да! У нас с сегодняшнего дня новый повар! Пожалуйста, во время обхода спросите всех, как им понравился завтрак. Хорошо?

– А самим-то попробовать можно? – подаёт голос Пётр Максимович.

– Раньше надо было, Петя, – отзывается Семён Викторович. – Я тут с половины восьмого – и успел попробовать. Могу ответственно доложить. Всё более чем съедобно. Просто вкусно! Буфетчица замучилась добавки носить.

– Неужели? – искренне удивляюсь я.

– Точно так. Но, Александр Николаевич, мы всё равно спросим. Вы правы. Надо на этом заострить внимание.

Ох, молодец Семён Викторович! Сразу понял «глубину» моего замысла.

– Ну тогда у меня всё.

– А можно вопрос? – не унимается Пётр Максимович.

– Конечно!

– Вообще-то их у меня два. Первый: вы что, каждую ночь собираетесь дежурить? Ну и сразу же второй: когда кончатся купленные вами, Александр Николаевич, препараты, чем лечить больного будем?

– Отвечаю на первый вопрос. Если надо – буду дежурить каждую ночь. Я ещё молодой, сил пока хватает. На второй вопрос у меня пока ответа нет, – честно признаюсь я. – Но я не мог поступить иначе. Мы бы его не отстояли. Ну ладно. Дискуссию на эту тему можно продолжить потом, а сейчас надо делать обход.

– Александр Николаевич! – это опять Пётр Максимович. – Я думаю, все согласятся: мы пошли делать обход, а вы идите-ка в свой кабинет и поспите немного. Верно я говорю?

Небольшой коллектив выражает своё согласие.

– Александр Николаевич, я как ваш официальный зам настоятельно прошу вас отдохнуть, – строго говорит Светлана Сергеевна. – А то до нашего возраста можете и не дожить.

– Ладно. Подчиняюсь. Если что, вы меня разбудите.

* * *

Просьпаюсь от того, что меня кто-то трясёт за плечо.

– Александр Николаевич! Александр Николаевич!

Открываю глаза. Это охранник меня будит.

– Ага... Встаю... – и действительно встаю.

– Александр Николаевич, вас там какой-то мужчина весь в золотых цепях спрашивает.

– Чего ему надо?

– Говорит, что он отец...

– Какой отец? Крёстный? – хмыкаю я, но сразу же спохватываюсь. – Ах да... Ну пойдёмте.

Приёмный покой меряет шагами мужик лет сорока с лишним, впрямь весь в золоте. Это золото у него на шее в виде толстенной цепи, и на руке такой же браслет, и перстни. Действительно – крёстный отец...

– Здравствуйте, вы меня спрашивали?

– Здравствуйте. Я – отец! – и больше ничего не говорит.

– Я тоже отец, – спокойно отвечаю я.

Охранник стоит рядом и напряжённо наблюдает.

– Какое мне дело, кто вы! – взрывается «крёстный отец». – Здесь мой сын!

– Здесь достаточно много пациентов. Кто ваш сын?

– Его сегодня сюда ночью привезли раненого. Неужели непонятно?

– Фамилия у вашего сына есть? – я чувствую, что начинаю заводиться, хотя и понимаю, что от волнения люди могут быть неадекватны. – Назовите его фамилию.

– Стариков!

– Саша, что ли?

– Ну наконец до вас дошло! – достаточно грубо почти выкрикивает отец моего пациента.

– Стараюсь... – я усмехаюсь. – Так что вас интересует?

– Я забираю его и отвезу в нормальную клинику, – резко заявляет он.

– У вас это не получится. Я его ночью прооперировал, и сейчас он нуждается в покое и уходе. Всё, что было необходимо, нами сделано.

– Кто прооперировал? Ты, что ли? – следует, я бы сказал, возмущённый вопрос. – А ты меня как отца спросил, хочу ли я, чтобы ты, молокосос, на нём тренировался? Да ты вообще понимаешь, какие руки должны были его оперировать? Профессор Шахлатый! Друг нашей семьи. Небось не слышал даже! Только ему я могу доверить своего сына!

«Из грязи – в князи!» – проносится у меня в голове. Или мещанин во дворянстве. Давно заметил, что хвастаются серьёзными знакомствами только те люди, которые прежде их не имели, поскольку находились на более низкой общественной ступени. Теперь же, вынесенные мутной волной повыше, они сразу начинают надувать щёки.

– Во-первых, если бы я ждал вашего появления, то оперировать было бы уже некого, – сухо парирую я. – Повторяю, вашему сыну было сделано всё необходимое в таких случаях. А во-вторых, профессору Шахлатому, как видно, явно не повезло с друзьями.

– Ну ты меня достал! – и папаша делает шаг в мою сторону.

– Александр Николаевич, выгнать его? – спрашивает охранник, становясь между нами.

– Да нет, пока не надо, – не разрешаю я. – Послушайте, а вы уверены, что профессор Шахлатый захочет переделывать мою работу и причинять лишние страдания вашему сыну?

– А я сейчас ему позвоню! Вообще я ещё разберусь, что ты сделал с моим мальчиком!

Он хватает трубку и начинает перебирать меню.

– Алло! Михал Михалыч! Я Сашу нашёл. Да, тут в одной областной богадельне. Вы представляете, они ему операцию сделали! Кто делал? Ну пацан какой-то. Совсем молокосос. Практиковался он на Саше!.. Чья фамилия? Пацана? Эй! Как твоя фамилия?

– Елизов моя фамилия.

– Елизов какой-то! Что? Я не понял... – у мужика совсем обалдевший вид. – Я не понял, что вы сказали. ...Как поклониться? Зачем... Трубку?

Надо видеть эти буквально квадратные глаза!

– Он вас просит... – и мужик, снова переходя на «вы», протягивает мне трубку.

– Здравствуйте, Михал Михалыч! Извините, что не звонил. Тут ночь очень трудная была. Сначала больной с обширным инфарктом, еле откачали. А потом вот парня привезли, тоже по «скорой».

– Чувствую, весело тебе там, – Шахлатый раскатисто смеётся.

- Да уж, скучать не приходится... – и смотрю на папашу.
- Там с парнем... очень серьезно?
- Честно говоря, не здорово. Но преодолели. Там не очень сильно задето. Правда, больше двух часов трудились.
- Это кто «трудились»?
- Я и хирургическая сестра.
- Только вдвоём?
- Ну а где же взять тут ещё? Вот ещё братишка мой рядом стоял и пот мне вытирал. Так всё время дружно и провели, – с некоторым озорством в тоне объясняю я.
- Везёт тебе на полевые условия, Сашка! – как-то очень тепло ворчит профессор. – Но ты – орёл... Хотя... Можно было от тебя такое ожидать. А с инфарктом тоже ты?
- Ну а кто? Я же говорю – тут ночью, кроме меня, других врачей не было.
- Ты в городе-то когда будешь? Зашёл бы и всё мне рассказал...
- Зайду, конечно! Я, наверное, завтра в Облздрав поеду, ну и в академию заскочу.
- Ну давай! Сергею Петровичу я про твои дела расскажу. Мы с ним сейчас должны встретиться. Счастливо тебе!
- До свидания, Михал Михалыч! – даю отбой и возвращаю трубку папаше. – Возьмите. Мужик стоит молча и переминается с ноги на ногу.
- Вы меня простите... Я не знал, что вы... такой...
- Какой? – переспрашиваю я достаточно жёстко.
- Действительно, мне непонятно, что он имеет в виду – моё знакомство с Шахлатым или мою работу.
- Он мне сказал, что я должен Бога благодарить, что мой сын попал в ваши руки. Спасибо!
- Я не Бог, я – врач, – сухо поясняю я.
- Сколько я вам должен за... всё?..
- Его вопрос повергает меня в шок. Сразу вспоминаю наши беседы с Сергеем Александровичем о том, что нынче всё продаётся и покупается. И до этого у меня не было особого желания говорить с этим папашей, а теперь...
- А во сколько вы оцениваете жизнь вашего сына? – бросаю я уже через плечо, потому что собираюсь уходить.
- Саша! Ой... Простите... Александр Николаевич!
- Это меня окликает Павел, который, заметив, что я не один, переходит на официальный тон.
- Иди ты со своими церемониями... – бурчу я. – Чего хотел?
- Я хочу в совхоз съездить, поговорить о снабжении. Какие у меня полномочия? – осторожно спрашивает он.
- Все, – коротко отвечаю я, поскольку всё ещё ощущаю некоторое раздражение.
- Это неправильно, – спокойно возражает он. – Они могут попросить от нас каких-то медицинских услуг.
- Тогда позвони мне. Я на связи. Если только не буду в операционной. Ты выспался хоть чуть-чуть после ночи?
- Угу! Ленка сказала, что у нас классная команда и, если бы не дочка, сама бы сюда приходила помогать, – Павел смеётся.
- Ладно, езжай! – я машу рукой и делаю шаги к лестнице.
- Александр Николаевич! – бросается ко мне папаша.
- Останавливаюсь.
- Александр Николаевич! Я прошу у вас прощения. Вы мне разрешите увидеть Сашу? На мгновение задумываюсь.

– Пойдёмте. Я как раз иду сейчас туда. Предупреждаю сразу, – сменив гнев на милость, объясняю я по дороге, – я принял больницу два дня назад. Сегодня мой третий день. Всего сделать мы, конечно же, ещё не успели. Но мы сделаем! Вот в выходные лифт будем ремонтировать. Ночью вашего сына мы с братом и охранником на руках в операционную поднимали.

Зачем я это говорю, я не знаю. Почему-то захотелось ему это сказать. На площадке второго этажа слышу доносящийся из коридора сильно раздражённый голос Елены Михайловны.

– Слушай, Нюра! Если ещё хоть раз я такое увижу, то я тебя выгоню. Поняла? Сама ночами буду мыть больницу, но тебя я выгоню к е... – и дальше следуют совсем уж мужские выражения.

– Повезло мне со старшей сестрой, – я хмыкаю в ответ на вопросительный взгляд Сашиного отца. – Это она мне вчера во время операции помогала. Отличный, кстати, специалист! Одну минуту... Елена Михайловна! Можно вас?

– Иду! – отзывается она, выходит на площадку и сразу докладывает: – Александр Николаевич, Сашу накормили внутривенно, он сейчас спит. Температура в пределах нормы для его случая.

– Спасибо.

Понимаю, что Шитова кроме своих непосредственных обязанностей приняла на себя ещё и заботы обычной медсестры.

– Его ещё Светлана Сергеевна посмотрела. Ей не понравилось, как он дышит. Видимо, удар в грудь был сильный.

– Через пару дней сделаем ему рентген, сейчас его трогать нельзя. Кстати, познакомьтесь – это Сашин отец.

– Здравствуйте, – папаша сам здоровается первым. – А почему накормили внутривенно?

– Вы понимаете, что сейчас у него внутри? И что с ним будет, если он будет есть, как обычно? Его тогда уже никто не спасёт, – объясняю я. – Через несколько дней начнём кормить нормально, и то понемногу...

– Понятно... – озадаченно произносит он.

– Елена Михайловна, – переключаюсь я, – потом посмотрите с Павлом Николаевичем все палаты. Больница заполнена наполовину, значит, можно выбрать палаты получше и перевести туда всех, кто у нас лежит, создав им приличные условия. Освободившиеся будем потихоньку ремонтировать своими силами.

– Александр Николаевич, вы ещё и телепат! Мы с Павлом, когда вы отдыхали после операции, как раз про это и говорили, – она улыбается.

Входим в палату. Саша спокойно спит. Он слегка бледен, но выглядит вполне нормально.

– Саша! – бросается к нему отец.

– Вы хотите его разбудить? Ему сейчас лучше спать как можно больше.

– А когда он проснётся?

– Вот этого я не знаю. Снотворного ему не давали и не хотим. Пусть сон будет естественным, – поясняю я. – Можете подождать, пока он проснётся.

– Да?

Ответить не успеваю. Входит Семён Викторович.

– Александр Николаевич, я, кажется, скоро начну верить в ваши химеры. Два сеанса, а я уже просто бегаю. Тошнота почти прекратилась! Скажите, как по-вашему, сдвиги уже есть?

– Ну вы же сами их чувствуете! А что до глобальных, то я вам это скажу где-нибудь после десятого сеанса.

– Буду ждать. Вчерашний аппендицит вы мне передаёте или будете сами вести?
– Аппендицит передам вам, а вот Сашу буду вести сам, – и обращаюсь к отцу: –
Пойдёмте. Могу вам для ожидания предложить только кабинет главного врача. Когда Саша
проснётся, вас к нему позовут.

Захожу в кабинет, где ждёт отец Саши Старикова.
– Александр Николаевич, извините... Можно с вами пару слов?
– У меня сейчас есть полчаса.
– Я тут подумал... – он неожиданно для меня слегка запинаяется. – Я могу что-нибудь
сделать для всей больницы? Ну в благодарность...
Хорошо хоть думать начал! И на том спасибо.
– Можете, если захотите. Сами видите, какое наследство мы получили.
Я говорю «мы», потому что с особым удовольствием ощущаю вокруг себя уже дей-
ствительно группирующуюся команду.
– Я бы мог...
И в это время звонит мобильник. Павел.
– Извините, – говорю я. – Слушаю тебя, Павел!
– Саша, нам могут отпускать молоко и мясо по себестоимости, если мы будем у них
проводить профосмотры бесплатно. Что скажешь?
– Будем. Только не мы к ним, а они к нам. У нас специалистов на выезд нет. Сам пони-
маешь. Попытайся так договориться.
– Этот вопрос мы уже решили. Они будут приезжать к нам на своём автобусе.
– Отлично! Паша, ты прекрасный переговорщик! – благодарю я его.
Сашин отец внимательно слушает наш разговор.
– Ну вот. Кажется, мы будем с молоком и с мясом, – удовлетворённо говорю я. – Так
что, вы сказали, можете?
– Я бы мог...
В этот момент звонит уже его телефон.
– Да! Привет!.. Что ты сказал?.. Почему так дорого?.. Как это не дают дешевле!.. Ну
ты и олух!.. Я сейчас же приеду!
Он прячет трубку и смотрит на меня.
– Извините, Александр Николаевич. Дела у меня... Мне надо срочно ехать. Тем более
я убедился, что Саша в надёжных руках.
Так и хочется пожелать ему попутного ветра в... то место, в которое уколы делают.
Сын только после операции, а он не может дожидаться, пока он проснётся. Отец называется!
Надо будет как-то аккуратно сказать Саше про его визит, чтобы не думал, что его бросили.

* * *

– Сашенька, а ты не надорвёшься? – тихо спрашивает Кирилл Сергеевич. – С таким-
то ритмом жизни...
– Ну а что мне ещё остаётся делать? Сами ведь знаете, есть такое слово – «надо».
– М-да... – он вздыхает. – Чувствую, залежался я тут. На работу пора.
Скручиваю фигу своему учителю.
– Видели? Сначала реабилитация, а потом уже остальное. Санаторий ваш в Сестро-
речке. Место там хорошее. Буду к вам приезжать с докладами.
– Да ты пойми: то, что ты рассказываешь, так мне интересно, что я хочу сам принимать
в этом участие! Я, может, молодость хочу вспомнить! Так, чтобы всё сначала. Я уже понял,
что тебе там удалось за эти дни собрать хорошую команду. Я тоже хочу в ней состоять!

– У вас что – нетерпёж?

– Да, нетерпёж! Я по работе соскучился! Хотя меня тут разные гости и развлекают, но я скучаю без живой работы! Да и бумажки всякие писать мне уже надоело.

– А что за бумажки? – осторожно интересуюсь я.

– Да так... Мысли всякие на кардиологические темы... Так сказать – на личных впечатлениях. Может, кому-нибудь пригодятся... – уклончиво отвечает Кирилл Сергеевич. – Я же для этого тебя гонял за литературой!

Меня осеняет – он ещё и наукой занимается!

– Короче, Сашенька, обещай мне, что перед моим санаторием ты хоть на денёк меня привезёшь на моё место работы. Я хочу всё сам посмотреть и со всеми познакомиться. Обещаешь?

– Обещаю, – я прикидываю, как такую поездку втиснуть в мой график. – Только блажь всё это. Вам сначала здоровье надо окончательно восстановить.

– Это не блажь!

– Ну да, – не даю я ему закончить и неожиданно для себя выношу вердикт: – Это комсомольский задор. «Здрав штаны» – и так далее...

– А вот над этим смеяться не надо, – несколько суховато произносит Кирилл Сергеевич. – Раньше комсомольский задор горы сдвигал.

Но меня уже занесло...

– Сдвигал! Только те идейные, кто зазывал вас на все эти бескорыстные подвиги, при первом же удобном случае хапнули себе по максимуму и либо горя не знают, прихватив результаты вашего труда, либо после бандитских разборок на кладбищах лежат. А где такие, как вы, кто во имя Отечества великие дела свершал, терпя разные лишения? При них только одни лишения и остались да труд ради куска хлеба без масла. Разве вы этого не видите?

– Сашенька... Ты говоришь совсем о другом. В каждом стаде есть паршивая овца.

– Угу, только в вашем комсомольском стаде эти паршивые овцы почему-то оказались у руля и сделали всех вас обычными баранами.

Тут я замечаю, как Кирилл Сергеевич несколько бледнеет и покусывает губу.

– Кирилл Сергеевич, простите меня... – я обнимаю его за плечо, понимая, что переборщил. – Ну простите! Я сгоряча наговорил тут чепухи...

– Эх, Сашенька... Я бы не стал нервничать, если бы то, что ты говорил, было бы действительно чепухой. Самое обидное, что ты прав. Но, представь, мы искренне верили! Мы готовы были ложиться на амбразуры! Если хочешь – горели! Да что там говорить... Хотя, согласишься, то, чем ты сейчас занимаешься, – тоже горение! Разве нет?

Мычу что-то, самому непонятное.

– Опять же согласишься, мы в своё время горели для людей, для их блага. Ты же сейчас тоже всё делаешь для людского блага!

– А для чего же... – бурчу я, недовольный собой из-за своей дурацкой вспышки.

– Тогда скажи, чем же мы с тобой отличаемся? – торжествует Кирилл Сергеевич.

Похоже, он успокоился, понимая, что его логика прижала меня к стенке.

– Значит, мы одной крови, но всё равно на реабилитацию вам ехать надо, – ищу я выход из некрасивой ситуации.

– Ладно, про больницу ты рассказал, теперь скажи, что тебе в Облздраве сказали.

– Что сказали... Бюджет они нам увеличить не могут – денег нет. Новое оборудование – в очередь. С медикаментами помогут, но далеко не со всеми, поскольку районная больница – это даже не уровень больницы областного города. Советуют быстрее укомплектовывать штат. Вот и всё. То есть спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Я не могу сказать, что Ольга Николаевна меня разочаровала при нашей встрече. Прекрасно понимаю, что она искренне пытается помочь, но, видимо, к финансам она не допущена.

– У тебя самого-то мысли какие-нибудь есть? – осторожно спрашивает Кирилл Сергеевич.

– Есть кое-какие... Только... Можно, я сначала всё более конкретно обдумаю? Не хочу сырую идею вам излагать.

Про несостоявшееся предложение Старикова я ему ничего не стал говорить специально. Зачем мусолить то, что ещё вилами по воде писано. Главное, что неоконченный разговор со Стариковым действительно подвигнул меня на некоторые мысли.

Дашу застаю во дворе, где она гуляет с Серёжкой.

– Серёжа! Папка наш приехал!

– Папа... – сын подходит ко мне.

Поднимаю его на руки и с таким счастьем прижимаю к себе! Это маленькое тельце... Это моё... Родное...

– Привет, сынок!

Мне так хочется, чтобы он меня обнял... Но всё понятно: для того чтобы сын обнимал, надо чаще с ним находиться, а не так, как я, от случая к случаю.

– Серёжка...

Я щекой прижимаюсь к его щёчке и млею...

– Ты как, сильно устаёшь? – тихо спрашивает Даша.

– Тебе честно сказать или соврать?

– Да ничего не говори. Сама вижу, как ты за эту неделю осунулся. Ваня мне рассказал, как тебе пот во время операции вытирал.

– Заложил уже, – хмурю я брови.

– Саша, можно, мы с Ваней завтра к тебе приедем? Завтра ведь суббота!

– Хочешь посмотреть на условия моего труда и отдыха? – смеюсь и передаю Серёжку Даше.

– Хочу. Ты против?

– Да нет... Конечно, приезжайте! Только на выходных у меня тоже наверняка будет работа. Травмпункт, да и по «скорой» привозят. Остальных врачей не хочу в выходные трогать. Мало их у нас, понимаешь? И все возрастные. А я – молодой, сил много. Да и лифт мы собрались чинить. Даже Димка приезжает. Работы много.

– Силы у тебя, конечно, есть. Только они не беспредельны, – строго замечает Даша.

– Ты на меня сердишься?

– Дурачок... Я тебя жалею. Трудно тебе, я же вижу!

– Прорвёмся. Где-нибудь через месяц выйдет Кирилл Сергеевич, и будет легче.

Только что меня разбудила Галя. Мы опять сегодня вместе с ней дежури́м.

Я уже настолько привык ночевать в кабинете главврача, что он у меня ассоциируется только с кратковременным сном. Хорошо, что ночь сегодня была относительно спокойной. «Скорая» приезжала только один раз. Хотя сегодня – суббота, а раз выходной, то ещё может быть весело.

Ого! Уже семь! Наскоро привожу себя в порядок. Очень удобно, что в кабинете есть умывальник! Умываюсь, бреюсь... На первом этаже здороваюсь с охранником и иду на пищеблок.

– Доброе утро, Марья Васильевна!

– Здравствуй-здравствуй! – скороговоркой отвечает она, не отрываясь от помешивания в котле.

– Марья Васильевна, ваша подруга когда придёт на работу оформляться? Вам же сменщица нужна!

– Александр Николаевич, ты меня не торопи. Я женщина ответственная. Не сомневайся, я всё вижу. Вижу, как вы тут все корячитесь, бегаете и как за всё болеете. Я Паше сказала, что за кухню сама отвечать буду. Найду я сюда правильных баб. Дай срок. А пока и сама управлюсь. Ты же хочешь, чтоб у тебя всё было хорошо. А на это надо время – ой какое!

– Так уже стало хорошо, Марья Васильевна.

– Ты, значит, не знаешь, что такое хорошо. В общем, иди, не мешай. Занимайся своим делом, а я буду заниматься своим. Через полчаса можешь прийти и позавтракать. Иди!

Своей обстоятельностью она мне напоминает Викторию у Сергея Александровича.

– Александр Николаевич, ваш брат и ваша жена приехали, – докладывает охранник.

Про себя улыбаюсь: не зря первое, что я сделал, – запретил пускать в больницу в неурочное время. Выполняют! А то ведь был проходной двор! Хорошо, что я уже успел по палатам пробежаться! Спускаюсь.

– Саша... – Даша обнимает меня и целует.

Серёжка тут же рядом. Такой красавец в ярком костюмчике! Да и Даша в своём стильном джинсовом костюме выглядит как модель. Готовилась к визиту! Обнимаю и целую Серёжку.

– Здорово, Сашка! – обнимает меня Ванька. – Мы с Антошкой по тебе заскучали. Хоть бы раз домой ночевать приехал!

– Ребята, знаете, как я сам этого хочу? Ладно, пойдёмте!

Веду их на второй этаж в кабинет главврача.

– Давайте тут устраивайтесь, а я сейчас переоденусь и полезу в лифт.

– Димка-то приехал? – интересуется Ванька.

– Они со Скориковым уже с восьми трудятся. А я вот пока палаты обошёл да вас встретил...

– Саша, мы вообще-то приехали сюда тебе помогать, – строго предупреждает Даша. – Скажи, что надо делать.

Вопрос ставит меня в тупик. Откровенно говоря, Елена Михайловна меня в делах сугубо хозяйственных уже подвинула.

Задумываюсь.

– Разрешите? – входит Шитова.

– Здравствуйте, Елена Михайловна! Приехал опять что-нибудь у вас помыть, – Ванька идёт ей навстречу и улыбается.

– Ой, здравствуй, Ваня! – тепло приветствует она его, потом поворачивается к Даше. – А вы, наверно, Даша, жена Александра Николаевича? Он про вас говорил. Здравствуйте! Меня зовут Елена Михайловна. Я – старшая медсестра.

– Здравствуйте! – Даша слегка румянится и бросает взгляд в мою сторону. Похоже, ей приятно, что я о ней говорил. – Елена Михайловна, мы приехали вам тут помочь. А он вот думает, – Даша показывает на меня, – не знает, на какую работу нас пристроить.

– Дашенька, мужики есть мужики! – Шитова смеётся. – Я в процедурной на третьем этаже убираюсь. Если хотите помочь, пойдёмте! И малого берите с собой. Там его и устроим.

– Конечно, пойдёмте!

– Минутку. Александр Николаевич, помните, я говорила, что у меня есть кандидатура на сестру-хозяйку?

– Помню.

– Так вот, она сегодня придёт. Разговаривать будете?

– Может, вы? Я вообще-то лифт собрался чинить... – говорю я неуверенно.

– Вы мне не напомните, кто у нас тут сейчас главврач? – с лёгкой ехидцей спрашивает Шитова.

Молча развожу руками.

– Вот и занимайтесь своими прямыми обязанностями! – сурово предписывает она. – А если что надо будет по «скорой», я в вашем распоряжении. Идёмте, Дашенька!

– А я? – тормозит ее Ванька. – Мне-то что делать?

– В распоряжение Павла Николаевича! – так же сурово отвечает Шитова и, обернувшись, озорно нам подмигивает.

...Ванька увозит моих домой.

– Саша, – Даша тербит мой халат, – я так рада, что Ваня нас сюда к тебе привёз! Я даже и не знала, какой ты у меня замечательный! Елена Михайловна мне всё про тебя рассказала. И ещё сказала, что ты прекрасно сделал операцию. Я тобой горжусь...

– Гордишься знакомством? – с иронией спрашиваю я.

– Дурачок... Ты же всё сам понял!

– Знаешь... Мне это так приятно! – признаюсь я и обнимаю её.

– Саша! Иди лифт принимать! – зовёт Павел.

– Ну ладно, иди! – и Даша меня отпускает. – Звони почаще!

* * *

Как и обещал, привёз Кирилл Сергеевича в больницу для знакомства.

– Знаешь, я волнуюсь, как студент перед экзаменом, – несколько смущённо говорит он, выходя из машины.

– Всё будет нормально! Завтрак закончился. Мы с вами успеваем к началу обхода.

– Я как раз хочу посмотреть, кто и с чем сейчас у нас лежит. Ты, конечно, мне всё рассказывал, но, сам понимаешь, надо самому увидеть.

– Вот сейчас и увидите!

Входим в приёмный покой. Обращаю внимание, как Кирилл Сергеевич окидывает всё вокруг заинтересованным хозяйским взглядом.

– Саша, привет! Съезжу сегодня на птицефабрику, – буквально с порога докладывает Павел и тут только замечает, что я не один. – Ой... Простите...

– Вы, наверное, Павел, мой заместитель, – с улыбкой спрашивает настоящий главврач и протягивает ему руку. – Кирилл Сергеевич Золотов.

– Здравствуйте... – Павел явно смущён.

– Мне Саша рассказывал о вас, – спокойно продолжает Кирилл Сергеевич. – Уверен, что мы с вами будем хорошо работать вместе.

– Я постараюсь, – бормочет Павел.

Видимо, он уже привык, что со мной можно запросто, а тут солидный седой человек.

– Павел, ты погоди пока уезжать, – останавливаю я его. – Сейчас Кирилл Сергеевич тут познакомится со всеми, а потом мы ему всё доложим и согласуем дальнейшие действия. Я верно говорю?

Последнее уже относится к главному.

– Ну, Сашенька, вы уже тут определились, так что я... Моё дело пока лечиться.

– Нет, Кирилл Сергеевич, – неожиданно с улыбкой вступает Павел, – нам, молодым разгильдиям, руководство нужно всегда. Поэтому мы ждём от вас целеуказания, так сказать...

Наш немногочисленный медицинский персонал собран в ординаторской на втором этаже. Кирилл Сергеевич здоровается с каждым за руку. Обращаю внимание, что на него смотрят с нескрываемым любопытством и даже симпатией.

– Уважаемые коллеги, я пока к вам на один день, – извиняющимся тоном говорит Кирилл Сергеевич. – Я бы хотел сейчас пройти по палатам, посмотреть на наших больных. Вы не будете возражать?

Публика нестройно соглашается.

– Кирилл Сергеевич, можно, я тогда по личному плану? – спрашиваю я.

– Нет, Сашенька... Прости, Александр Николаевич! Сейчас главный – ты. Поэтому давай-ка ты тоже с нами.

Вот так. Преклоняюсь перед его умением всё обозначить одной фразой!

Кирилл Сергеевич уже обошёл два отделения. В хирургии долго общался с Семёном Викторовичем. Бросив на меня весёлый взгляд, объяснил ему, что теперь будет легче, поскольку есть второй человек, который возьмёт на себя часть хирургической нагрузки. Остался доволен содержанием операционной и процедурной, отдельно поблагодарив Клавдию Лаврентьевну как главную хирургическую сестру.

В детском отделении Кирилл Сергеевич посидел буквально на каждой кровати и пообщался с каждым маленьким пациентом. Дежурный педиатр Валентина Васильевна просто с открытым ртом смотрела на него, а потом сказала, что в её практике это первый главврач, который проявил такой интерес к детскому отделению. Тут же я поймал весьма неодобрительный взгляд Кирилла Сергеевича. Всё понял.

Сейчас мы в терапии. Пётр Максимович, как видно, в восторге от главного. Его ёрничающего тона я сегодня не слышу. Всё конкретно, чётко и профессионально. Надежда Ивановна явно испытывает какую-то робость. Зато Светлана Сергеевна – образец спокойствия и внимания. В общем, смотрю и тихо радуюсь.

Мы сидим в кабинете главного врача. Мы – это Светлана Сергеевна, Елена Михайловна, Павел и я.

– Ну что, генеральный штаб? – Кирилл Сергеевич обводит нас очень добрым взглядом. – Спасибо! Поверьте, я вашу работу за это время оценил. Александр Николаевич мне многое рассказал после первого посещения, а я Сашу знаю, он наверняка рассказал только половину, поэтому объём проделанного вами мне понятен. И знаете, я вам завидую. Очень хочу быть с вами...

– Сначала реабилитация, – тихо говорю я.

– Не все знают, – Кирилл Сергеевич предупредительно покашливает. – Вот таких церберов у меня трое. Это два моих друга и... Саша. С ними, увы, не забалуешь...

Переглядываемся и улыбаемся.

– Простите, Кирилл Сергеевич, – подаёт голос из угла Шитова, – когда вы придёте сюда окончательно, таких церберов у вас будет больше. С вашим здоровьем нам уже всё понятно. За вами глаз да глаз нужен.

Павел тихонько фыркает.

– Елена Михайловна тут нас всех в руки взяла, – с тонкой улыбкой объясняет Светлана Сергеевна.

– Ну с Еленой Михайловной мы, я надеюсь, договоримся, – в тон ей подхватывает главный.

– Ой, не зна-аю... – ележно отвечает Шитова, и мы дружно хохочем.

– Ладно. Давайте перейдём на более серьёзный лад, – мягко командует Кирилл Сергеевич. – С врачами, конечно, беда. Попытаюсь поговорить с ректором академии, может, что и получится. Лекарства... Вся надежда на Облздрав.

– Тут один спонсор наклёвывается, – вступаю я. – Отец того парня, которого я оперировал. Правда, какой-то он... В общем, настораживает он меня.

– Ты с этими толстосумами поосторожнее, – в голосе Павла звучит беспокойство. – Ещё ни одного порядочного не встречал.

– И всё-таки они есть, Павел, – убеждённо говорю я, вспоминая Сергея Александровича. – Надо таких искать. Мне бы в город выбраться... Только кто в травме дежурить будет?

– Да... Травматологи нужны позарез, – задумчиво соглашается Кирилл Сергеевич. – А может, райздрав кого-нибудь направит?

– Ольга Николаевна пока не рекомендовала туда соваться. Похоже, там все с бывшей командой повязаны, – поясняю я. – И всё-таки мне надо опять к ней съездить.

– Александр Николаевич, может, я с Семёном Викторовичем поговорю, чтобы он тут эту дыру пока прикрыл? – предлагает Светлана Сергеевна.

– И правда, Светлана Сергеевна, поговорите! – просит её главный. – Сашу... ой, извини, Александра Николаевича надо как-то отпустить хотя бы на пару дней. Ты тогда бы и с Сергеем смог встретиться. Он хочет тебя видеть.

– Что ж... Я поговорю с Семёном Викторовичем, надеюсь, он нас поймёт.

– Эх, да вы не с той стороны начинаете, – вмешивается Шитова. – Надо сначала с Клавой поговорить. Семён Викторович привык с ней работать и чувствует себя без неё неудобно. Я поговорю с Клавой.

– А если в пересменку нужно будет оперировать? – спрашиваю я.

– А мы с вами на что? – лихо отвечает Шитова. – Или я вас как хирургическая сестра не устраиваю?

– С вами – готов идти на что угодно! – я покорно развожу руками.

– То-то же!

Везу Кирилла Сергеевича в город.

– Саша, а это ничего, если Антон пока поживёт у вас с Ваней? – вдруг спрашивает он.

– Ой, конечно, пусть живёт. Только не у нас, а у Ваньки.

– Ну да... Я не сообразил. Ты хоть сегодня выспишься дома?

– Постараюсь. Спасибо Семёну Викторовичу!

– Знаешь, – задумчиво говорит Кирилл Сергеевич, – мне очень понравился наш персонал. А штаб тебе удалось собрать великолепный. Я действительно жутко вам завидую. Это же так интересно!

– Ничего. На вашу долю тоже останется. Вот хорошо бы Павел завтра ещё и с птицефабрикой договорился о поставках.

– Конечно. Хотя то, что совхоз будет нам поставлять по себестоимости, уже отлично. Да! На меня очень хорошее впечатление произвела Марья Васильевна. Заставила меня попробовать прямо из котлов. Я скажу, что в Булуне было не так хорошо с готовкой...

И повисает пауза. Очевидно, каждый из нас вспоминает нашу милую больницу в Булуне и всех, кого мы там оставили...

Сегодня обязательно заеду к Даше.

– Кирилл Сергеевич, я завтра сначала вас отвезу в санаторий, а потом уже поеду по делам.

– Саша! Электрички в Сестрорецк по-прежнему ходят!

– Нет уж... Поедем нормально. Я хочу посмотреть, как вы там устроитесь.

– Глупости это. Лучше поспи подольше.

– Успею ещё.

В квартиру захожу в десять вечера.

Даша тоже меня погнала спать. Пришлось исполнять.

– Здорово! – приветствует меня Ванька. – Ужин готов. Пошли!

За столом рассказываю про визит Кирилла Сергеевича в больницу.

– У тебя там – больница, а у меня тут – клиника... – ворчит Ванька.

– Практикуешь?

– Пытаюсь... Ты меня уговорил, и я взял одну из соседок с гастритом. Точнее сказать, и ты, и она меня уговаривали. – Вместе!

– Ну и как?

– Цыплят по осени считают...

– Дождёмся осени, – соглашаюсь я. – Как у Риты с учёбой?

– А про меня ты уже и не спрашиваешь, – ехидно замечает Ванька.

– Я и так знаю, что у тебя всё в порядке.

– Ты прав. А у Ритки... Конечно, трудности есть... В общем, преодолеваем.

– Она не обиделась, что ты всю субботу у меня провёл?

– Ты знаешь, какая она понимающая душа? И вообще, мне кажется, что... мы, как говорят, созданы друг для друга.

– Дай-то Бог!

– Слушай, Сашка! Давай выпьем? Я так рад, что ты дома! Вон, Антошка тоже доволен, – и он показывает на кота, занявшего третью табуретку. – Когда тебя нет дома, он за стол не садится. Ну что, давай?

– Ну давай по одной...

Выпив, Ванька долго молча смотрит на меня. Сейчас у него какой-то очень грустный взгляд. Мне даже чудится в нём укор.

– Ты чего, Ванюха?..

Молчит. У меня всё аж сжимается внутри, потому что я уже всё понял. Беру табуретку, сажусь рядом, обнимаю его. Господи! Как он ко мне прижался! И тоже обнял. Всё, как когда-то...

– Мне тебя жутко не хватает... в этом пространстве... – тихо признаётся Ванька куда-то в меня. – Помнишь, в первый наш вечер... мы сидели обнявшись и молчали? Это, наверное, высшая степень единения.

Он опять молчит, а я, понимая, что он ещё не всё сказал, боюсь нарушить эту тонкую атмосферу.

– Я тебе говорил уже, что меня бабушка воспитывала в пуританском духе. Она была неласковым человеком. Не знаю, может быть, потому что прошла войну... Она и мне говорила, что мужику незачем лизаться. А мне всё время хотелось ласки. Безумно хотелось ласки... Может, потому я и... поддался... тогда... – Ванька опять замолкает. – Знаешь... Ты действительно стал для меня всем, потому что дал мне то, чего у меня до тебя не было. И поэтому мне тебя всё время не хватает, – наконец он поднимает на меня глаза. – Ты и впрямь для меня и мама, и папа, и бабушка... Все в одном лице. Ты для меня – что-то большое, тёплое, родное...

– Я же твой брат!

– Ты больше, чем брат... Ты – друг! Сказать всё я смогу только тебе. И сейчас, и в будущем. Кто бы рядом со мной ни находился.

– Даже Рита?

– А часто ли мужчины говорят жёнам всё? Я не имею в виду измены. Выплакать свою беду можно не каждому. Потому что не каждый тебя поймёт. Ты же сам говорил, что даже Даше не сможешь сказать больше, чем мне. Верно?

– Конечно, – может быть, слишком поспешно соглашаюсь я, поскольку сразу вспоминаю про Таню. Хотя и Ваньке я боюсь про неё сказать.

– Вот видишь!

– Знаешь, Ванюха... Я вот тебя слушаю, и мне так совестно перед тобой. Ты прости меня. Я действительно сейчас так занят...

– Ну ты мне ещё это объясни! – обрывает он. – Сашка... Я ведь говорил всё не для того, чтобы вогнать тебя в стыд. Мы с тобой взрослеем. Ты – на своём уровне, я – на своём. Вокруг нас появляются другие люди, которые в нас нуждаются. Кирилл Сергеевич, Сергей Александрович с Юрой... Кстати, заехал бы к ним. Ждут они тебя очень.

– Вот завтра и заеду.

– Я хотел сказать, что таких людей будет всё больше и больше... И это хорошо! Мы не должны жить для себя. И всё-таки давай будем находить время друг для друга, ладно?

Ванька опять смотрит на меня так, что я снова тону в его глазах. Не могу удержаться, целую его в лоб.

– Я очень люблю тебя, братишка... – и прижимаю его лицо к своему.

– Мой Сашка, – бормочет он. – С тобой мне никогда ничего не страшно. Даже когда ты далеко...

* * *

Кирилла Сергеевича разместили в санатории вполне сносно. Главное, номер персональный! В общем, тут я спокоен.

Был в Облздраве. Провёл с Ольгой Николаевной ещё один сеанс. Поговорили про обеспечение. Обещала...

Потом был в академии. Сергей Петрович предложил направить к нам на практику двух-трёх старшекурсников-травматологов. Буду советоваться с Кириллом Сергеевичем. Я не думаю, что к нам попадут лучшие. Больница вдали от электрички, добираться трудно, и это серьёзная проблема для возможных сотрудников.

Сижу в кабинете Шахлатого. Не могу к нему не зайти. Уж очень мне нужно знать, что за человек Стариков, который называет его другом своей семьи.

– И как ты отважился? – с улыбкой спрашивает Михал Михалыч.

– Выхода другого не было. Пришлось. Я в Булуне несколько раз ассистировал при таких операциях. Там поножовщины было достаточно.

– Будем считать, парню повезло, что ты не побоялся делать это сам.

– Знаете, Михал Михалыч, я стараюсь работать по принципу «глаза боятся, а руки делают» и, когда у меня возникают сложности, то не борюсь с интуицией. Порой руки всё делают как будто сами. Вообще там сейчас из-за всяких административных дел мало времени остаётся на чистую медицину.

– Трудно? – В голосе Шахлатого я слышу сочувствие.

– Честно? Очень.

– Ничего. Сможешь! Вот придёт твой главный, и тебе станет легче.

– Жду не дождусь, Михал Михалыч. А кстати, что за человек Стариков? Он собрался предложить больнице финансовую помощь в благодарность за сына.

– Неприятный человек. Он не способен на бескорыстные поступки. Во всём ищет выгоду. Не люблю его, но приходится улыбаться. Его сын Саша учился в школе в одном классе с моим внуком. Дружат они. Саша у нас в доме часто бывает. А после того как его родители развелись, особенно часто. Ведь отец отсудил его у матери. Он, видимо, хочет сделать из него своё подобие. И, я бы сказал, пытается плохо влиять на сына. А молодёжь всё выпитывает, как губка. Саша ещё, по-моему, его боится... Но, на удивление, старается противостоять влиянию папы. Говоришь, Стариков предложил помощь?

– Собирался предложить, но уехал по делам, не дождавшись, пока сын проснётся.

– Да уж, отец ещё тот... Будь с ним поосторожнее. А его Сашку мне жалко.

Торможу у ворот Сергея Александровича. Это мой последний на сегодня визит. Охранники со мной очень тепло здороваются.

– Хозяин дома? – интересуюсь я.

– Да, только что приехал.

Вхожу в дом.

– Сергей Александрович, Саша приехал! – кричит Виктория, едва увидев меня.

И вот мы уже обнимаемся с хозяином.

– Виктория! Ужин сегодня на троих! – сообщает он, не выпуская меня из объятий. – Ну наконец ты про нас вспомнил!

– Да не забывал я про вас, честное слово!

– Шучу я. Мне Ваня всё рассказал, как ты там крутишься. Как Кирилл Сергеевич устроился?

Понимаю, что «разведка доложила точно».

– Хорошо устроился. Персональный номер! Теперь туда буду к нему на доклад ездить.

– А как тот парнишка с ножевым ранением?

– Потихоньку идёт на поправку. Его папаша приезжал. Наорал на меня за то, что я его оперировал, а потом извинялся. В общем, какой-то крутой. Стариков фамилия.

– Стариков? Известная персона, – мой собеседник недобро хмыкает. По его тону можно сразу сказать, что этот бизнесмен известен ему не с хорошей стороны.

– Извинялся, говоришь...

– Да. Спросил, сколько он мне должен.

– За жизнь сына? – глаза Сергея Александровича округляются.

– Ну да! Потом хотел поговорить со мной о том, что он может сделать для больницы.

– Не знаю... Я с ним знаком и могу сказать, что просто так он денег не отдаёт. Он их очень любит, – Сергей Александрович хмурится. – Ладно, бог с ним, со Стариковым! У меня к тебе тоже есть разговор.

– Весь внимание, – с готовностью слушаю я, хотя уже знаю, что он мне скажет.

– Саша, показал бы ты мне как-нибудь вашу больницу.

– Так давайте, приезжайте! Всё вам покажу.

– Я ведь делаю благотворительные взносы в разные фонды, – объясняет Сергей Александрович. – Вот и подумал, что если все эти деньги направить на конкретное дело, то пользы будет гораздо больше. Понимаешь меня? Чего мне зазря в этих фондах чиновников кормить? Честно говоря, хочется своей стране послужить, а не её чиновникам. В нашем роду всегда России служили.

– Извините, Сергей Александрович, вы сказали... про ваш род.

– Да. У нас ведь достаточно древний род, Саша. Слышал про Кушелевых-Безбородко?

– Да... При Екатерине Великой, кажется... А вы...

– Я и моя семья – одна из побочных ветвей этого рода. Когда-то незаконнорождённый сын, ну и так далее. Может, не самая лучшая, не самая удачливая, но ветвь...

– Извините, а почему нигде не значится, что вы – граф?

– Ой, Саша... Сейчас столько всяких графьёв и князьёв развелось, что настоящим графам и князьям лучше молчать в тряпочку. Да и какая разница, какой у человека титул и есть ли он вообще? Почёт должен быть по делам. Верно я говорю?

Теперь мне становится ясно, откуда у него это внутреннее благородство, эта широта... Настоящая порода!

– Конечно, Сергей Александрович! Полностью с вами согласен.

– Так как же насчёт моего предложения?

– Это будет здорово!

– А учитывая, что я – человек искушённый в делах хозяйственных, – продолжает он, – то я могу помочь вам определить последовательность вложений. Согласен?

Вместо ответа опять его обнимаю.

– Вы не представляете, как я рад, Сергей Александрович. Это дорогого стоит. Давайте созвонимся, и когда вы сможете, я с удовольствием вас встречу.

– Вот и отлично! А сейчас – ужинать! Юра! Юра! Иди ужинать и поздоровайся с Александром Николаевичем.

За столом мирно беседуем о делах житейских. В основном о Юриной учёбе.

– Юра, ты уже выбрал университет? – интересуюсь я.

– Выбираю пока... – как-то неопределённо говорит он, хотя раньше собирался поступать туда же, где учится Ванька.

Отчётливо вижу причину.

– Ты что, изменил цель? – осторожно спрашиваю я.

– Пап... Мы тут с Ваней говорили... – несколько робко начинает Юра. – Я тут подумал... Вот как Александр Николаевич меня на ноги поставил!.. Может... мне – в медицинский?

И за столом наступает тишина.

– Это так... Предположение!.. – по-своему истолковывает наше молчание Юра.

– Понимаешь, Юра, работа в медицине совсем не такая, как работа с техникой, – очень осторожно объясняю я. – Техника бесчувственна. Ей не больно. А человек...

– Я это понимаю. Но смотрите, сколько врачей приходили ко мне, а вылечили меня вы.

– Всё это очень серьёзно, Юра. Чтобы быть хорошим врачом, надо беду больного чувствовать сильнее собственной. Тебе должно быть больнее, чем твоему больному. Знаешь, с чего я начинал? Горшки выносил! Постели перестилал. Мыл в ванне. И мне было всех их очень жалко! Я, совсем молодой парень, терпел все капризы, воркотню пожилых и немощных и от души старался им помочь. Всё большое начинается с малого.

Сергей Александрович молча слушает, внимательно рассматривая стол.

– Пап... А ты что скажешь?

– Знаешь, сынок, ты в любом случае должен себя попробовать, – спокойно и очень тепло говорит отец. – Вот, попроси Александра Николаевича, чтобы он сделал тебе практику обычным санитаром в своей больнице. Поработаешь, увидишь, что такое лечить людей. Думаю, там не всё так красиво, как нам показывают по телевизору.

– Пап... Мы с Ваней уже говорили, что по телевизору всё гораздо красивее и романтичнее, чем в жизни.

Молодец Ванька! Воспитывает парня.

– Юра, я готов подумать... – звонок мобильного прерывает меня на полуслове. – Извини... Слушаю!

– Александр Николаевич, это Пётр Максимович беспокоит. Привезли по «скорой» больного в травму. Переломы. Их несколько. А Семён Викторович сразу после работы уехал в город к дочке. Что делать?

– Пока наколите обезболивающим. Я выезжаю, – и поворачиваюсь к радушному хозяину. – Извините меня... Срочный случай. Надо ехать в больницу. Вот такая работа у врача.

– Саша, пять минут ничего не решат. Сейчас Виктория соберёт тебе с собой, – Сергей Александрович начинает суетиться.

– Спасибо, не откажусь.

Набираю Ваньку. Телефон отключён. Значит, на лекции – сидит.

– Юра, потом позвони Ване и скажи, что меня срочно вызвали в больницу и я буду ночевать там.

– Обязательно!

Внимательно смотрю на него. Наверное, от какой-то причастности к этой ситуации у парня блестят глаза.

Хороший признак!

* * *

Утром, с учётом разницы во времени, из кабинета главного врача набираю номер больницы в Булуне.

Жду долго. Ну должен же кто-то подойти!

– Я слушаю!

– Николай Фёдорович, здравствуйте!

– Саша! Очень, очень рад! Ну как вы там?

Вкратце рассказываю про все наши дела. Особенно подробно рассказываю про Кирилла Сергеевича.

– Ну слава богу! Очень рад, что ему сделали стентирование и он стал себя лучше чувствовать. Здесь, конечно, такого мы бы ему сделать не смогли. А ты молодец, что про нас не забываешь.

– Я не только не забываю, но и, видимо, осенью приеду к вам поработать. Я же обещал!

– Это будет здорово, тем более что о тебе помнят и спрашивают.

– А как там моя помощница?

– Таня? Очень хорошо работает. Даже старается тебя в кое-каких случаях заменить.

Понемногу получается.

– Ну если что, пусть звонит мне сюда. Советом помогу, – и диктую номер Чистоозёрского телефона.

– Саша, можно к тебе? – в дверь заглядывает Павел.

Киваю.

– В общем, передавайте всем приветы. Скажите, что мы обо всех помним. И вы нас в нашем Булуне не забывайте, звоните!

Мне очень захотелось сказать именно «в нашем Булуне».

– Непременно скажу всем, что ты звонил. Передай привет Кириллу Сергеевичу.

Гудки в трубке.

Вот поговорил с Николаем Фёдоровичем, и так под сердцем заныло... Всё-таки между мной и этим северным посёлком протянулась какая-то незримая ниточка. Может, там осталась частица меня? Таня? А если бы не было Тани, разве я бы не позвонил? Значит, не Таня, и моя частица осталась там со всеми теми людьми, которые стали мне так дороги.

– Извини... Я, видно, помешал... – смущённо говорит Павел. – Воспоминания о Булуне?

– Да... Только что думал о том, что там осталась частица меня... Ладно! Как ты съездил на птицефабрику?

– Плохо. Полный отлуп. Готовы продавать нам всё, но по коммерческим ценам.

– Ну и чёрт с ними! По коммерческим ценам мы найдём и поближе.

– Я тоже так думаю. Поищу в соседних районах, может, что-то найду.

– Давай о другом. Ты мне обещал Алёшина доставить. – Когда?

– Думаю, он вряд ли сюда сам пойдёт. Я, наверное, погорячился. Навёл о нем справки.

Короче, не такой он человек. Хоть и пьёт, но себя уважает и держит дистанцию.

– Что ж... Если гора не идёт к Магомету... Давай я сам к нему схожу. Рассказывай, где его можно найти.

Вечер...

Ваньки пока нет, он на занятиях.

Готовлю ужин, а мысли всё там, в Булуне. Да, сильно меня зацепило севером... Всё-таки люди там действительно какие-то другие. Всё проще... Душевнее как-то, нежели у нас, в северной столице. Там севернее, но теплее.

И... Таня...

Застываю у кухонного окна и тупо смотрю во двор.

Странно... Да! Я люблю Дашу. Я полностью отдаю себе в этом отчёт. Это моя единственная и любимая женщина. Я хочу быть с ней! Но... я не могу забыть Таню. Чем она меня так взяла? Любовью? Преданностью? Тем, что с моей помощью вышла на свой истинный путь? Не знаю... Похоже, я запутался. И быть мне двоеженцем... Жена южная... Жена северная...

Хлопает входная дверь. Ванька пришёл. Почему-то продолжаю так же стоять и смотреть.

– Привет! – он входит на кухню и, видя мою спину, спрашивает: – Ты чего это?

– Так... Думаю... – я поворачиваюсь к нему. – Север вспоминаю. Сегодня говорил с Булуном, с Николаем Фёдоровичем.

– Понятно... Засосало, значит?

– Угу... Хочу туда... слетать поскорее...

Молчим.

– У тебя что, там... кто-нибудь остался? – Ванька вдруг поднимает глаза.

Его внезапная догадка повергает меня в шок. Под его просто змеиным взглядом понимаю, что не могу ему соврать, и от этого ощущаю липкий страх. Сейчас я действительно его боюсь! Молча утвердительно киваю.

– Ее зовут Таня, – почти выдавливаю я.

С ужасом вижу, как Ванька бледнеет. Обозначаются скулы. У него даже широко открытые глаза белеют. Сначала слышу звонкий звук оплеухи и лишь потом чувствую боль.

– Это тебе за Дашу! – очень звонко звучит его голос, и раздаётся второй такой же звук. – А это – за Серёжу!

Из разбитого носа пошла кровь. Кажется, ещё и губа...

– А теперь можешь меня убить, – глядя в сторону, глухо и как-то устало произносит Ванька.

Беру его за плечи и прижимаю. Теперь кровь из носа капает на его волосы, на рубашку... Я его держу, а он стоит, безвольно опустив руки. И вдруг... Его плечи начинают вздрагивать, и я слышу всхлипывания.

– Ванюха... Прости меня... – бормочу я.

– Как ты мог? – он продолжает всхлипывать. – Как ты мог?! Ты же разрушил... Что, гены нашего отца сказались?

– Ванюха... Ну прости меня...

И только сейчас я чувствую обе его руки на себе. Ещё крепче прижимаю. И Ванька меня тоже.

– Я должен тебе всё рассказать, братишка, – шепчу я ему на ухо, – ты многого не знаешь... Выслушай меня, постарайся понять... Хорошо?

– Ладно... Пусти меня, пожалуйста, – бормочет он. – Конечно же, я тебя выслушаю! Знаешь, я водки хочу.

– Я тоже.

Отпускаем друг друга. Ванька бросает взгляд на мою побитую им рожу.

– М-да... Садись. Врачевать тебя буду.

– Завтра придётся рассказать, как мне братишка морду расквасил... – пытаюсь пошутить я.

Я уже рассказал всё. Всё как на духу. Ничего не утаил. Рассказал, как всё случилось с Таней и почему. Кем она была до меня и какой теперь стала. Да и как же я мог не рассказать всё моему Ваньке! Теперь он сидит передо мной, обхватив голову руками, и смотрит в стол.

– Значит, ты не шутил, когда тогда по телефону сказал, что собираешься жениться? – тихо спрашивает он.

– Почти нет... Я всерьёз собирался начинать новую жизнь в Булуне.

– Я всё понял... Во всём виноват я... Один только я! – он поднимает на меня глаза. Господи! Какая же там боль! – Это же я виноват! – и повышает голос. – Ну зачем ты всё-таки тогда со мной связался! От меня же одни неприятности! Всем!

Так... Этого только не хватало! Что это ещё за голос из прошлого?! Встаю, беру табуретку, сажусь рядом с ним и обнимаю.

– Идиот ты, Ванюха... И как тебе это пришло в голову? Ты опять забыл, что мы с тобой братья. Поэтому – чтобы я от тебя больше таких слов никогда не слышал. Понял? Ни-когда! Запомни! Своей жизни я без тебя не представляю. Усвоил наконец?

Грустно кивает.

– Сашка... Но что же теперь делать? Вон ведь как всё получается! Две женщины любят тебя... Да и ты... – он осекается, боясь выговорить главное.

– Буду гнать зайца дальше, – бормочу я. – Главное, чтобы Даша не узнала.

– Понимаю...

– Жизнь часто нам тяжёлые загадки загадывает. Я это уже давно понял. Вины твоей в том, что происходит, нет никакой. Не казни себя. То, что случилось, соорудил только я сам. Постарайся всё выкинуть из головы. Понял?

Молча утвердительно кивает.

– А теперь хочу шантажировать тебя.

– Это как? – безразлично спрашивает Ванька.

– Я тебе... дорог?

– Идиотский вопрос, – бурчит он.

– Вот, если я тебе дорог, то выкинь из своей лохматой башки весь этот разговор и верь, что я постараюсь эту ситуацию как-нибудь разрулить.

Молча отрицательно мотает головой.

– Извини меня... Не смогу я, Сашка... Я готов пойти на что угодно, чтобы помочь тебе.

– Не надо идти на что угодно. В худшем для нас случае этот разговор должен остаться между нами двоими. А лучше бы ты вообще выкинул всё из головы. Я сам эту кашу заварил, мне её и расхлебывать. А теперь пошли спать.

Устраиваемся на тахте. Ванька... не кладёт мне голову на плечо! Лежит и тупо смотрит в потолок.

– Давай-ка на своё место! – шёпотом приказываю я, пригребая его и сам укладываю его голову себе на плечо. – И обними меня! Я хочу почувствовать, что мы вместе. Мы вместе?

– Вместе... И выкручиваться должны вместе! – тоже шёпотом и очень твёрдо отвечает он.

– Вот, так оно лучше... – улыбаюсь я разбитыми губами.

– Саш... Ты правда на меня не сердишься?

Во, блин! Детский лепет на лужайке!

– Конечно, не сержусь и не обижаюсь!

– Прости меня, Сашка... Прости за всё...

– Ну точно – идиот! – я фыркаю. – Ну как я могу тебя простить за то, что ты у меня есть? Ну скажи? Кто мне ещё может так по морде двинуть? Братишка мой любимый и родной...

– Вот и прости за то, что лицо тебе разбил.

– А рука у тебя, однако, крепкая... Я оценил, – смеюсь и сморщиваюсь от боли. – Ладно, моё всё, спи давай! И выкинь всё из башки!

– Без прошлого нет будущего... Не получится... – Ванька вздыхает.

– Ты спать сегодня будешь?

– Я постараюсь...

* * *

– Александр Николаевич, там вас спрашивают, – сообщает охранник.

Спускаюсь в приёмный покой.

Ого! Стоят Васька, который был штурманом в экипаже Ил-76, и его двоюродный брат.

– Саша! Здравствуй, дорогой! – Васька с широко разведёнными руками идёт ко мне. – Дай я тебя обниму! Спасибо тебе, лекарь ты замечательный! Вот, специально приехал, чтобы поблагодарить...

Он обнимает меня, кажется, даже прослезился.

– Ну, Вась... Прекрати! Всё здорово! Главное, что у тебя теперь этой гадости нет.

– Слушай, Саша, я твой должник по гроб жизни. А я ведь тогда тебе не поверил... Ещё раз спасибо. Знаю, что ты ничего не берёшь за лечение. Но ребята сказали, что если тебе опять нужно будет, то...

– Будет нужно, – прерываю я его. – Осенью опять вас буду просить.

– Что-нибудь там забыл? – с некоторым подковыром спрашивает Васька.

– Забыл. Людей, понимаешь, Вася, я там забыл. Да и не могу я теперь совсем без севера. Вот на месяц туда слетаю. Поработаю. Ждут там меня.

– Вас и тут ждут, Александр Николаевич, – вставляет Васькин брат. – Народ интересуется...

– Пока не выйдет настоящий главный врач, я не могу начать приём. Надо ещё немного подождать.

Сегодня я на сутках. Уже ночь. Прошёл по палатам. Вроде всё нормально. Сажу в кабинете главного и бессовестно его прокуриваю. Можно было бы прилечь на часок-другой. Только вот мысли всякие опять топорщатся в голове... Хорошо ещё, что «скорая» пока никого не привозит.

Мысли... Нелёгкие они, эти мысли.

Странно, но мой разговор с Булуном и последующие разборки с Ванькой разворошили для меня целый ворох проблем, которые в нынешней текучке отошли на второй план. Сегодня, будучи в городе, так и не нашёл времени заехать к Даше. Только позвонил ей. Всё как обычно... Мне страшно, что такая наша жизнь стала обычной. Как в Булуне я хотел семейного тепла, уюта! Таня появилась в моей жизни отчасти из-за этого. И сейчас опять эта круговерть, которая стоит нерушимой преградой на пути к теплу и уюту. Вот и Ваньке меня не хватает. Он и сам про это говорит, да и я это чувствую. Намедни особенно сильно... почувствовал... Пусть он, не разобравшись, дал мне по морде, но я с моей заботой и теплом нужен ему! И мне не хватает и его, и Даши, и нашего сына.

С Дашей вынуждены опять целоваться в парадной, как школьники... Смешно и грустно. Её отец упорствует в неприятии меня, а она его жалеет. Самое страшное, что мы с ней к такой жизни уже привыкли! А привычка затягивает в свою обыденность... Ненор-

мальное становится нормальным! Нормальной стала любовь по телефону, а это такое же извращение, как и секс по телефону.

А с другой стороны... Хорош отец семейства, который сутками не бывает дома. Может, пока тут такие проблемы, такой вариант и приемлем?

Ванька... Нет! Такого варианта, как мой, я для него не хочу. Костями лягу, но постараюсь, чтобы у него всё было нормально. У него должна быть нормальная семья и дети, которые каждый день видят отца.

С другой стороны, может, то, что я почти не бываю дома, позволит ему отвыкнуть от постоянного моего присутствия в его жизни и тем самым перерезать пуповину моей заботы и ласки. А в смысле разных дел, так он прекрасно справлялся со всеми трудностями без меня, когда я был в Булуне, да и сейчас справляется отлично. Ведь недаром парни из боксов просили всё сохранить, как есть. Но при всём этом он всё-таки говорит, что ему меня не хватает. Значит, здесь что-то другое... Тогда что? Та самая пуповина? А если так, то пусть скорее женится, занимает мою квартиру и строит семью.

Звонит мобильник.

– Слушаю...

– Сашка... Я так и думал, что ты не спишь! – слышу я в трубке тихий Ванькин голос.

– Это почему ты так решил? А может, ты меня разбудил?

– Не может... Я тоже почему-то не могу спать, хотя сегодня и устал. Мысли всякие в башке...

У меня чуть не отвисает челюсть.

– Это, значит, из-за твоих размышлений я спать не могу? – пытаюсь пошутить я.

– Саш... Я не знаю, кто из-за кого... Только я уже замечал, что когда ты о чём-то тяжело думаешь, я не сплю. Честно! Короче, какие у тебя проблемы? Всё про то думаешь?

– Ванюха, я врать не хочу. Сижу и думаю про нашу жизнь. Вот и всё. И вообще, я смотрю, ты перезанимался с Ильёй Анатольевичем.

– Да я и раньше тебя чувствовал... Илья Анатольевич здесь ни при чём.

– Александр Николаевич! «Скорая» пришла! – сообщает Лиза.

– Всё, Ванюха, «скорая» пришла. Спи! Больше сегодня я тебе мешать не буду, – обещаю я. – Спокойной ночи!

Приехали Сергей Александрович с Юрой. Вожу их по больнице и всё показываю. Мне очень нравится абсолютно неподдельный интерес с их стороны.

– Саша, скажи, пожалуйста, а как ты оцениваешь ваше оборудование? Мне показалось, что много старого. И конечно, ремонты... Как крыша? Нет протечек?

– Да есть, конечно! Всё надо делать! А насчёт оборудования вы совершенно правы, Сергей Александрович. Сплошной архаизм. Я ещё в Булуне поднатаскался в этих вопросах. Должен сказать, там было даже попрличнее. Здесь некоторых приборов, которые были там, просто нет.

– Можно совет?

– Конечно!

– На мой взгляд, крыша и ремонты – это то, с чего надо начинать. Познакомь меня с твоим замом по хозяйству. А насчёт оборудования... вы с Кириллом Сергеевичем, когда он выйдет на работу, определитесь в том, что нужно раньше всего, и я тоже готов принять в этом участие. Как думаешь, Юра?

– Конечно, папа! Александр Николаевич, так вы подумали насчёт меня? Вы берёте меня санитаром?

– Не побрезгуешь за больными убирать и полы мыть?

– Нет!

Звучит достаточно твёрдо.

– Ну как? – я поворачиваюсь к отцу.

– Что ж, попробуй, сынок... Может, у тебя и получится. Только ездить сюда тебе придётся самому.

– Я знаю. Я уже выяснил. Электричка, а потом маршрутка. Я согласен, – торопливо говорит Юра.

– Ну давай тогда... с понедельника. Хорошо?

– А можно с завтрашнего дня?

Опять переглядываемся с Сергеем Александровичем. Он кивает.

– Тогда завтра в девять.

– Я обязательно приеду!

Спускаемся к выходу и... встречаем Старикова.

– Какая встреча... – его брови взлетают вверх. – Здравствуйте, Александр Николаевич! Здравствуй, Сергей! Ты что здесь?

– Мы с Александром Николаевичем старинные приятели, и я хочу быть попечителем этой больницы.

– Александр Николаевич мне позвонок вправил, чтобы я встал и начал снова ходить, – неожиданно встречается Юра.

– Позвонок? – удивлённо произносит Стариков.

– Да, я Юре отремонтировал позвоночник, – смеиваюсь я.

– Я не понимаю... Вы и это?..

– Это в первую очередь. А что, есть проблемы?

– Не у меня, – озадаченно отвечает он. – Есть один влиятельный человек... Практически не ходит. Бизнесом рулит с инвалидного кресла. Травма после падения.

– Вы можете его привезти?

– Его люди могут его к вам привезти. Он очень крупный бизнесмен, только не из Питера. Он в Твери живёт, а бизнес во всей центральной России, включая и Москву.

– Пусть приезжает. Персональных палат у нас нет. Особого комфорта не обещаю, но на ноги постараюсь его поставить.

Ловлю себя на том, что мне почему-то заранее известен результат. Неужели я опять ненароком в будущее заглянул?

– Заранее спасибо, Александр Николаевич. Скажите, как Саша себя чувствует? – Стариков резко меняет тему.

– Саша в полном порядке. Нормально ходит, хорошо питается. Думаю, завтра ему можно будет уже домой ехать. Правда, мы к нему тут привыкли, жалко будет расставаться, но он уже почти здоров.

Не хочу сам напоминать ему про его порыв. Я обратил внимание на то, что на слова Сергея Александровича о попечительстве он не обратил внимания. Всё понятно!

– Спасибо огромное! Только вы меня простите, я тут проконсультировался... Такого быстрого выздоровления мне не предсказывали, – с оттенком сомнения говорит Стариков.

– Виктор, ты до сих пор ещё не понял, кто перед тобой, – снисходительно замечает Сергей Александрович. – Чтобы тебя добить, могу признаться, что Александр Николаевич ещё меня и от пьянства вылечил.

– Что? Химеры, о которых говорил тот старичок в Сашиной палате? – Стариков странно усмеивается.

– Химеры-химеры, Виктор Васильевич, – приговариваю я и нарочно перехожу на научный язык: – То есть дозированные энергетические воздействия в нужных местах.

– А откуда вы знаете, что меня зовут Виктор Васильевич?

– Это тоже химеры.

– Александр Николаевич! Простите... – Шитова быстро сбегает по лестнице. – Семён Викторович просит вас подойти в операционную.

– Всё. Извините, надо бежать, – быстро говорю я, обращая внимание, как Сергей Александрович посмотрел на Старикова. – Кстати, Юра, вот твоя начальница Елена Михайловна. Елена Михайловна, помните, я вам рассказывал? Вот этот молодой человек с завтрашнего дня будет работать у нас санитаром. Его зовут Юра.

– Сработаемся! – заявляет Шитова, внимательно посмотрев на Юру.

– Александр Николаевич! Я свой мобильник вам оставлю! – кричит мне вслед Стариков. – Если что надо...

Да что мне от тебя надо!..

Вместе с Павлом идём на разговор с Алёшиным. Сам он, конечно, об этом ещё не знает. Павел покажет мне его, а дальше я уже сам.

Вот и магазин.

– Вон видишь, тощий мужик в синей робе?

– Это он?

– Угу. Ну ладно, я пошёл! Успеха тебе!

Павел уходит, а я направляюсь к Алёшину.

Я ещё не выстроил для себя линию разговора и полагаюсь только на интуицию.

Приближаясь, я уже вижу мужика лет сорока с лишним, вижу его лицо с явными следами алкоголизма. Сейчас утро, и он пока ещё трезвый. Я это чувствую. Более того, я уже понимаю, что после вчерашних возлияний у него не самое лучшее для беседы настроение. Но будь что будет!

– Здравствуйте, Алексей Сергеевич! – протягиваю ему руку.

– Здравствуйте, – весьма отрывисто отвечает он, но мою руку пожимает.

– Моя фамилия Елизов. Зовут Александром, – представляюсь я как можно короче.

– Елизов... – прямо чувствую его напряжение. – Это тот самый... врач, о котором уже всякие слухи?

– Хорошо хоть не сплетни, – я пытаюсь хоть как-то расположить его к себе.

– Ну и что вам от меня надо, господин Елизов? – спрашивает он, не глядя на меня.

– Зачем же – господин... Мы с вами товарищи. Вы – врач, и я – врач.

– Я больше не врач, – сухо отрезает он, – я – работяга.

– Хотя я и врач, но я тоже – работяга, – не отступаю я.

Всеми силами пытаюсь не дать ему прервать разговор и уйти.

– Короче, что вам от меня надо? – он наконец смотрит мне в глаза.

Понимаю, что крутить с ним нельзя. Нужно говорить прямо.

– Я хочу, чтоб вы вернулись в профессию. И к нам в больницу, – рублю я, всё так же прямо глядя ему в глаза.

– Послушай, Елизов... Я уже слышал, что ты хороший хирург... – начинает он, но я прерываю его на полуслове.

– Я не хирург! Я вынужден оперировать из-за того, что настоящий хороший хирург вместо операций таскает ящики и жрёт водку.

Наверное, я сказал слишком резко, потому что Алёшин слегка побледнел и даже отшатнулся от меня.

– Да ты понимаешь, что такое хирург с трясущимися руками? – вскрикивает он. – Это убийца! Кончился хирург! Понял?

– Трясущиеся руки я вам вылечу, – почему-то устало говорю я, хотя сам ещё не знаю, как это сделать, – и пить помогу бросить. Вы нам очень нужны, Алексей Сергеевич.

– Вы думаете, я не вспоминаю мою прежнюю работу? – он невесело усмехается, переходя снова на «вы». – Она мне постоянно снится! Но поймите, я уже не могу... Покатился я...

– Можете! – жёстко выговариваю я, глядя ему прямо в глаза. – Вернее, если захотите – сможете! Было бы желание – всё можно вернуть.

– Вашими бы устами...

– Именно моими! Я вам обещаю любую свою помощь. Вы, наверное, уже слышали, что я кое-что умею в другой области.

Алёшин молчит. Я кожей ощущаю, что нынешняя непутёвая и беззаботная жизнь его не хочет отпустить. Надо его тянуть в свою сторону.

– Алексей Сергеевич, вы должны понять: вы нам очень нужны! Семён Викторович очень хорошо про вас говорит и всё время жалеет, что вы ушли. Молодых, кроме меня, в штате нет. А когда они появятся, их надо будет учить.

– А про какую вашу помощь вы говорили? – вдруг задаёт он вопрос. – Судя по тому, как вы обезболивали... Гипноз?

– Вы и это знаете...

– Ещё бы не знать! После того как вы нашему парнишке руку сделали, все об этом только и говорят.

Значит, про мои шалости в операционной народ пока ещё не знает. Это хорошо...

– Думаю, с вами можно и без гипноза. Согласитесь, я мог бы внушить вам то, что мне нужно, ещё в самом начале нашего разговора, а не отдавать всё на откуп вашим сомнениям. Работой вы можете вылечиться! Такой, какая сейчас у меня, когда сплю прямо на кушетке в приёмном.

– Даже так? – с некоторым сочувствием произносит он. – Но я же не могу сейчас возвратиться в операционную! И руки... И знания...

– Если вернётесь, то сначала будете травматологом. Пока всё на место не станет. И работы обещаю много. Разной.

– Когда я должен дать ответ?

– Лучше бы сейчас. Потому что...

– Понимаю вашу мысль, – Алёшин отводит глаза. – А когда приступать?

– Отвечу так, как я уже отвечал другим. С этого момента и приступать.

– Так что, прямо сейчас и идти? – недоверчиво спрашивает он.

– Переоденьтесь, и я жду вас в больнице. Жду! – и протягиваю ему руку.

– Ладно. Трудовая книжка у меня дома. Я здесь даже не оформлялся... Так все два года... – его узкая ладонь сжимает мою. – Ладно! Сейчас предупрежу здесь и домой схожу, переоденусь. Буду через час.

– Жду вас! – повторяю я. – Как придёте – сразу ко мне. Договорились?

– Да.

Мне импонирует то, что он собрался предупредить в магазине. Это лишний раз подтверждает то, что мне про него говорили, – ответственный человек.

– Я пришёл...

Алёшин стоит передо мной, и я в очередной раз кожей чувствую его напряжение. Он весь как натянутая струна. Бросаю взгляд на часы. Точно час прошёл! Молодец...

– Пойдёмте, Алексей Сергеевич, – стараюсь говорить как можно теплее и беру его за руку.

В ординаторской хирургии Семён Викторович, сидящий за столом, встаёт навстречу появившемуся Алёшину и идёт к нему, протянув руку.

– Алексей Сергеевич... Здравствуй, дорогой!

Мне видно, что Алёшин несколько смущён и тронут такой встречей. Это всё играет в правильном направлении!

– Алексей Сергеевич, занимайте любой из столов, берите любой из халатов. Вас с Семёном Викторовичем теперь двое, – поясняю я, в основном для него.

* * *

Так уж совпало: сегодня ровно месяц, как я врию главного врача, и сегодня мне исполняется тридцать лет.

Сегодня ещё и день рождения пионерской организации. Смешно подумать, но, может, поэтому я, как объясняю людям, всегда на всё готов, как юный пионер. Сегодня наконец ночую дома. Надо сказать, с возвращением Алёшина мне стало гораздо легче, поскольку большую часть работы по травмпункту он взял на себя. Я и чувствую, и даже вижу, как он старается и держится. Своими методами проверял и знаю, что он сейчас вообще не пьёт. Рад за него. Втайне от него, на его фантоме, стараюсь помогать.

Тихонько встаю, чтобы не разбудить Ваньку. Ему можно ещё часок поспать. Привёл себя в порядок и теперь на кухне занимаюсь завтраком. В комнате шаги зашаркали... Появляется заспанный Ванька.

– Ты чего? Я разбудил?

– На, держи! – вместо ответа он протягивает мне футляр «Паркер», – Ты теперь большой начальник – пригодится. Поздравляю тебя с юбилеем! – Ванька обнимает меня и чмокает куда-то в ухо.

– Спасибо, Ванюха... Я очень... тронут...

– Ну и нахал же ты! Ты что, подумал – я забуду? На, смотри!

Он вытаскивает ручку из фирменного футляра и показывает.

Оиньки... На ней гравировка: «Любимому брату».

– Ну прости засранца, – теперь уже и я его обнимаю. – Прости...

– Ладно, я пойду ещё поваляюсь, а ты старайся не задерживаться. Я буду готовить стол. Сегодня гуляем!

Сидя в кабинете главного врача, подвожу итог своему месячному правлению.

Это очень хорошо, что вернулись некоторые врачи! У нас теперь два рентгенолога, шесть терапевтов, три хирурга. Появился анестезиолог! В поликлинике снова есть почти все специалисты. Это всё люди, живущие в Чистых Озёрах и прежде работавшие в этой больнице. Оказывается, всем им не хватало нормальной рабочей атмосферы. Вернулись с пенсии некоторые медсёстры и санитарки.

Пищеблоком заведует Марья Васильевна, вместе с которой работают её подружки и её дочка. Питание у нас, скажу без ложной скромности, отличное.

На удивление, Облздрав действительно помог с лекарствами. Правда, предупредили, что такая помощь сугубо разовая. Да и Сергей Александрович, вникнув в проблему, тоже сделал на это разовое вливание. Мы практически перестали просить больных самих закупать нужные препараты.

А с будущего месяца благотворительные средства Сергея Александровича будут поступать непосредственно нам, и мы начнём хоть какие-то ремонты и будем копить на новое оборудование.

Конечно, проблем ещё до дури, но когда через две недели придёт Кирилл Сергеевич, результаты ему показывать будет не стыдно. Жаль только, что времени на свою энергетическую практику у меня пока не остаётся. Да и не знаю, как буду сдавать сессию в июне.

Конечно, я во время своих дежурств ночами читал учебники, да и моя практическая работа обычного врача мне помогает, но такой уверенности, какая была раньше, сейчас у меня нет.

Вот в Булуне люди шли ко мне постоянно. Даже с мелочами! Здесь же, в посёлке, насколько я знаю, обо мне поговаривают после моих зимних гастролой и ждут. Ну не могу я сейчас тратить своё время ещё и на вечерние приёмы!

Ладно! Вот придёт Кирилл Сергеевич, и всё наладится. Надеюсь, смогу и учиться больше, и приём больных организую.

Придёт Кирилл Сергеевич... А я уже так привык рулить. Я уже вжился в эту нелёгкую роль! Я уже свыкся с ней! И мне... не хочется ничего менять! Всё вроде успешно складывается!

«Эх, Елизов, Елизов... И не стыдно тебе? Срам-то какой! – звучит знакомый скрипучий голос откуда-то изнутри. – А что ты говорил раньше? На любой должности... под вашим руководством... Вот что ты говорил! Вспомни! Да и кто ты вообще есть? Способный недочка, возомнивший себя профессором!»

Ох-х... Аж в краску бросило. Надо же было таким мыслям появиться в моей голове! Точно, головокружение от успехов в полный рост. Звездняк и щенячья радость... Стыдно. Очень стыдно! Звездюк ты, Елизов!

Звонок мобильного прерывает моё самокопание.

– Сашенька! Я тебя поздравляю с твоим юбилеем! Желая тебе, сынок, счастья огромного, здоровья крепкого, успехов запредельных.

– Спасибо, Кирилл Сергеевич! Это Ванька вам настучал про мой юбилей?

– Ничего подобного! Ты думаешь, я не смотрел в документы, принимая тебя на работу ещё в Булуне? Кроме Вани и меня у тебя есть и другие друзья, а кроме этих друзей есть ещё твоё личное дело в академии, и там есть дата твоего рождения. Так что жди ещё поздравлений, – в голосе его чувствуется добрая доля лукавства. – Жалею, что мы с тобой пока не сможем поднять рюмки с коньяком за твой юбилей, но это обязательно состоится.

– Спасибо, Кирилл Сергеевич! Жду вас тут на работе с нетерпением. Хорошо бы, чтобы ваша реабилитация скорее закончилась.

– Сашенька, я всё понимаю. Понимаю, что тебе трудно. Понимаю, что тебе хочется заняться больше непосредственно лечением, но когда я приступлю к своим обязанностям, извини, вряд ли твоя административная нагрузка уменьшится.

– То есть как? – не понимаю я, поскольку несколько по-другому видел свою деятельность после прихода Кирилла Сергеевича.

– Смотри, у нас уже есть, как ты говоришь, попечитель, а значит, с ним надо работать! Возможно, будут и другие. Я со своими старорежимными взглядами для этого не гожусь. И поверь мне, лучше тебя этого никто не сделает. Подумай об этом!

– Понял, – я даже не пытаюсь скрыть своего разочарования. – Подумаю... Только... а как же моя практика?

– Будет тебе и практика. И вечерние приёмы тоже будут, но больницу нам с тобой двигать придётся вместе. Ну и с созданной тобой командой, конечно.

Да... Кирилл Сергеевич точно уже набрал прежнюю форму. Такой же суровый и требовательный, как и в Булуне.

– Ну что делать... Придётся всё успевать, – ворчу я.

– И про учёбу не забывай! Подозреваю, что ты увлёкся администрированием и стал меньше уделять внимания наукам.

– У вас там, в Сестрорецке, что, труба подзорная? – я смеюсь.

– Я слишком хорошо тебя знаю. – он хмыкает. – Ты, Сашенька, – человек увлекающийся.

– Ваша правда...

– Ладно, конец воспитательного процесса, – завершает разговор Кирилл Сергеевич. – Ещё раз тебя поздравляю!

– Спасибо.

Ну вот... Всё вроде встало на свои места. Лихо всё-таки он меня приземляет.

– Александр Николаевич, можно?

Появляется Семён Викторович.

– Конечно, заходите!

– Александр Николаевич, там есть один вопросик... Надо одного больного посмотреть. Может, подойдёте?

– Конечно, – я встаю, – пойдёмте.

Машинально поворачиваю на лестницу на третий этаж, к хирургии.

– Нет-нет! Нам с вами в терапию.

Он берёт меня под руку и буквально вталкивает в ординаторскую. Сразу же оглушительно стреляют бутылки шампанского. Мне становится всё понятно.

Подходит Шитова.

– Значит, так, Александр Николаевич! Товарищи, извините, я немного покомандую. Можно, Светлана Сергеевна?

– Давай, Лена, давай! – благословляет та.

– Так вот, Александр Николаевич! Мы уже поняли, что свой юбилей вы хотите скрыть от коллектива, а точнее – зажать!

Хочу возразить, но она не даёт мне сказать.

– Не отпирайтесь! Короче, мы, ваши коллеги, исправляем вашу, назовём её так, оплошность. Пётр Максимович, наливайте!

Пётр Максимович наливает всем собравшимся. Подсознательно слежу за процессом, потому что здесь же и Алёшин.

Ого! Он прикрывает стакан рукой! Молодец! Тянется за соком и сам наливает себе только сок! Совсем здорово. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!

– Александр Николаевич, вы нас простите за скромный стол, – Светлана Сергеевна делает вид, что оправдывается. – Павлу Николаевичу завкадрами только утром сказал про ваш юбилей, и мы не успели подготовиться.

– Истинная правда! – поддакивает Павел. – Я вот успел только съездить в магазин за шампанским, тортом и конфетами.

– Александр Николаевич! – продолжает Светлана Сергеевна. – Мы, ваши коллеги, от всей души поздравляем вас с вашей датой. Мы хотим, чтобы вы знали, что нам приятно с вами вместе работать.

– Честно говоря, я тогда не ожидал, что вы рванёте из города сюда к пациенту, – вставляет Пётр Максимович. – Поверьте, это не лесть, думаю, это пример для всех.

– Да он у нас вообще экстремал! – поддерживает Клавдия Лаврентьевна. – Как что-то, так он тут как тут! Помните, зимой?..

– Дорогие коллеги! – всё-таки прерываю я этот поток. – Спасибо вам! Поверьте, мне очень приятно. Очень надеюсь, что всё сказанное – аванс. Буду стараться быть таким, каким вы меня хотите видеть. И спасибо вам за всё. Я ведь у вас за этот месяц тоже очень многому научился. А учиться мне надо ещё большему. И ещё. Сейчас сидел в кабинете Кирилла Сергеевича и думал о прошедшем месяце. Мне кажется, у нас складывается отличная команда. В такой команде очень приятно работать.

– Bravo! – тихонько, будто для себя, говорит Алёшин.

– А вообще-то есть и подарок! – объявляет Семён Викторович, доставая какой-то пакет. – Александр Николаевич, вы меня от язвы избавили? Избавили! Светлана Сергеевна

может подтвердить. Рентген делали, и она сама смотрела. Вы мне сами сказали, что за свою работу берёте в качестве подношений варенье. Вот! Чёрная смородина! Держите банку!

Начинается оживление.

– Семён Викторович, значит, вы поверили в мои химеры? – принимая банку, я не могу сдержать улыбку.

– А куда деться? – он разводит руками. – Язвы-то нет!

– Александр Николаевич! – Светлана Сергеевна взывает к моему вниманию. – А если по делу, то, может, вы посмотрите Чистову из двадцать девятой?. Она вчера поступила. Там серьёзно. Может, вашими методами?

– Конечно, посмотрю! Прямо сегодня и посмотрю. Поэтому извините, но свой стакан не допиваю. Да и за рулём я...

Юбилейный денёк выдаётся хлопотный. Чистову взял себе. Буду с ней работать.

Мобильник разрывается! Окучиваю поздравления. Даже наши пациенты уже про это знают и поздравляют. Вот... Очередной звонок! Правда, номер мне неизвестный.

– Слушаю!

– Александр Николаевич Елизов?

– Да, это я.

– Вас беспокоят из Твери от Бориса Александровича Солдатенко. Вам Виктор Васильевич Стариков говорил, наверное...

– Он мне говорил про своего приятеля, но фамилии не называл, – сдержанно говорю я. – А почему он не звонит мне сам?

– Мы хотим пригласить вас в наш город, чтобы вы посмотрели Бориса Александровича и поставили его на ноги, – продолжает мой собеседник, игнорируя мой вопрос.

– Простите, а с кем я разговариваю?

– Меня зовут Игорь Борисович, я начальник его охраны. Условия у вас будут самые лучшие, а гонорар в случае удачного лечения вы назначите себе сами.

Я уже понял, что моего мнения с той стороны никто спрашивать не собирается, и это меня начинает раздражать.

– Игорь Борисович, я предпочитаю разговаривать со своими пациентами лично, а не через посредников, – жёстко говорю я. – Это во-первых! А во-вторых, я не выезжаю за пределы своего региона. У меня здесь слишком много работы. Спасибо вам за приглашение, но передайте, пожалуйста, Борису Александровичу, что я с удовольствием побеседую лично с ним. Всего вам доброго!

Даю отбой и сразу набираю Старикова.

– Виктор Васильевич, здравствуйте! Елизов беспокоит.

– Здравствуйте Александр Николаевич! Запоздало поздравляю вас с юбилеем! Мне Михал Михалыч сообщил. Подарок за мной. Поверьте – от чистого сердца! Мой Сашка в полном порядке!

– Это хорошо. Я рад, что Саша совсем поправился. Плохо другое. Мне только что звонил начальник охраны некоего Солдатенко. Он очень хотел, чтобы я приехал в Тверь для лечения его хозяина.

Повисает пауза.

– А ведь я Бориса предупреждал, что вы не такой человек, – медленно произносит Стариков. – Не внял, значит...

– Видите ли, Виктор Васильевич, если ваш приятель заинтересован во мне как в специалисте, то ему лучше разговаривать со мной лично, а не через своих холуёв, – режу я. – Повторяю, готов постараться ему помочь, но для этого мне его надо видеть здесь. Вы, навер-

ное, уже поняли, что я человек не меркантильный. А в этой ситуации вообще считаю, что хлеб за брюхом не ходит.

– Я понимаю ваше возмущение. Поверьте, я такого не ожидал, когда давал ему ваш телефон, – мямлит Стариков. – Обещаю, доведу до его сведения ваше отношение к... такому предложению.

– Сашка! Ну когда ты приедешь? Уже почти шесть! Мы тебя ждём! В такой день можно и пораньше домой уехать! – Ванька так смешно сердится по телефону!

– Кто это – мы?

– Приедешь – увидишь! – и отбой.

Перед отъездом хочу переговорить с Алёшиным. Он сегодня остаётся на дежурстве. Поднимаюсь по лестнице на третий этаж, а он спускается мне навстречу.

– Александр Николаевич! Вы почему ещё здесь? – с забавной строгостью произносит он. – Давайте-ка домой! Вы не классная дама, а мы не девочки-гимназистки.

– Короче, вы меня решительно выгоняете?

– Решительно! Езжайте домой. Вам ещё столько времени до города добираться... Справимся! Кстати, не знаю уж, что вы со мной сделали, но руки у меня стали дрожать гораздо – меньше.

Половина восьмого вечера. Звоню в квартиру. Дверь открывается... Вхожу и столбенею. Меня встречает... Даша. За ее спиной Ванька с Серёжкой на руках.

– Ну... я повержен... – я, по-моему, даже голос потерял. Обнимаю и целую Дашу. Обнимаю Ваньку вместе с Серёжкой.

– А нас? – из кухни выходят Сергей Александрович, Юра и Рита.

Конечно, обнимаю и их. Даже Антошка топчется в коридоре!

– Заждались мы тебя, Саша, – укоризненно говорит мне Сергей Александрович. – Вон, Юра приехал уже в шесть!

– Да. Меня Елена Михайловна сама домой отправила, когда я сказал... Ой...

Он, видимо понял, что проговорился, и очень забавно смутился.

– Понятно! Опять заговор! – я делаю строгое лицо и поворачиваюсь к Ваньке: – Твоя работа?

– Неправда! Идейным вдохновителем и руководителем был я, – смеётся Сергей Александрович, приходя на помощь. – А Ваня – шеф-повар.

– Давайте лучше к столу! – зовёт Даша.

Ого! Стол сделали в комнате! Сняли всё с письменного, да ещё принесли наш маленький столик из кухни.

Рассаживаемся.

– Разрешите мне? – Сергей Александрович встаёт. – Ты, Саша, не беспокойся. Дашу, Серёжу и Риту отвезу я и поэтому выпивать сегодня даже своей дозы, разрешённой тобой, не стану. А вы с Ваней расслабляйтесь! Даша и Рита... тут я не знаю. Вам всем можно. Наливаем! Кому и что? Первый тост за здоровье юбиляра.

Подарки уже вручены. Какая замечательная атмосфера за столом! Так всё по-доброму, по-семейному! Так тепло и уютно! Серёжка спит на тахте, где мы с Дашей соорудили ему ложе. Антошка устроился рядом и даже слегка привалился к нему.

Течёт тихая беседа. Просто так, обо всём! Мы с Ванькой даже и не выпиваем почти! Так, пару рюмок. Даша выпила рюмочку за два захода. Рита тоже подняла за моё здоровье рюмку, в которой на доньшке был коньяк, а всё остальное – сок. Беседуем обо всех нас. О наших делах, проблемах...

– Сильно устаёшь, Юра? – интересуюсь я результатом первой его недели.

Он поднимает на меня глаза, молчит... и отвечает, но не на мой вопрос.

– Александр Николаевич! Мне очень интересно! Правда, папа! Елена Михайловна говорит, что я справляюсь.

– Да, она тебя хвалит. Говорит, что ты работаешь без усталости. Вот поэтому я и спрашиваю, сильно ли ты устаёшь?

– А вы сильно устаёте в больнице? – спрашивает Юра, глядя мне прямо в глаза.

Да... Делаю для себя приятный вывод.

– А почему ты меня не спрашиваешь, как мои бабушки-пациентки? – бурчит Ванька.

– Да я и так знаю, – хочется состроить ему рожу, но в такой солидной компании не решаюсь. – Когда я прохожу мимо скамейки у парадной, мне всё успевают рассказать. И с Ильёй Анатольевичем я созваниваюсь. А то, что ты мои книжки стал читать, я понял, когда увидел, что закладки уже на других местах заложены. Так что ты, Ванюха, под колпаком!

– Да, Ваня, ты по-настоящему попал! – с улыбкой замечает Даша.

– Я попал пять лет назад... – задумчиво говорит Ванька. – С таким братом не соскучишься.

Он встаёт, подходит ко мне, берёт меня за плечи, наклоняется и прижимается щекой к моей макушке.

– Помнишь, Сашка, как мы праздновали мое двадцатилетие? Я тогда ещё не ходил. А ты мне кроссовки подарил...

Все затихают, будто ожидают продолжения его монолога.

– Знаете... Мы ведь нашли друг друга совсем случайно. Мы – дети разных семей одного нашего отца. Я ни разу не был в церкви, а мне бы надо туда сходить... и поставить Богу свечку в благодарность. Даже и не знаю, кем бы я был и что бы со мной стало, если бы не Сашка...

Молчим. Только нам с ним известно, что могло бы быть, если бы мы не встретились.

– Я тоже не знаю, что бы со мной было и чем бы я занимался, если бы не Ванюха, – признаюсь я. – Вряд ли медициной... Так что – спасибо тебе, братишка!

– Ваня, а ты сам не думаешь в будущем менять свою специальность? – осторожно спрашивает Сергей Александрович.

– Посмотрим... Сначала надо хотя бы одну получить. Я должен закончить университет.

– Ой, Саша! – спохватывается Даша. – Я же тебе подарок ещё не отдала!

Она выскакивает в прихожую и возвращается с пакетом.

– На, примерь!

Надеваю вязаную жилетку. Как на меня!

– Это я сама тебе связала, – хвастается Даша. – Как хорошо, что у тебя всё стандартно!

Сидит нормально.

– В старину девушки специально шили рубашки парням, чтобы привязать их к себе, – тихо замечает Сергей Александрович.

– А чего меня привязывать! – я ласково провожу рукой по её волосам. – Даша меня уже однажды привязала. Спасибо тебе, родная!

Обнимаю, целую её, и мне очень нравится, что она опять зарумянилась, как тогда, в субботу, в больнице.

Ну вот... Все уже разъехались.

Хорошие у нас были гости! Перед отъездом помогли нам с Ванькой всё убрать. Теперь мы с ним сидим вдвоём на кухне.

– Саш... Тебе было хорошо сегодня? – спрашивает он, наливая нам коньяк.

– Знаешь... Это был такой тёплый семейный вечер! Я просто растаял, – признаюсь я.

– Мы очень старались. И мне так приятно, что Ритка тоже захотела принять в этом участие. Сама вызвалась. Мы ведь с ней вместе стол готовили.

– Мне очень приятно видеть вас вместе, Ванюха. Ты не представляешь, как я рад, что ты нашёл себе близкого человека.

– Эх, Сашка! Я тебе уже говорил, как бы мне ни была дорога Ритка, всё равно человека ближе, чем ты, у меня никогда не будет. Не знаю, может, это патология какая-то...

– Я смотрю, ты уже стал медицинские термины применять.

– Не ёрничай. Я же тебе уже говорил, что если ты ночью начинаешь тяжело о чём-нибудь думать или думать обо мне, то я не могу спать. Я тоже начинаю думать о тебе. А ты? Сколько раз ты во сне видел то, что со мной происходит, или то, что должно произойти?

– Твоя правда. Я ведь действительно не знаю, что бы со мной было и каким бы я был, если бы не встретил однажды тебя.

– Я иногда думаю – не слишком ли много мы с тобой говорим друг другу... ну о наших отношениях, что ли...

– Ванюха, разве это плохо, когда мы с тобой говорим друг другу те слова, которые каждый из нас хочет от другого услышать? Плохо, когда люди не успевают сказать друг другу этих главных слов.

– Ты прав, как всегда, – и он поднимает на меня свои глаза, в которых я опять тону.

– Ну тогда иди ко мне. Давай просто посидим с тобой рядом...

Сидим с Ванькой, обнявшись, и молчим. Трешь щекой о его волосы... Такой кайф!

* * *

После операции нахожу в мобильнике неотвеченный звонок. Номер мне незнаком. Набираю.

– Алло! – раздаётся в трубке.

– Это Елизов. Вы мне звонили, а я был на операции. Прошу прощения. Я вас слушаю.

– Здравствуйте, Александр Николаевич! Это Борис Александрович Солдатенко вас беспокоил. Вы извините моего начальника охраны, пожалуйста. Перестарался, бедняга, да ещё и в ваш юбилей. Хотя и запоздало, всё равно хочу вас с этой датой поздравить.

– Спасибо.

– Поверьте, это была его личная инициатива. Я бы хотел занять немного вашего времени, которого у вас, как мне объяснил Виктор, совсем нет. Не возражаете?

– Я слушаю вас, Борис Александрович.

– Вам Виктор говорил, что у меня за проблемы?

– Да, но в общих чертах. Расскажите мне подробнее.

– Где-то с год назад я упал на лестнице. Упал плохо – спиной. После этого у меня отнялись ноги, и я практически не встаю с инвалидного кресла. Меня пытались как-то лечить, но результатов нет. Виктор мне сказал, что вы являетесь специалистом в этой области, и я прошу вас мне помочь.

– Можно, я задам вам несколько вопросов?

– Конечно!

– Каким местом вы ударились?

– Ну... как вам сказать... Короче, повыше, простите, задницы, но пониже лопаток.

– Ясно. Ноги у вас наверняка не чувствуют ничего и, небось, уже синие почти. Так?

– Так.

– Уверен, что у вас выскочил позвонок, и его теперь надо вправлять.

– Да, мне это говорили, но также сказали, что нужного костоправа нет.

– Массажей вам, конечно, для поддержания кровообращения не делали?

– А что, должны были делать?

– Обязательно! Вам сколько лет?

– Сорок. А что, это имеет значение?

– Имеет. Одно дело – спина мальчика, о котором вам Стариков наверняка говорил, другое – взрослый мужчина. Но не волнуйтесь. Думаю, я смогу вам помочь. Но это только в случае вашего приезда сюда. Настраивайтесь где-то месяца на полтора.

– Понятно... То есть по-другому нельзя...

– Увы. Поймите, у меня много пациентов. А у нас с вами, если вы решите у меня лечиться, впереди целый курс. Сначала будет подготовка, потом само вправление позвонка, а дальше – реабилитация! Снова будете учиться ходить. Так что процесс долгий. И я вас должен постоянно наблюдать и корректировать действия по ситуации. Только ещё учтите – у нас пока персональных палат нет.

– Понятно...

Я чувствую, как он сомневается и не хочет расставаться с комфортом.

– У вас рентгеновский снимок сохранился?

– Да, конечно!

– Хорошо бы мне его посмотреть.

– Завтра он будет у вас. Его Игорь сам и привезёт.

Мне нравится прозвучавшая жёсткость в его тоне.

– Хорошо. Я посмотрю, и мы созвонимся.

– А знаете... Чего, собственно, созваниваться! Я уже принял решение. Я приеду к вам. Арестовывайте меня на полтора месяца, – видно, с улыбкой произносит вдруг Солдатенко. – Придётся управлять бизнесом с больничной койки.

– Хорошо, что вы так решили. Когда вас ждать?

– Думаю, что послезавтра.

– Ну тогда и вашего начальника охраны можно напрасно не гонять. Сами снимок и привезёте.

– Годится!

С утра доложил Кириллу Сергеевичу о приезжающем VIP-пациенте.

– Я смотрю, Сашенька, твоя известность растёт и в бизнес-кругах, – в голосе добрая усмешка.

– Да уж...

– Ну потерпи. Мне всего неделя осталась.

– Ждём мы вас, Кирилл Сергеевич. Все ждём.

Как назло, по «скорой» привезли больную с гнойной кистой. Семён Викторович с ночи, второй хирург отпросился на один день, а Алёшин говорит, что пока ещё ему рано становиться к станку, как он выразился. Мы с ним это обсуждаем в моём кабинете. У меня уже два дня как есть собственный кабинет. Использовал служебное положение в личных целях и забрал себе кабинет на первом этаже, поближе к приёмному покою. Главное, что есть кушетка! Это и для больных, и для меня, когда я на ночь остаюсь.

– Алексей Сергеевич, мне кажется, вы уже можете.

– Александр Николаевич! При всём моём неподдельном уважении к вам не могу согласиться, – он вздыхает, и я вдруг понимаю, что ему... страшно! Ещё бы! Два года без практики. Может, он и прав.

– Хорошо. Сегодня ко мне в ассистенты пойдете?

– Вот это – с удовольствием, – с видимым облегчением соглашается он.

– Александр Николаевич! – вбегает в кабинет Лиза. – В приёмном кто-то... на коляске и с охраной! Он говорит, что вы знаете.

– Хорошо. Сейчас иду. Шитову позови ко мне в приёмный.

Понятно: приехал Солдатенко.

– Алексей Сергеевич, пойдёте, встретим нашего с вами пациента.

– Нашего?

– Да. Думаю, что всю массажную работу я поручу вам.

– Может, я лучше больную к операции подготовлю?

Я уже привык, что он всегда спорит.

– Ладно! – я машу рукой. – Идите, готовьте.

В приёмном вижу холёного мужчину в дорогом спортивном костюме на инвалидной коляске. Да... Полагаю, что он неплохо выпивал или выпивает. Да и печень у него, кажется, тоже...

– Здравствуйте, Борис Александрович!

– Здравствуйте, Александр Николаевич, – он улыбается. – Вот, как вы и приказывали...

Приехал.

– Хорошо. Вы меня извините, у меня сейчас операция будет. Я вас посмотрю после неё. С палатой вам слегка повезло. Мы тут своими силами очередную палату отремонтировали. Там вы пока будете один. Дальше видно будет. Вас сейчас разместят.

– Вызывали, Александр Николаевич? – подходит Шитова.

На неё смотреть – всегда одно удовольствие. Сама очень аккуратная, в чистом халате, и от сестёр того же требует. Её стараниями у нас теперь даже санитарки ходят только в чистых халатах. Спасибо Сергею Александровичу, в нашей собственной прачечной по его инициативе и за его деньги уже неделю стоят новые стиральные машины.

– Елена Михайловна, я вас попрошу вместе с Юрой устроить Бориса Александровича в двадцатую, как мы с вами решили. И пока я в операционной, надо сделать рентген.

– Понятно. Всё будет в порядке, не волнуйтесь, – коротко отвечает она.

После операции, взяв только что сделанный снимок, иду в двадцатую.

Ох, ничего себе! Около палаты сидят два молодых мужика в комфляже.

– Вы что здесь делаете? – жёстко спрашиваю я.

– Охрана, – мрачно отвечает один.

– Значит так, охрана. Чтоб я вас здесь не видел. Ясно? Хотите охранять – давайте вниз к нашему охраннику. Заодно и поможете.

– Не получится. Мы будем находиться здесь, – так же мрачно отвечает тот же.

– Так, мужики, здесь хозяин – я. Вам это понятно? Быстро отсюда! Не злите меня.

Плохо будет.

– Слышь, Колян! Он говорит, что нам будет плохо! – и оба начинают громко ржать.

– Хотите посмеяться? – ласково спрашиваю я.

– А что нам, плакать?

– Почему же? Будете смеяться! Эй ты! – ловлю взгляд одного охранника, потом так же второго. – Ну смейся! И ты! Смейся!

Парни начинают смеяться с откровенно дурацкими, непонимающими лицами. От их вида мне тоже становится смешно, и я быстро вхожу в палату. Когда злюсь, то у меня такие шуточки получаются сразу. Видно – от души получается.

– Ну как? Устроили вас?

– Да, спасибо. Я правильно услышал – вы сказали, что ремонт сделали своими силами?

– Да. Вот пришлось вечерами...

– Это же непорядок! Должна быть специальная бригада!

– А где же её взять, если предыдущая команда всё разворовала и элементарно нет денег.

Беда почти везде. Спасибо вот господину Кушелеву! Он в порядке благотворительности нас лекарствами обеспечил. Думаю, несколько месяцев продержимся.

– Эх, Россия-матушка... Всё у нас через жопу делается, – Солдатенко явственно сочувствует и добавляет: – Александр Николаевич, лекарства для себя я оплачу сам.

– Ладно, спасибо. Давайте я вас посмотрю. Дайте мне старый снимок. Изучаю... Сопоставляю.

В общем, мне уже всё ясно, всё достаточно традиционно. Проваленный позвонок, защемлённый нерв и прочие прелести этой ситуации.

– Александр Николаевич, а тот парнишка, который помогал мне на кровать перебраться, это тот самый?

– Который? – не понимаю я.

– Ну которого вы лечили.

– Угу... Тот самый. Сын Кушелева. Два года парень лежал.

– Думаете, со мной получится?

– Думаю, да! Недельку вас будем готовить, а потом – главная процедура. Буду вправлять вам ваш позвонок. Подготовка будет заключаться в том числе и в возвращении нормального кровообращения ваших ног. Доктор Алёшин, с которым я вас познакомлю, будет вам делать восстанавливающий массаж.

Окидываю пациента «своим» взглядом.

– Печень часто болит?

– Откуда вы знаете? – удивляется Солдатенко.

– И поджелудочная, небось... – я подчёркнуто не обращаю внимания на его вопрос. – Слева тоже болит?

– Болит... Справа даже сейчас. Слева иногда...

– Понятно. После обеда вас ещё посмотрит Светлана Сергеевна по поводу вашей печени и поджелудочной железы. Наверное, прокапаем вас, пока вы тут находитесь.

– У вас комплексный подход... – усмехается пациент.

– А что вы думали? Если сначала «гулять – так гулять», то потом «лечить – так лечить»!

– М-да... Предупреждали меня, что вы всё знаете и всё видите, но такого я просто ожидать не мог, – несколько смущённо произносит Солдатенко. – Да, слушайте, Александр Николаевич, а что это мои парни там всё веселятся? Пока мы с вами разговариваем, они всё время там ржут!

– Они не выполнили моего распоряжения уйти вниз, разговаривали со мной по-хамски, посмеялись надо мной, ну я и предложил им посмеяться ещё. Скажем, пока мне самому это не надоест. А мне может надоест и завтра.

– Так что, они до завтрашнего дня... будут смеяться? – лицо шефа вытягивается.

– Ну если колики не случатся, – благодушно отвечаю я и добавляю: – Ничего, в случае чего – откачаем! Они ведь в больнице!

– Александр Николаевич... Виктор мне говорил, что с вами шутки плохи, но...

– Борис Александрович. Пока хозяин здесь – я. И законы устанавливаю я. Ничьих других законов здесь не будет. Пусть привыкают. Когда придёт главный врач Кирилл Сергеевич Золотов, я ведь только врию, его законы будут ещё более жёсткими. Я это знаю по личному опыту.

– Мне Виктор говорил, что вы – врию. А кто такой Золотов?

– Отвечу так: врач Божьей милостью. И главврач такой же. У него нет таких способностей, как у меня, но у него есть многое другое. Всю жизнь буду у него учиться. Ну ладно... Сейчас будет обед, после него у вас Светлана Сергеевна, а потом уже я буду разбираться с вашим позвоночником.

– Простите... Может, мои парни мне что-нибудь поесть принесут? Я ведь знаю больницу кормёжку!

– Надеюсь, мы вас приятно удивим, – отрезаю я и выхожу из палаты.

Охранники, зашедшие в неестественном смехе, представляют собой жалкое зрелище. Они корчатся от смеха, держась за животы, и уже почти ползают по полу. Около них

собрались и Светлана Сергеевна, и дежурная медсестра с поста, двое больных. У парней на глазах слёзы, на лицах – мука. Ужасно, в общем!

– Александр Николаевич, – в голосе Светланы Сергеевны беспокойство, – это... вы их?

– Я. Очень уж хотели повеселиться. Теперь пусть веселятся до завтра. Ну что, парни?

Устраивает вас это? Если устраивает, то веселитесь потише. Больных беспокоите.

Они странно машут руками. Ясно. Наелись.

– Ладно... На первый раз достаточно будет, – говорю я и команду: – Ну-ка! Оба смотрим на меня.

Смотрят снизу вверх. Ловлю по очереди их взгляды.

– Всё! Смех окончен! И у тебя тоже смех окончен! – щёлкаю пальцами.

Стихают. В изнеможении сидят на корточках, прислонясь спинами к стене.

– Славно повеселились? – спрашиваю я.

Молчат.

– Понятно. Силы кончились, – поясняю я собравшимся и обращаюсь к охранникам: – Так! Я уже сказал, что вам делать и где находиться. Всё! Идите отсюда!

Понуро встают и, пошатываясь, идут к лестнице.

– Александр Николаевич, – укоризненно пеняет мне Светлана Сергеевна. – Вашими методами... и такое...

– Дорогая Светлана Сергеевна! В Булуне Кирилл Сергеевич меня тоже порицал, когда я таким же методом заставил главу местной администрации, кстати, доведшего его до инфаркта, отремонтировать в больнице водопровод. Это был редкий случай, когда я не согласился со своим учителем. На каждую наглую силу должна быть большая сила. В противном случае наглость только возрастает.

Она осуждающе смотрит на меня.

– Ладно, давайте эту тему с вами обсудим как-нибудь потом. Я согласен на интересную дискуссию. Хорошо?

Её взгляд теплеет.

– Согласна.

– Я попрошу: после обеда посмотрите, пожалуйста, этого пациента. Там печень и скорее всего ещё поджелудочная...

– Хорошо. Но вы же понимаете, что все анализы только завтра.

– Конечно!

Перед тихим часом захожу к Солдатенко.

– Ну, Борис Александрович, давайте приступим.

– Сначала спасибо вам за обед. Не ожидал. Как вам удалось в обычной районной больнице...

– Нашли хорошего повара, а она подобрала всю команду пищеблока. С обеспечением ближайший совхоз помог.

Мне внутри очень приятно, что капризному пациенту понравилась наша пища. Ловлю себя на том, что уже прикидываю, как сделать впоследствии из него нашего благодетителя. Для этого товар нужно показывать лицом.

– В дальнейшем, надеюсь, сможем предлагать больным выбор. Светлана Сергеевна вас смотрела?

– Да. Она очень внимательный врач. Сказала, что завтра будут взяты анализы и сразу начнёт курс. У вас все такие врачи?

– Стараемся набирать команду по всем направлениям.

– Александр Николаевич! – Светлана Сергеевна быстро входит в палату. – Ой, извините...

– Ничего. Что там у нас?

– Пришел травматолог. Не из наших бывших. Новый какой-то, молодой. Вы с ним говорить будете или я сама?

– Светлана Сергеевна, вы же заместитель по всем лечебным вопросам! Вам и карты в руки. Если возьмёте, то дайте испытательный срок и приставьте к нему Алёшина.

– Хорошо, – она скрывается.

– Вот, формируем команду дальше. Честно говоря, устал я ночевать здесь по несколько раз в неделю, – признаюсь я Солдатенко. – С травматологами беда.

– Так вы и там?

– Ну а кто же? Штат укомплектован только на треть, даже меньше... Ладно, давайте займёмся делом.

* * *

Сегодня буду вправлять Солдатенко позвонок, а потом остаюсь на сутки.

В приёмном, когда я через него прохожу, рядом с нашим охранником сидят те двое, которых я турнул от палаты.

– Здравствуйте, Александр Николаевич! – оба при виде меня подсакивают.

– Доброе утро. Ночью всё было в порядке?

– Тяжёлая ночь была, – докладывает наш охранник. – Этому новому пришлось попотеть.

Понимаю, что речь идёт о новом травматологе.

– Много «скорых» было?

– Три. Все с переломами, ну и ещё парнишка в крови приходил.

– Сам врач где?

– Уговорили его часок поспать. Ну как вас. Он тоже не соглашался.

– Понятно. Как проснётся, пусть зайдёт ко мне.

– Я уже проснулся, – из смотровой выходит новый врач.

– Доброе утро. Извините, я с вами ещё не знаком.

– Новиков Валерий Алексеевич.

– Очень приятно. Пойдёмте ко мне.

В моём кабинете беседуем с Новиковым.

– Александр Николаевич, на ночные дежурства надо стараться оставлять сестёр, которые могут работать в операционной, – несколько суховато говорит он. – Галина Викторовна, конечно, хорошая сестра, но в операционной не тот уровень.

Делаю приятные выводы.

– Было что-нибудь сложное?

– Ничего особо сложного. Была резаная рана, которую пришлось зашивать.

Мне импонирует его стиль. Сдержанный и даже суховатый.

– Спасибо за замечание, Валерий Алексеевич. Приму вашу информацию к сведению.

Правда, сестёр у нас не так много, как бы этого хотелось.

– Если хотите, я могу поговорить... Есть кандидатуры.

– И они будут ездить сюда?

– А почему нет? Я же езжу! Уже четвёртый день.

– Это для меня остаётся загадкой, – улыбаясь, признаюсь я. – Вроде машины у вас пока нет. Как вы вообще решили прийти на работу к нам?

– Мне сюда устроиться посоветовал Михал Михалыч Шахлатый. Это мой учитель. Я ведь по образованию – хирург. Шахлатый сказал, что дело того стоит и что сначала мне лучше поработать простым травматологом. Ну а машина у меня всё-таки есть, она сейчас на ремонте. Поэтому я пока пользуюсь общественным транспортом.

– Рекомендация Шахлатого дорогого стоит. Ну и как? Стоит дело того?

– Пока мне нравится. Главное, что персонал здесь бегают, а не ползают.

Для меня это очень хорошая оценка.

Поднимаюсь по лестнице.

– Ну-ка быстро, быстро! Слышишь, давай быстрее мой! – ещё на лестничной площадке слышу я голос из коридора второго этажа. – Сейчас Сашенька-зайчик придёт, такого навалит! А Елена потом ещё и добавит!

Узнаю голос одной из новых медсестёр. Не ошибся я тогда в своём будущем прозвище.

Ванька по моей просьбе приехал вовремя. Вместе с ним входим в палату к Солдатенко.

– Ну что, Борис Александрович, давайте попробуем отремонтировать ваш позвоночник. Кстати, рекомендую – мой младший брат Иван, тоже в прошлом мой пациент с аналогичной проблемой. Видите – ходит! И даже мне ассистирует.

– Да, не только хожу, но даже бегаю, – улыбаясь, поддакивает Ванька.

– Вы думаете, удастся? – осторожно спрашивает Солдатенко.

– А мы будем надеяться. Давай, Ванюха.

Всё как обычно. Укладываем пациента животом на моё колено. Ванька ставит руки на нужные места.

– Борис Александрович, молитесь Бога, чтобы вам сейчас стало больно. Будет больно – значит, всё получилось. Ванюха, на счёт три, – традиционно напоминаю я.

– Знаю я, – ворчит он.

– Раз... Два... Три!

– Еб!.. Уй... О-ох... Простите... Мне действительно было больно, – признаётся Солдатенко.

– Сейчас всё будем проверять.

Сначала прощупываю руками. Вроде позвонок стал на место. Но надо ещё рентген сделать.

– Ванюха, проверь чувствительность, а я пойду распоряжусь насчёт рентгена.

Возвращаюсь в палату. За мной Юра катит каталку.

– Привет, Ваня!

– Здорово! Саш... Всё в порядке. Ноги чувствуют.

– Александр Николаевич! Спасибо, – с растерянной улыбкой говорит Солдатенко. – Я уже и забыл, как ноги чувствуют... А что, ваши пациенты все знакомы между собой?

– Скоро целое братство будет, – ухмыляется Ванька.

– Ну тогда принимайте и меня, – улыбаясь, просит новый член братства.

Вечером, после своего вечернего обхода, показываю Солдатенко снимки.

– Вот, смотрите... Это у вас было. А так есть сейчас. Как говорится, почувствуйте разницу.

– Уже чувствую! Ногами! – он кивает. – А вы что домой не уходите?

– Во-первых, мне не идти, а ехать в город. А во-вторых, я сегодня на сутках. Так что у меня ещё вся ночь впереди. Ещё неизвестно, какая она будет.

– Что это значит?

– Я же не знаю, каких больных по «скорой» привозить – будут!

– Странно... Я уже понял сегодня, что вы делаете основную работу, а то, что попроще, делают ассистенты. Но ведь ночное дежурство – это не для вас! Так, по крайней мере, должно было бы быть?

– Так, да не так. Когда мы с Кириллом Сергеевичем вместе работали на севере, то он, будучи, как и здесь, главным врачом, для себя исключения не делал. И он прав! Кстати, мне ещё завтра надо ехать за ним в санаторий в Сестрорецк.

Я не случайно так подробно делюсь с Солдатенко всеми перипетиями. Мне очень хочется заинтересовать его, чтобы в дальнейшем заполучить в качестве благотворителя.

– Это работа на износ, Александр Николаевич, – сочувственно говорит он.

– Уверен, что настоящий врач должен работать именно так.

– А ведь немного таких врачей!

– В нашей больнице я стараюсь собирать именно таких. И не только врачей. Вон Шитова Елена Михайловна! Она готова здесь дневать и ночевать, лишь бы всё было в полном порядке. Да и другие...

– А ваш новый доктор? Ну которого уже при мне приняли.

– Оставляет вполне приятное впечатление. Алёшин Алексей Сергеевич, который его курирует на время испытательного срока, им доволен.

– Алёшин очень внимательный, но уж очень суровый человек, – с улыбкой замечает Солдатенко. – С ним не забалуешь. И Светлана Сергеевна – доктор замечательный.

– Согласен. Вообще у нас тут все хорошие собрались. А насчёт ночных дежурств... Полтора месяца назад во время такого же дежурства мы буквально спасли две жизни. Значит, не зря работаем! Согласны?

– На себе уже неделю убеждаюсь и удивляюсь, почему такие врачи работают в заштатной больнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.